Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Уральский гуманитарный институт

Кафедра фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения

На правах рукописи

КАЛИНИЧЕНКО Максим Олегович

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СПОРТИВНОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ: КОГЕЗИЯ И КОГЕРЕНТНОСТЬ

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Мухин Михаил Юрьевич

Екатеринбург — 2022 г.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 4
Глава 1. ПОНЯТИЕ ДИСКУРСИВНОЙ СТРАТЕГИИ В РАМКАХ СПОРТИВНОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ КАК ТИПА УСТНОГО СПОНТАННОГО ДИСКУРСА 20
1.1. Полипарадигмальность лингвистики в исследованиях языка и дискурса 21
1.2. Определение, многоаспектность и междисциплинарный характер дискурса .. 26
1.3. Специфика термина «дискурсивная стратегия» 38
1.4. Языковое оформление спортивного дискурса. Специфика спортивного комментирования 47
1.5. Методологические основания дискурсивных исследований 61
Выводы 80
Глава 2. РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ ПОСТРОЕНИЯ ДИСКУРСА СПОРТИВНОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ 83
2.1. Структура и связность дискурса: когерентность и когезия 83
2.2. Единицы анализа дискурсивных структур и стратегий 89
2.3. Алгоритм исследования стратегий построения дискурса спортивного комментирования 101
Выводы 104
Глава 3. СВЯЗНОСТЬ И ЦЕЛОСТНОСТЬ ДИСКУРСА СПОРТИВНОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ 107
3.1. Когерентность дискурса спортивного комментирования 107
3.2. Когезия эпизодов спортивного комментирования 122
3.3. Дискурсивные маркеры в речи спортивных комментаторов 131
3.4. Типовые языковые шаблоны в комментировании разных видов спорта 155
3.5. Синтаксические особенности спортивного комментирования 172

3.6. Лексико-грамматические категории в спортивном медиадискурсе и социокогнитивные предпосылки их использования 181
3.7. Сопоставительный анализ русско- и англоязычного дискурса индивидуального спортивного комментирования 193
Выводы 197
Глава 4. ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ ПАРНОГО/ГРУППОВОГО СПОРТИВНОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ 200
4.1. Адаптация к парному комментированию на уровне реплик и эпизодов 200
4.2. Конструкции расширения и продолжения реплик 208
4.3. Кооперативный принцип и речевые акты согласия и несогласия 221
4.4. Прочие стратегии в диалогической речи спортивных комментаторов 238
4.5. Сопоставительный анализ русско- и англоязычного дискурса парного/группового спортивного комментирования 248
Выводы 253
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 256
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 260
ПРИЛОЖЕНИЯ 283
Приложение 1. Кодировка расшифровок, составляющих материал исследования 283

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена изучению организации дискурса спортивного комментирования. Исследование выполнено на стыке нескольких лингвистических направлений: когнитивно-дискурсивного подхода, дискурсивного анализа и лингвистической прагматики. Дискурс в данной работе рассматривается как результат слияния когниции и коммуникации [Кубрякова 2004, с. 520] в условиях высокой когнитивной нагрузки, требуемой для производства устной и в значительной степени спонтанной речи спортивного комментатора, старающегося выстроить связный текст. Учитывается также прагматический аспект дискурса в изучении коммуникативной адаптации говорящего к реальным и предполагаемым собеседникам, модели ситуации спортивного телерепортажа, его контекста и организации диалога. На всех этапах исследовательской части диссертации проводится сопоставительный анализ двуязычного материала, а именно русско- и англоязычного спортивного комментирования.

Степень разработанности темы. Первые зарубежные исследования дискурса спортивного комментирования появились в 70-е годы XX в. вследствие популяризации радиотрансляций спортивных соревнований. Тогда ученые разрабатывали частные аспекты нового объекта: они усматривали в речи спортивных комментаторов расовые предубеждения (Р. Рэйнвилль, Э. МакКормик), присутствующие и по сей день (Я. Ван Стеркенбург), и приемы намеренной драматизации события с целью привлечь аудиторию (Дж. Брайант, П. Комиски). Спортивное комментирование в наши дни изучается как продукт СМИ и как особое дискурсивное пространство, в котором используются дискурсивные маркеры, разграничивающие единицы речи, шаблонные фразы, метадискурсивные средства как средства организации речи журналистов.

В трудах отечественных лингвистов термин «спортивный дискурс» получил свое развитие с 2001 г. после публикации работ А. Б. и Б. А. Зильбертов.

Спортивный дискурс представляется сложным коммуникативным продуктом с высокой степенью интердискурсивности, т. е. пересечения с другими видами дискурсов, в особенности с медиадискурсом. Поскольку спортивный дискурс обладает медийным потенциалом и высоким уровнем выразительности, появилась необходимость выделить в нем базовые концептуальные модели (Е. Г. Малышева [2011]) и проанализировать речь спортивных комментаторов с целью выявления ее риторических средств и стилистических особенностей (Р. Л. Гутцайт [2011, 2012], Л. Е. Пак [2016, 2017, 2018], К. В. Снятков [2007, 2008а, 2008б] и другие).

Анализ имеющейся литературы по спортивному комментированию показывает, что фокус исследований ограничен изучением риторического потенциала данного дискурса. В частности рассматриваются идиостилевые особенности речи отдельных комментаторов и лексико-стилистические средства, отличающие спортивное комментирование от других устных дискурсов. Недостаточно изученным является структурный аспект дискурса спортивного комментирования, а именно то, как из многочисленных фрагментированных дискурсивных фрагментов комментаторам удается создать связный нарратив, понятный телезрителю. Для выявления стратегий построения дискурса спортивного комментирования требуется методологический инструментарий дискурсивных исследований.

Дискурс-анализ – это междисциплинарный метод гуманитарных наук, в развитии которого немалую роль играет лингвистика текста. Методологию дискурс-анализа составляют конверсационный анализ, или анализ диалога (Г. Закс, Э. Щеглов, Г. Джефферсон, Р. Вуффитт); традиционный дискурс-анализ (Т. А. ван Дейк, Б. Джонстоун, А. А. Кибрик, В. И. Карасик, М. Л. Макаров и другие); критический дискурс-анализ (М. Йоргенсен, Л. Филлипс, Н. Фейркло, М. Фуко и другие). Дискурс как объект исследований интересует лингвистов прежде всего потому, что он предстает в виде реального речевого взаимодействия его

участников. Оно служит ценным материалом для исследований производства и восприятия речи в рамках выявления комплексных контекстуальных моделей и факторов, влияющих на функционирование и построение дискурса в соответствии с определенными стратегиями.

Одной из главных задач дискурсивного анализа является изучение структуры дискурса. Дискурс включает в себя единицы глобального и локального уровней: с одной стороны, это крупные блоки информации, границы которых обусловлены графическими (например, абзацы на письме) или логико-прагматическими и композиционными параметрами (например, реплики в диалоге); с другой стороны, это минимальные единицы, наполняющие дискурс смыслом (высказывания, интонационные единицы, клаузы и т. д.). Вопросы структуры дискурса и его единиц освещались такими лингвистами, как А. А. Кибрик, У. Чейф, В. Кинтш, Б. Грош, К. Сиднер и другими. Наиболее полно связность дискурса и его членение раскрыты в теории макропропозиций Т. ван Дейка [2000], под которыми понимаются последовательности пропозиций высказываний, составляющих большой дискурсивный отрывок.

В данной работе вопросы смыслового и структурного членения дискурса (когерентности и когезии) обсуждаются, для того чтобы определить дискурсивные стратегии спортивного комментирования, то есть способы обеспечения связности дискурса на его глобальном и локальном уровнях, с учетом недостатка времени и значительной когнитивной нагрузки комментатора – двумя главными факторами, затрудняющими стройное повествование событий соревнования.

Спортивное комментирование является уникальным жанром устной речи. Оно производится спонтанно; содержит в себе элементы повествования, описания, размышления, эффективного публицистического текста; отличается одновременно экспрессивностью и аналитичностью речевого поведения. В связи с этим спортивное комментирование представляет научный интерес не только в плане

своего эстетического содержания, но также и технического исполнения, а именно: как комментатор избирает, о чем говорить; как переключается с одного типа текста к другому; как адаптируется к аудитории и собеседникам; как при этом обеспечивает связность дискурса в условиях постоянно меняющихся и возникающих спортивных событий.

Мы утверждаем и доказываем в работе, что данные коммуникативные задачи выполняются комментатором с помощью дискурсивных стратегий, позволяющим говорящему маркировать границы локальной и глобальной структуры дискурса с целью смысловой координации текста, чтобы аудитория могла легко считать логику его построения и чтобы не допустить когнитивную перегрузку при обработке сообщения. Обнаруженные в ходе анализа дискурсивные стратегии позволяют выявить психолингвистические особенности порождения речи спортивным комментатором. При этом в спортивном комментировании проявляются жанровые особенности, выявляемые с учетом специфики большой и разнообразной аудитории, детерминируемые нарастающим в ходе развертывания соревнования и дискурса количеством информации о событии и его участниках.

Актуальность исследования дискурсивных стратегий спортивного комментирования обусловлена общим интересом лингвистики к исследованиям языка СМИ и спортивного дискурса. При этом спортивное комментирование недостаточно изучено в структурном аспекте: существует тенденция к его рассмотрению исключительно как пространства для реализации риторического и стилистического потенциала. На сегодняшний день не разработаны в полной мере следующие исследовательские направления: рассмотрение спортивного комментирования как особого типа устной, в значительной степени спонтанной речи, включающей в себя одновременно черты монолога и диалога; изучение процесса производства такого дискурса, требующего серьезных когнитивных затрат и предполагающего решение проблем выбора предмета повествования и

обеспечения связности текста; выявление основных характеристик современного состояния спортивного медиадискурса и актуальных дискурсивных практик спортивных комментаторов.

Объектом данного исследования является спортивное комментирование как процесс производства устного дискурса спортивным комментатором во время соревнования, а **предметом** – стратегии построения дискурса спортивного комментирования, обусловленные структурными и социокогнитивными аспектами коммуникативной модели ситуации спортивного телерепортажа.

Термин «дискурсивная стратегия» отличается от понятий «речевая стратегия» и «коммуникативная стратегия» тем, что он в первую очередь предопределен структурным аспектом спортивного дискурса (подробнее об этом см. в п. 1.3). В данном исследовании предпринята попытка объяснить, как говорящий (спортивный комментатор) стратегически выстраивает свою речь, чтобы она была связной, соотносилась с его коммуникативными интенциями, оптимально передавала информацию слушающему (телевизионной аудитории). В свою очередь речевые и коммуникативные стратегии ограничиваются уровнем выбора темы и языковых единиц в рамках одного высказывания.

Цель нашего исследования – выявить дискурсивные стратегии индивидуального и парного/группового спортивного комментирования, проанализировав их во взаимодействии с категорией связности. Для достижения цели исследования были поставлены и решены следующие **задачи:**

1) теоретически осмыслить ключевые для исследования понятия «дискурс», «дискурсивная стратегия», «структура дискурса», «связность дискурса» и другие;

2) отобрать и обозначить единицы анализа глобальной и локальной структуры дискурса спортивного комментирования;

3) разработать модель анализа дискурсивных стратегий с учетом прагматических целей и когнитивных ограничений говорящего;

4) охарактеризовать специфику категории семантической (когерентности) и структурной (когезии) связности дискурса спортивного комментирования и обеспечивающих ее единиц (дискурсивные маркеры, языковые шаблоны, специфические лексико-грамматические формы и другие);

5) выявить дискурсивные стратегии парного/группового спортивного комментирования;

6) сопоставить дискурсивные стратегии индивидуального и парного/группового спортивного комментирования;

7) сопоставить дискурсивные стратегии в речи русско- и англоязычных спортивных комментаторов.

Материалом исследования являются макроэлементы (единицы выше уровня предложения) и микроэлементы (единицы внутри предложения) структуры дискурса индивидуального и парного/группового спортивного комментирования таких видов спорта, как футбол, теннис, велогонка, автогонки серии «Формула-1». В процессе работы для дискурсивного анализа методом сплошной выборки было извлечено более 3500 единиц, среди которых около 2200 макроединиц (дискурсивных фрагментов и эпизодов) и около 1300 микроединиц, являющихся компонентами локальной структуры дискурса (дискурсивных маркеров, реплик, языковых единиц на уровне синтаксиса и на более низких уровнях языковой структуры). **Источниками материала** послужили шесть русскоязычных и два англоязычных спортивных репортажа с футбольных, теннисных, велоспортивных и автогоночных соревнований, прошедших в период с 2012-го по 2019-й гг. Эти репортажи представляют собой телевизионные трансляции продолжительностью от полутора до пяти часов. Расшифровки речи комментаторов подготовлены нами

самостоятельно. Объем полученных текстов варьируется от 14000 до 45000 слов (общий объем – 185000 слов).

Несовпадение количества анализируемых русско- и англоязычных репортажей вызвано двумя факторами. Во-первых, в современном спортивном комментировании США и Великобритании репортажи с одним комментатором почти отсутствуют, так как в их индустрии закрепилась традиция парного/группового комментирования. На российских телеканалах последние десять лет еще пока транслируются соревнования, которые комментируются одним человеком. В связи с этим возникла аналитическая необходимость в подготовке двух дополнительных расшифровок русскоязычного индивидуального спортивного комментирования, чтобы обозначить основные способы обеспечения связности этого дискурса и выявить черты парного/группового спортивного комментирования в разных странах мира.

Во-вторых, во время исследования было обнаружено, что речевое поведение комментаторов в паре/группе по прошествии времени претерпевает изменения. Для проведения диахронического исследования, описываемого в параграфе 4.1, необходимо было проанализировать расшифровки эфиров, участником которых являлся бы один и тот же комментатор. Поэтому, чтобы проследить изменения в используемых им дискурсивных стратегиях, к русскоязычному материалу были добавлены еще два репортажа.

Методологической основой модели анализа в данной диссертации является методика дискурс-анализа, разработанная на основе шестиаспектной классификации, предложенной Б. Джонстоун: связь дискурса с миром, структура дискурса, участники дискурса, предшествующие тексты и дискурсы, средства порождения дискурса, дискурс как намерение и толкование намерений [Johnstone 2008]. Особое внимание в данной работе уделяется изучению структуры дискурса, так как локальные и глобальные структуры (термины А. А. Кибрика [2003])

спортивного комментирования указывают на наличие поддающихся выявлению и анализу речежанровых шаблонов, закрепленных в предыдущих текстах или являющихся речетворческим решением говорящего.

В работе также учитываются достижения социокогнитивного подхода к дискурсу [van Dijk 2018]. Это новое направление занимается изучением связных текстов с точки зрения их социального контекста и когнитивных механизмов, функционирующих в сознании говорящего. Выбор данного методологического основания работы обусловлен сочетанием когнитивных и социальных факторов, которое проявляется и в устном спонтанном дискурсе в целом, и в дискурсе спортивного комментирования. С одной стороны, в порождаемом дискурсе прослеживаются структурные решения и речевые стратегии спортивного комментатора, который задействует такие когнитивные основания, как мышление, память, репрезентации. С другой стороны, эти когнитивные механизмы имеют социальное начало, так как используются при характеристике участников соревнования и подборе адекватных языковых средств с целью выстраивания эффективной коммуникации с телезрителями или другим комментатором.

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды по следующим направлениям лингвистического знания:

- полипарадигмальная методология лингвистики (Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Бабенко, Н. Н. Болдырев, С. А. Бурлак, В. З. Демьянков, З. И. Комарова Е. С. Кубрякова, Л. Г. Лузина, С. А. Старостин, Дж. Бакстер, Н. Хомский);
- дискурсивные исследования (Э. В. Будаев, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, А. А. Кибрик, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, М. Л. Макаров, М. Ю. Мухин, Е. Ф. Серебренникова, И. А. Стернин, Ю. С. Степанов, Л. В. Цурикова, Т. ван Дейк, П. Бейкер, Я. Бломмерт, Р. де Богран, Р. Водак, Р. Вуффитт, Н. Гилберт, Дж. П. Джи, Б. Джонстоун, М. Малкей, П. Серио, Д. Таннен, Н. Фейрклоу, Дж. Флауэрдью, М. Фуко, Дж. Шерзер, Д. Шиффрин) в связи с формированием

авторской методики дискурс-анализа, направленного на устный спонтанный (незапланированный) тип дискурса;

- труды, посвященные исследованию категории связности текста и дискурса (Ю. М. Лотман, А. Абу-Акел, Т. ван Дейк, Б. Грош, Дж. П. Джи, Э. Окс, К. Сиднер, Б. Стродт-Лопес, М. Халлидей) – для выработки принципов членения дискурса на значимые макроэлементы обнаружения функциональных единиц, поддерживающих такую связность;
- анализ диалога и прагматики устной речи (Г. А. Золотова, Б. Ю. Норман, Е. Н. Ремчукова, Н. Н. Шпильная, Р. Вуффитт, Р. Гарднер, Г. Джефферсон, Г. Закс, Я. Зенковски, Р. Картер, С. Левинсон, П. Линелл, М. МакКарти, Д. Маццарелла, Л. Мондада, Дж. Л. Остин, Э. Щеглов) – для исследования диалогических текстов в рамках спортивного комментирования;
- гуманитарные исследования спортивного дискурса и спортивного комментирования (Р. Л. Гутцайт, А. Б. Зильберт, Б. А. Зильберт, О. П. Коваль, Е. Г. Малышева, Л. Е. Пак, Н. Б. Попова, Н. А. Пром, О. С. Рогалева, К. В. Снятков, М. Бальцер-Сайбер, Дж. Брайант, П. Комиски, К. Куйпер, С. Ноусон, Д. Дж. Риверс, Р. Рэйнвилль, Дж. Ризер, Дж. О. Сеграв, Ч. Фергюсон, Я. Чованец);
- теории, касающиеся анализа речевых стилей и дискурсивных стратегий (М. М. Бахтин, М. Н. Володина, В. В. Дементьев, О. С. Иссерс, М. В. Корсунская, А. В. Семенова, Т. Е. Янко).

Для достижения целей и задач работы был применен комплекс подходов и **методов** научного лингвистического исследования:

- общенаучные методы, а именно методы анализа/синтеза и методы индукции/дедукции для обобщения и уточнения теоретических оснований диссертации; метод аргументации для выдвижения предлагаемой модели исследования; метод моделирования для разработки алгоритма исследования; количественный метод для подсчета ключевых количественных показателей,

идентификации и отбора наиболее частотных и значимых языковых единиц; метод классификации для распределения множества выявленных типовых единиц по различным основаниям; описательный метод для фиксирования и интерпретации результатов исследования; сопоставительный анализ для сравнения и выявления уникальных дискурсивных стратегий в русско- и англоязычном спортивном комментировании;

- частнонаучные лингвистические методы, а именно дискурсивный анализ для изучения спортивного комментирования как «языка в действии», для идентификации, членения и пояснения употребления единиц глобальной и локальной структуры дискурса, для изучения связности речи спортивных комментаторов; конверсационный анализ для раскрытия коммуникативных ожиданий говорящих комментаторов и обнаружения типичных последовательностей реплик; функционально-прагматический анализ для исследования отдельных языковых единиц, потенциально обладающих имплицитными смыслами; лексико-грамматический и синтаксический анализ для изучения локальных единиц, обеспечивающих достижение дискурсивных стратегий спортивного комментатора.

Научная новизна данной диссертации заключается в том, что исследовательский акцент работы сделан на исследовании спортивного комментирования как динамического процесса. В научный репертуар традиционного коммуникативно-прагматического и стилистического анализа речи комментаторов введен новый материал: типичные дискурсивные структуры, стратегии и последовательности коммуникативных ходов и чередования реплик в диалогическом общении между комментаторами.

Представлено членение дискурса спортивного комментирования на самостоятельные семантико-структурные макроединицы: дискурсивные фрагменты и эпизоды. Помимо них, выявлены и уточнены единицы, способные

выполнять функцию дискурсивных маркеров. В русскоязычную науку введен термин «языковой шаблон», обозначающий одну из микроединиц, составляющих дискурс спортивного комментирования.

Сопоставлены дискурсивные стратегии построения русско- и англоязычного спортивного комментирования. Впервые проведено разделение и сопоставление индивидуального и парного/группового спортивного комментирования, так как работа комментаторов в паре или группе стала установившимся стандартом на западном и российском спортивном телевидении и отличается особой реализацией дискурсивных стратегий. Таким образом, в данной работе дискурсивный анализ проведен параллельно над текстами в двух режимах: «комментатор → зритель» и «комментатор → комментатор».

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно расширяет имеющиеся лингвистические знания о структуре и связности устного дискурса. Осуществляемый подход дает возможность рассмотреть специфику одновременного развития в дискурсе двух категорий связности – когерентности и когезии.

Предложенная модель исследования не ограничивается анализом стилистических средств, а объясняет, каким образом комментаторы генерируют тексты, что углубляет научные представления о лингвистике нарратива, так как спортивное комментирование представляет собой в значительной степени неподготовленное повествование о происходящих событиях в условиях недостатка времени для порождения связного текста. Показано, что две подкатегории связности в дискурсивной практике спортивных комментаторов обеспечиваются определенными единицами – главными и побочными дискурсивными фрагментами (когерентность) и эпизодами (когезия).

Теоретически значимы выводы о внутримонологической диалогичности индивидуального комментирования и внутридиалогической монологичности

парного/группового комментирования, определяемые факторами коммуникативной адаптации. Парное/групповое спортивное комментирование представляется как дискурс внутри дискурса на основе выявления условий его порождения и социокогнитивного фона, коммуникативной адаптации говорящего к собеседникам и когнитивных ограничений, наложенных на передачу информации ситуацией общения.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных знаний в теории и практике дискурсивного анализа устной речи, исследованиях спортивного дискурса и процессов комментаторского сопровождения различных событий. Результаты применимы в спортивной журналистике – с целью оптимизации процесса осмысления комментаторами логичности собственного повествования и наличия идиостилевых дискурсивных стратегий. Возможно использование предложенных способов дискурсивного членения в алгоритмах автоматической обработки текста – для сегментации устных текстов большого объема. Полученные результаты могут быть востребованы в практической риторике с целью структурирования речей, адресованных большой аудитории, и в преподавании языков с целью обучения прагматическим параметрам устной речи. Наконец, теоретические и практические аспекты диссертации могут быть отражены в практике преподавания различных лингвистических дисциплин.

Достоверность результатов исследования обусловлена тем, что теоретические основания кандидатской диссертации и концепция модели исследования основываются на привлечении классической и современной методологии отечественных и зарубежных лингвистов в области теории дискурса. При анализе языкового материала учитываются социальные, когнитивные, прагматические и контекстуальные факторы производства дискурса. Анализируемая речь комментаторов представлена не отдельными отрывками, а

полными расшифровками текстов, что делает подсчеты более точными, а статистические и табличные данные сопровождаются примерами, наглядно отображающими наличие в исследуемом материале известных ранее и новых стратегий и средств обеспечения связности дискурса.

Положения, выносимые на защиту:

1. Спортивное комментирование отличается от других видов устного спонтанного дискурса динамикой процесса спортивного соревнования, к которой должен постоянно адаптироваться комментатор. Недостаток времени для порождения речи и необходимость удерживать в памяти множество событий накладывают значимые ограничения на коммуникативные интенции комментатора и на композицию сообщения. С другой стороны, при медленном течении соревнования с неритмичной последовательностью действий комментатор прибегает к более пространному нарративу, прерывающемуся в связи со значимыми событиями, которые требуют от говорящего вербальной реакции.

2. Дискурс спортивного комментирования направлен на эффективное достижение главной дискурсивной цели комментатора – наиболее полно и доступно донести до зрителя сообщения о параметрах и событиях соревнования, происходящего в режиме реального времени. Этот процесс усложняется по причине постоянной смены происходящих событий, взаимодействия двух или более комментаторов, переключения режима дискурса из монологического в диалогический и обратно, что приводит к комплексности и фрагментированности формирующегося текста. Чтобы сделать дискурс более логичным и понятным, спортивные комментаторы прибегают к стратегиям обеспечения связности посредством дискурсивных маркеров и других языковых средств, позволяющих превратить хаотичный диалогический дискурс в целостный и пригодный для зрительского восприятия.

3. Членение и анализ дискурса спортивного комментирования осуществлены с учетом двух типов категории связности: семантической связности (когерентности) и структурной связности (когезии). Подобный двухкомпонентный подход к анализу исследуемого дискурса вызван феноменом постоянного переключения речи комментатора с главной дискурсивной цели на второстепенные темы, обеспечивающие полноту сообщения. Связное комментирование событий обеспечивает когерентность дискурса; связная последовательность дискурсивных эпизодов – его когезию.

4. Связность дискурса спортивного комментирования, складывающегося в режиме реального времени, оформляется комментаторами с помощью стандартных прагматических подсказок, маркирующих начало и завершение дискурсивных единиц. Факторы, ограничивающие развертывание дискурса, и повторяющиеся события приводят к появлению высокочастотных типовых единиц: дискурсивных маркеров и языковых шаблонов – устойчивых выражений, обозначающих повторяющиеся события в повторяющихся коммуникативных условиях. Обнаружено, что языковые шаблоны в начале эпизодов выступают в качестве дискурсивных маркеров.

5. В индивидуальном спортивном комментировании говорящий периодически обращается к аудитории, тем самым его монологическая речь обретает черты диалогичности. В парном/групповом комментировании семантическая связность дискурса не претерпевает изменений, а структурная связность адаптируется под диалогическую речь из-за появления другого говорящего, его точки зрения и коммуникативной инициативы. Диалогическая речь комментаторов может как нарушать развитие монологического дискурса, так и, напротив, облегчать его посредством смежной пары «наводящий вопрос – положительный ответ», реплик-поправок и конструкций дополнения к репликам собеседника.

6. Логика построения дискурса и обеспечение его связности не отличаются в русском и английском спортивном комментировании, за исключением отдельных безэквивалентных слов и фразовых групп. В то же время в парном/групповом комментировании сказываются этносоциальные и лингвокультурные различия: диалоги между российскими комментаторами отличаются частыми отступлениями от темы с целью разрешения спора или дополнения к речи предыдущего оратора, в то время как англоязычные комментаторы более строго соблюдают коммуникативно-прагматические правила и реже не соглашаются друг с другом.

Апробация работы. Основные положения исследования обсуждались на заседаниях кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения и на научно-исследовательском семинаре (2019 – 2022 гг.). Результаты исследования были представлены на международных научных конференциях: «Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании» (Екатеринбург, 2019 г.), «Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус» (Екатеринбург, 2019 г.), «Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации» (Екатеринбург, 2020 г.) и «Трансформация реальности: стратегии и практики» (Екатеринбург, 2021 г.). По проблематике диссертационного исследования опубликовано 7 научных работ общим объемом 3,6 п.л., в том числе 3 статьи в рецензируемых журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка и одного приложения. Первая глава («Понятие дискурсивной стратегии в рамках спортивного комментирования как типа устного спонтанного дискурса») посвящена теоретическим основам диссертации. Вторая глава («Разработка модели исследования стратегий построения дискурса спортивного комментирования») отражает формирование предлагаемой модели

исследования. Третья («Связность и целостность дискурса спортивного комментирования») и четвертая («Дискурсивные стратегии в диалогической речи парного/группового спортивного комментирования») главы посвящены практическому исследованию дискурса спортивного комментирования в целом и особенностям диалогического спортивного комментирования. Библиографический список составляют 206 источников. В приложении содержится информация о расшифрованных текстах, являющихся источниками материала исследования.

Глава 1. ПОНЯТИЕ ДИСКУРСИВНОЙ СТРАТЕГИИ В РАМКАХ СПОРТИВНОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ КАК ТИПА УСТНОГО СПОНТАННОГО ДИСКУРСА

В данной главе обсуждаются противоречивые интерпретации термина «дискурс», аргументируется выбор социокогнитивного подхода к изучению дискурса, дается интерпретация понятия дискурсивной стратегии, выявляется связь дискурс-анализа с лингвистической теорией.

Цель данной главы – обозначить терминологическую основу диссертационного исследования, а именно представить лингвистические знания, необходимые для научного подхода к изучаемому объекту – спортивному комментированию. Необходимо связать имеющиеся фрагментированные работы, имеющими объектом своего анализа спортивное комментирование.

Достижение этой цели требует поэтапного решения следующих задач:

1) представления развития парадигм лингвистического знания в целом и когнитивно-дискурсивной парадигмы в частности;

2) теоретического осмысления многоаспектного и комплексного понятия «дискурс», по-разному толкуемого в гуманитарных науках;

3) интерпретации определения дискурсивной стратегии в рамках идеологического дискурс-анализа и уточнения дефиниции в связи со структурно-стратегической природой дискурса;

4) теоретического обзора понятия «спортивный дискурс» в отечественной и зарубежной литературе, анализа и синтеза современных трудов, объектом которых стала речь спортивных комментаторов;

5) обозначению методологии дискурс-анализа, проведения аналитических границ исследования, представленного в данной диссертации.

1.1. Полипарадигмальность лингвистики в исследованиях языка и дискурса

В теме диссертации заявлено такое обширное понятие, как дискурс. Прежде чем говорить о дискурсе в целом и спортивном дискурсе в частности, нужно определить область в которой осуществляется наше исследование. Было бы логично приписать его к когнитивно-дискурсивной парадигме. Л. Г. Лузина [2008, с. 40] утверждает, что данный термин был введен Е. С. Кубряковой в 1994 году [1994].

Слово «парадигма», пусть и переосмысленное, берет свое начало из труда Т. Куна «Структура научных революций». Под парадигмами понимаются модели постановки проблем и их решений, из которых возникают конкретные научные традиции и практика научного исследования [Кун 2009, с. 11–12; 32]. Как только понимание «нормальной» науки – науки, «которая допускает, что ученые уже знают все о том, как функционирует окружающий нас мир», – становится невозможным из-за противоречивого набора накопленных научных фактов и теорий, появляется «новая система профессиональных предписаний». Такая смена и называется научной революцией [Там же, с. 25].

Научные революции, или сдвиги научных парадигм, наблюдаются и в истории лингвистики. Связано это с неоднородным восприятием объекта лингвистики – языка – с течением времени. В монографии О. С. Иссерс представлены шесть «образов языка» в науке: язык как член семьи языков, язык как язык индивида, язык как структура, язык как система, язык как тип и характер, язык как пространство мысли и «дома духа» [2017, с. 14–18]. Эти научные интерпретации привели к появлению соответствующих направлений языкознания. По мнению ученого, первые два образа образовали парадигму, считающейся первой в хронологии установившейся лингвистики, – сравнительно-историческое языкознание; следующие два образа составили системно-структурную парадигму; остальные два приблизили лингвистику к антропоцентрической парадигме.

Нужно отметить, что номенклатура лингвистических парадигм разнится. В многочисленных классификациях в разной степени фигурируют сравнительно-историческая, системно-структурная, когнитивная, антропоцентрическая парадигмы [Комарова 2012, с. 368] с упоминанием таких направлений, как генеративизм и неофункционализм [Кубрякова 2008, с. 8]. Осуществим попытку объединить существующие классификации с целью определения того, какое место дискурсивные исследования занимают в современной лингвистике и на каком этапе, для какой парадигмы дискурс стал объектом лингвистических исследований.

Вне зависимости от предлагаемых номенклатур и вариантов интепретации эволюции лингвистического знания можно точно заявить, что в языкознании произошел переход от системно-структурной парадигмы к коммуникативно-прагматической [Алефиренко 2014, с. 19], т. е. от формализма к функционализму. Акценты науки сместились с изучения неизменяемого языка к изучению языковых проявлений и реальной речи индивидов. Однако это не значит, что исследователи в области дискурса отказываются от идей структурализма. Как верно подмечает Л. Г. Бабенко, дискурсивно-когнитивный подход к изучению языка логично продолжает направление антропологизма, опираясь в том числе на достижения структурализма [2020, с. 27].

Структурализм, появившийся в лингвистике благодаря лекциям Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики», наследовал от сравнительно-исторического языкознания тенденцию к классификации и систематизации материала [Бурлак, Старостин 2005, с. 3] без учета языковых изменений. Изначально структуралисты понимали дискурс как языковую структуру выше предложения [Harris 1952] и не учитывали его место в человеческом взаимодействии. В середине XX в. недостаток дальнейших дискурсивных исследований был вызван появлением генеративизма Н. Хомского, разграничившего языковую компетенцию и

использование языка [Chomsky 1985, p. 4], причем полностью отказываясь от изучения языкового использования.

Н. Хомский резко высказывался против структуралистской концепции Ф. де Соссюра [Алпатов 2018, с. 26], но соглашался с идеями В. фон Гумбольдта о творческом характере языка [Chomsky 1985, p. V, 8] и «бесконечном использовании конечных ресурсов», впоследствии названным рекурсией – главной особенностью естественного языка и частью языковой компетенции [Chomsky 1964, p. 23; Hauser et al. 2002; Fitch et al. 2005]. Развитие идеи «универсальной грамматики» раскрыло новые горизонты для психолингвистики, в частности – в области исследований ментальной грамматики и процесса овладения родным и иностранным языками [Archibald 2016, p. 372; O'Grady, Cho 2016, p. 354]. Генеративная (порождающая) грамматика все еще является доминантой в изучении синтаксиса [Radford 2006; Carnie 2013; Chomsky 2015], но исключительно за рубежом, так и не став «единственным стандартом научности для всех лингвистов мира» [Демьянков 2008, с. 35].

Генеративизм еще в своем зарождении подвергся критике, так как его грамматика отрывалась от психологической реальности [Botha 1987, p. 103]. Д. Хаймс указал на отсутствие коммуникативного компонента при рассмотрении языка исключительно с точки зрения генеративной грамматики и ввел понятие «коммуникативной компетенции» [Schmitt, Celce-Murcia 2020, p. 5], которое включает в себя языковой уровень, но также добавляет компетенцию стратегий. В свою очередь ее языковой уровень делится на организационную (грамматику и текст) и прагматическую (иллокуцию и социолингвистическую компетенцию) [Archibald 2016, p. 364].

Таким образом началось развитие коммуникативно-прагматической парадигмы языкознания, так как она затрагивала одну из самых значимых функции языка – коммуникативную. Коммуникацию невозможно рассматривать

без ее участников, а язык – без приведения его в действие. Новых исследователей интересовала языковая личность, ее коммуникативно-прагматические интенции, коммуникативное взаимодействие собеседников. Согласно коммуникативно-деятельностному подходу любой разговор есть обмен мыслями и социальное действие [Айвазашвили 2017], а употребление языковых средств рассматривается через призму «коммуникативной ситуации», согласно которой говорящие настраивают свое речевое поведение [Муравлева 2020].

В номенклатуре парадигмы также фигурирует прагматический компонент. Помимо Д. Хаймса, реальным использованием языка занимались представители нового направления – лингвистической прагматики [Норман 2009], отвечающей за принципы языкового использования, а именно за то, в каком контексте произносятся определенные высказывания [Levinson 2008, p. 7-8]. В лингвопрагматическом анализе важно не только содержание речи говорящего, но и последовательный контекст, диктуемый ожидаемыми структурами анализируемого разговора. Объектами прагматических исследований обычно являются дейктические слова и выражения, импликатуры, пресуппозиции и речевые акты.

Теория речевых актов гласит, что смысл высказывания зачастую находится вне его структуры. Автор теории Дж. Остин первым предложил сменить разграничение правдивых и ложных, синтаксически правильных и неправильных предложений на понятие (не)успешности высказывания [Austin 1962]. Эти основания дали большой простор для дальнейших лингвистических исследований в области речевой коммуникации, речетворчества и анализа разговора.

Однако новая лингвистическая теория не ограничилась функциональным подходом, ведь язык выполняет не только коммуникативную, но и когнитивную функцию. Появилась необходимость в поиске присущего всем людям набора мыслительных способностей, которые порождают концептуальные системы [Chomsky 1986; Evans, Green 2009, p. 56].

Когнитивно-дискурсивную парадигму в лингвистике называют одним «из самых перспективных направлений в исследованиях междисциплинарного характера» [Кубрякова 2004, с. 41]. Согласно когнитивному подходу к языку, языковую деятельность можно понимать и изучать только в качестве одной из когнитивных способностей человека [Кибрик 2003, с. 5]. Язык в призме когнитивной лингвистики – это средство «фиксации, хранения, переработки и передачи *знания*» (Курсив наш. – *М. К.*) [Маслова 2007, с. 8]. Носитель языка, пользующийся этим средством для обработки знаний, результатов мышления, вербализации ментальных процессов и состояний – это человек *познающий* [Трошина 2008, с. 104]. Иными словами, человек познает мир и фиксирует результаты познания в форме знаний, которые затем приводят к умозаключениям, к более полной характеристике объектов действительности и ментальных сущностей. Н. Н. Болдырев утверждает, что под когницией понимается не только намеренное познание, но и общее восприятие мира, осознанная и неосознанная обработка любой полученной информации [Болдырев 2014, с. 20]. В когнитивно-дискурсивной парадигме элементом, связывающим «текст» и «мир», является дискурс, который Н. Д. Арутюнова точно обозначила как «речь, погруженную в жизнь» [Языкознание… 1998, с. 137].

В полноценных дискурсивных исследованиях невозможно отделить когнитивный и коммуникативно-деятельностный подход к речевой деятельности. Когнитивно-дискурсивная парадигма синтезирует идеи когнитивных наук и знаний о языке с коммуникативной и функциональной лингвистикой [Лузина 2008, с. 42]. Такое объединение было необходимо, так как «классический когнитивизм» был слишком сфокусирован на изучении ментальных репрезентаций. В то же время коммуникативная парадигма реализовалась в теории речевых актов и прагматическом анализе, а дать лингвистическое описание потенциально бесконечному количеству высказываний не представляется возможным.

Возникает вопрос о том, к какой лингвистической парадигме причисляются дискурсивные исследования. Сквозь все работы по парадигмам лингвистического знания проходит магистральная идея Е. С. Кубряковой о том, что коммуникативную и когнитивно-репрезентантивную функции языка нельзя рассматривать изолированно друг от друга [Кубрякова 2004, с. 520]. Более того, Е. С. Кубрякова в словосочетании «когнитивно-дискурсивный» под дискурсом понимает коммуникацию [Там же, с. 406].

Не стоит забывать, что изучение дискурса также берет в качестве теоретической базы методологические основы структурализма в связи с тем, что у дискурса также наличествуют структура и атомарные единицы. Дискурс можно членить на значимые элементы: в нем обнаруживаются фиксированные структуры, шаблонные языковые формы и следы предыдущих дискурсов.

Итак, анализ дискурса не ограничивается инструментарием когнитивно-дискурсивной парадигмы. Данная методика также вбирает в себя черты антропологизма – в связи с учетом человеческого фактора в производстве дискурса, прагматики – в связи с коммуникативными интенциями и их эксплицитными и имплицитными воплощениями, а также предполагает этап структурного анализа его дискретных элементов.

1.2. Определение, многоаспектность и междисциплинарный характер дискурса

Дискурс – понятие комплексное и дискуссионное. Неоднозначность определения возникает уже в словарной статье Лингвистического энциклопедического словаря. Некоторые дефиниции дискурса отталкиваются от родового понятия «текст»:

- «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами»;
- «текст, взятый в событийном аспекте».

Остальные определения оперируют понятием «речь»:

- «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)»;
- «речь, “погруженная в жизнь”» [Языкознание… 1998, с. 136-137].

Из противопоставления текста и речи появляется первая двойственность дискурса – его процессуальность и результативность: дискурс можно понимать как связный текст, т. е. результат, так и деятельность, в процессе которой порождается текст. Наиболее оптимальным нам представляется определение, данное В. В. Красных и включающее в себя обе ипостаси дискурса: «дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими планами» [2003, с. 113], поскольку в любом разговоре участвуют сознания коммуникантов, а в процессе их взаимодействия рождается текст.

Во время акта говорения коммуниканты одновременно вербализуют релевантные объекты действительности, явления, события и действия. Изолируя текст от физиологических, когнитивных и коммуникативных условий его порождения, исследователь теряет из виду критически важный контекст. При лингвокогнитивном подходе дискурс рассматривается как процесс, в котором порождение и восприятие текстов – это лишь один из факторов конструирования совместного знания коммуникантами. Помимо этого нужно учитывать

дискурсивный выбор языковых средств, глобальный и локальный контекст, отражение действительности в сознании говорящих.

Дискурс является результатом «мыслительной и языковой обработки эмпирического опыта, воплощенного в определенной пространственно-временной обстановке посредством пропозиций» [Темнова 2004, с. 32]. Знания о мире отражаются в пропозициях, высказываниях и предложениях, т. е. их можно вывести из эксплицитных языковых единиц. Дискурс и есть опыт, или практика вербализации предварительно полученного опыта. Интернализация опыта может не совпадать с рассказом о нем: одна и та же история может быть по-разному интерпретирована разными людьми.

Недаром немецкий ученый С. Аренс утверждал, что письмо – это не результирующий продукт обучения, научного исследования или любого другого опыта; письмо – это *средство* такой работы [Ahrens 2017, p. 2]. Что письменный, что устный дискурс является одновременно и результатом деятельности, и самой деятельностью, и средством такой деятельности.

Что касается обратного процесса обработки дискурса, необходимо обратиться к идеализированной модели конструкции-интеграции В. Кинча. Понимание дискурсивного содержания начинается с фазы построения, в которой компоненты предложения соединяются в промежуточную ментальную презентацию того, о чем говорится в предложении. На следующем этапе активируются актуальные знания и концепты, необходимые для понимания семантической базы дискурса, а неактуальные – деактивируются. Вместе эти знания и текстовая информация перемещаются в долговременную память. Результатом обработки дискурса является ментальное представление о переданной текстовой информации с релевантным активизированным знанием и выделенными инференциями говорящего [цит. по: Wolfe, Griffin 2018, p. 297].

Лингвисты разводят понятия «текст» и «дискурс», указывая на то, что текст – это результат, а дискурс – это процесс. Текст является единицей языковой, а дискурс – прагматической [Johnstone 2008, p. 6]. Однако это очень условное разграничение, связанное с тем, что, согласно разным источникам, «языком в действии» занимается как дискурс-анализ [Johnstone 2008, p. 4], так и прагматика [Gee 2018, p. 20-21], поскольку прагматика изучает изолированные высказывания и останавливается на локальном контексте, достаточном для интерпретации отдельной реплики или речевого акта, а дискурс-анализ работает с большими корпусами текста и учитывает общий, социальный контекст за пределами уровня предложения. Прагматический анализ может быть применен и на уровне дискурса. Можно сказать, что дискурс вбирает в себя и семантику (значение языкового знания), и прагматику (значение внеязыкового знания) [Strodt-Lopez 1991, p. 119].

Что касается текста и его словесного наполнения, они являются «составной частью» дискурса наряду с процессами обработки и производства дискурса [Кибрик 2003, с. 4]. На дискурсивном уровне «происходит порождение глубинных смыслов» в рамках текста, аргументации, последовательности речевых актов и системы индивидуальной картины мира коммуникантов [Голышкина 2017, с. 67]. На основе этого возникает дополнительное различие текста и дискурса: первый – статичен, второй – динамичен [Хурматуллин 2009, с. 36].

Определение Н. Д. Арутюновой указывает на категорию связности текста и смыслообразующую природу дискурса, а удачная фраза «речь, погруженная в жизнь» вызывает вопрос: что, собственно, подразумевается под «жизнью», когда речь идет о дискурсе? Ответ содержится в дополнительном, общепринятом определении («связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами»), объединяющем области прагматики, ментальных процессов и когнитивных наук.

В современном гуманитарном знании существуют три основных понимания дискурса: дискурс как «язык сверх предложения» (*language above the sentence*), дискурс как язык в действии и в социальном контексте, дискурс как набор дискурсов [Baxter 2010, p. 120].

Основоположником первого (синтаксического) направления (дискурс как «язык сверх предложения») стал американский ученый З. Харрис, который впервые употребил термин «дискурс-анализ» в заглавии своей одноименной статьи [Harris 1952]. В работе не было дано определение дискурса, но под ним подразумевался уровень языка выше предложения, на котором выстраивалась связная речь. В ходе (дистрибутивного) анализа предложения представлялись в так называемых массивах, а их единицы представлялись в качестве абстрактных объектов, находящихся в определенной последовательности. Задачей З. Харриса было показать не *что* говорится в тексте, а *как* говорится [Ibid., p. 1]. Работа была написана до «Синтаксических структур» Н. Хомского, но идеи порождающей грамматики прослеживаются уже там, что не удивительно, так как Харрис был учителем Хомского [Nevin 2010].

За первой попыткой представить текст как отдельную языковую единицу последовали исследования «гиперсинтаксиса» и «макросинтаксиса» [de Beaugrande 2011, p. 287]. Здесь дискурс-анализ сходится с лингвистикой текста из-за их функционально-стилевой направленности и опоры на теорию речевых жанров. Текст рассматривается как средство передачи информации без невербальных средств коммуникации и экстралингвистического контекста. Лингвистика текста фокусируется на том, как создаются отношения между текстовыми единицами: отрывками, абзацами и предложениями [Tincheva 2015, p. 30]. Данная идея сходится с лингвистическим пониманием дискурса выдающегося нидерландского ученого в области дискурсоведения Т. ван Дейка: такой дискурс-

анализ фокусируется именно на структурах текста и разговора [van Dijk 1997, p. 24].

Вторая школа, изучающая дискурс как язык в действии, сближает исследования функциональной лингвистики и социолингвистики. Многогранный контекст порождает тексты одной тематики и формы; самые частотные из них формируют норму. Устоявшиеся структуры становятся типами или жанрами текста для использования в отдельных ситуациях. Появляются тексты, циркулирующие только в определенных институтах (например, образовательные и юридические дискурсы).

Третий (социокультурологический) подход к дискурсу (дискурс как набор дискурсов) связан с именем М. Фуко. Согласно его взглядам и идеям его последователей, дискурсов может быть несколько и они воплощаются не только в языке, поскольку вокруг любого объекта или концепта существует множество вариантов его построения из-за разного восприятия людьми одних и тех же аспектов мира. Здесь имеются в виду подразделения человеческого знания: науки, совокупности знаний, дискурсивные формации [Foucault 1982, p. 31].

В рамках данного направления под дискурсом понимается домен «сообщений», а именно текстов или высказываний как составляющих элементов текстов [Fairclough 2003, p. 123]. Последователи М. Фуко – Н. Фейркло, в частности, – видели дискурсы как способы репрезентации различных аспектов мира: его процессов, отношений и структур материального мира, «ментального мира» мыслей, чувств, а также мира социального [Ibid., p. 124]. Дискурс по М. Фуко – это общепринятые формы разговора, которые создаются общепринятыми способами мышления и одновременно формируют их. Эта двойственность дискурса находит отражение в том, что Фуко называет «идеологией», т. е. набором взаимосвязанных идей, и эти идеологии распределяют власть в обществе. Для ученого дискурс – это своеобразный трафарет убеждений, общепринятого

поведения, в том числе языкового [Johnstone 2008, p. 3]. Для фуколдианцев дискурсы являются носителями социальных практик и идеологий, которые диктуют людям, как мыслить, говорить и взаимодействовать.

Сближение языка и идеологии было присуще постструктуралистской эпохе научного знания и постмодернистским традициям [Демьянков 2008, с. 35]. Требовались критический подход и деконструкция устоявшихся стереотипов структуралистской эпохи. Именно поэтому в фуколдианском понимании дискурсов может быть много: вокруг любого объекта или концепта есть много возможностей его построения, а количество интерпретаций может приближаться к количеству людей, по-разному воспринимающих аспекты мира [Baker 2006, p. 4]. Такая логика сходится с вариативностью дискурса в языковом смысле: текст на одну и ту же тему по-разному напишут два разных человека; стиль одного типа произведения будет разительно отличаться от другого. Наряду с зависимостью от контекста, одним из основных положений дискурс-анализа является принцип вариативности, так как язык используется для различных целей и его использование приводит к разнообразным последствиям [Baxter 2010, p. 125].

Три направления дискурсивных исследований показывают, что дискурс затрагивает большой спектр гуманитарных наук. Помимо лингвистики это социология, философия, психология и другие науки, заинтересованные в интерпретации текстов.

В рамках данной работы дискурс в основном будет пониматься во втором смысле, т. е. как язык в действии. Однако структурно-языковой аспект будет также использован в методологии исследования из-за аналитической необходимости выделения единиц членимости дискурса, поскольку дискурс, т. е. связный текст, нельзя рассматривать в отрыве от окружающего его контекста, к чему подталкивает базовое определение Н. Д. Арутюновой. Этот подход удачно совмещает анализ контекста языкового и экстралингвистического, принимая во

внимание то, что в дискурсе воплощаются функциональные и социолингвистические аспекты языка. Дополнительная контекстуальная информация содержится в так называемых ситуационных моделях, или моделях ситуации.

Под моделью ситуации Ю. Н. Караулов и В. В. Петров понимают «основной тип репрезентации знаний», играющий «фундаментальную роль… в социальном познании» [2000, с. 9]. В модель ситуации входят не только стереотипные события и ситуации, «фреймы», «сценарии», «ментальные модели», но и личностные знания носителей языка, их предшествующий опыт, установки и намерения.

Модель ситуации отличается от более привычного контекста: контекст привносится самим текстом, а ситуационная модель существует в системе репрезентаций каждого отдельного коммуниканта; ситуационная модель гораздо шире контекста. Э. В. Будаев утверждает, что в нее входят даже те признаки, которые зачастую нерелевантны в контекстуальной модели; например, такие параметры, как цвет одежды или рост говорящего, не будут являться значимыми [2009, с. 155], только если речь не идет о вопросах моды или антропометрических показателях говорящего – соответственно. В ситуационной модели они могут повлиять на обработку дискурса и интерпретацию сообщения адресатом, если в его жизненном и коммуникативном опыте сложились некоторые типовые ожидания относительно говорящих, обладающих определенными параметрами. Например, люди в красной одежде агрессивны или опасаются публики; высокие люди внушают страх и т. п.

Интересно, что в определении ситуационной модели фигурируют сразу два на первый взгляд противоположных взгляда на дискурс: когнитивный и социальный. С одной стороны, при когнитивной обработке дискурса задействуются знания коммуникантов; с другой – ситуационная модель, учитываемая в процессе обработки, диктуется ближайшим окружением и другими

участниками дискурса, если таковые есть. Этот комплексный конструкт получил название «социальная когниция», а на стыке социолингвистики и когнитивной лингвистики возникла дисциплина *SCDS* (англ. *Socio-Cognitive Discourse Studies*) [van Dijk 2018, p. 28]. Именно в социокогнитивном аспекте дискурса возникло основополагающее для нашего исследования понятие «дискурсивная стратегия».

Социокогнитивный подход нельзя назвать новой разработкой дискурсивных исследований. Еще философ М. М. Бахтин при описании субъекта (участника дискурса) подчеркивал его социопсихологическую природу, а взаимодействие таких субъектов называл «психосоциальным фактом» [цит. по: Серио 2012, с. 9]. По М. М. Бахтину. субъект – это говорящий, помещенный в определенную ситуацию, что требует от него обработки такой ситуации и подтверждает необходимость во введении в научный оборот понятия «ситуационная модель». Причем ситуация может представать как локальной (на уровне непосредственной когнитивной обработки), так и глобальной, т. е. в виде общей «социально-коммуникативной системы», сложившейся в определенную эпоху в определенном сообществе, которая в рамках социолингвистики называется «языковой ситуацией» [Беликов, Крысин 2016, с. 20].

Главным различием когнитивного взгляда на язык и социокогнитивного подхода является то, что в последнем социальное является первичным по отношению к когниции. Британский социальный психолог М. Биллиг, один из основателей дискурсивной психологии, считает, что дискурс прежде всего аргументативен и что знания и результаты мышления не могут из мозга проявиться в разговоре – скорее, мысль развивается во время социального действия – см.: [Wooffitt 2005, p. 96]. Дискурсивная психология отличается от традиционной тем, что считает дискурс объектом, значимым для изучения. Некоторые лингвисты считают когницию (т. е. «использование предзнания» [Демьянков 2005, с. 5]) первичной. Например, Т. ван Дейк, исследуя связи между

когнитивными процессами и коммуникативными компетенциями в духе определения Е. С. Кубряковой, обращает внимание на роль мышления в понимании и интерпретации дискурса [Wooffitt., p. 136, 138]. Однако вопрос, что является первичным: знание об объектах и явлениях действительности или восприятие окружающей ситуации, адресатов сообщения, считывание экстралингвистических факторов, остается открытым.

Разнообразие в подходах к дискурсу продиктовано не только интересом отдельных гуманитарных наук, но и разночтением в рамках самой лингвистики. П. Серио утверждает, что понимание дискурса во Франции и Бразилии значительно отличается от русской интерпертации [2012]. По классификации Дж. Бакстер, подход М. М. Бахтина, В. Н. Волошинова и П. Н. Медведева – второй (дискурс как язык в социальном контексте); подход М. Пешё и других французских ученых – третий (дискурс как совокупность высказываний, в которых циркулирует идеология). Одна из причин такого расхождения связана с трудностями перевода: во французских переводах первоначальных работ М. М. Бахтина «виды дискурса» были переведены как *genres du discours* [Там же, с. 11]; вторая причина заключалась в разном понимании субъекта дискурса.

Так, в отечественной лингвистике субъект дискурса сам по себе является интересным объектом исследования с точки зрения репрезентации языковой личности [Караулов 2010, с. 9, 58, 67] и идиостилевых особенностей ее речи. Согласно Р. Барту, в дискурсе происходит «смерть субъекта» [1994], т. е. особенности говорящего не учитываются; дискурс – это циркулирующий набор текстов без определенного автора, определяющий то, что и как нужно говорить. Отчуждение субъекта означает, что в дискурсе остается только идеология.

Понимание дискурса как набора дискурсов развилось за пределами Франции и в германо-австрийской школе, также отказывающейся от субъективизации дискурса. Каждый текст – это «социальное высказывание, отражение

надындивидуальной, коллективной речевой практики» [Стилистический энциклопедический… 2011, с. 55]. Ученые, придерживающиеся фуколдианского взгляда на дискурс, называют такую речевую практику «идеологическим общением», в то время как для лингвиста идеология есть «совокупность продуктов культуры, <...> все те идеи, которые находятся в головах людей» [Серио 2012, с. 10]. Данное определение делает особый упор на человеческий аспект, так как второе понимание дискурса (как языка в действии) подразумевает, что идеология существует в головах людей; третье (фуколдианское) – настаивает на том, что идеология циркулирует в дискурсе.

Традиционному лингвисту, не заинтересованному в глобальном социоисторическом контексте и методике критического анализа, чуждо такое сближение языка и идеологии. Люди каждый день пользуются языком, выполняя различные бытовые и профессиональные действия. Когда эти действия повторяются, при их выполнении используются повторяющиеся языковые формы – жанры и регистры. У каждого человека, например, в рамках профессии вырабатываются одни и те же действия, составляющие его деятельность, или практику. Языковой частью этой деятельности является дискурсивная практика, считающаяся одной из разновидностей социальных практик [Johnstone 2008, p. 53-54].

Однако традиционно лингвистический анализ заканчивается на этапе выделения жанров и регистров как шаблонов для последующей коммуникации. Следуя подходу Т. ван Дейка, можно утверждать о том, что повторяющиеся модели ситуации приводят к повторяющимся видам деятельности, а далее – к повторяющимся речевым формам. В итоге масштабные сферы человеческой деятельности порождают целые дискурсивные поля – педагогический, бытовой, религиозный, научный, политический, спортивный и другие дискурсы. Такие совокупности тематически связанных текстов в теории М. Фуко называются

«дискурсивными формациями» [Стилистический энциклопедический… 2011, с. 55]. Предполагается, что лингвистика занимается не дискурсом как таковым, а дискурсивными формациями – единицами, заключающими в себе контекст, диктующий языковыми формами [Бурцев 2008, с. 9].

Так как видов человеческой деятельности достаточно много, наиболее удачной типологией дискурса, на наш взгляд, является деление дискурса на личностно-ориентированный и статусно-ориентированный (часто – «институциональный») [Карасик 2002, с. 193]. Обычно исследователи языка в ситуационных моделях предпочитают заниматься формальным регистром, считая неформальное общение не достойным научного интереса. Однако, несмотря на простоту базовых правил коммуникаций, повседневные разговоры представляют наибольшую сложность для анализа. Институциональные формы (например, собеседования, учебные занятия) гораздо проще, так как в них закреплена очередность реплик. В образовательном, юридическом и медицинских дискурсах участникам разговора приписывается определенная роль, которая определяет, когда они могут действовать и говорить [Gardner 2004, p. 264]. Например, во время визита к врачу вопросы сначала задает специалист, чтобы диагностировать проблему, а затем дополнительные вопросы относительно назначенного лечения задает пациент.

Таким образом, бытовой диалог – первоначальная, стандартная, фундаментальная версия разговора, а все иные формы, включающие профессиональную коммуникацию, исходят из нее и ограничиваются социокультурными факторами.

Несмотря на разнообразие форм институционального дискурса, не совсем правильно говорить, что у всех видов деятельности сформировался дискурс – лучше подходит термин «дискурсивная практика» как наблюдаемая реальность. В процессе такой практики говорящие/пишущие, создавая текст, полагаются на уже

существующие дискурсы и жанры, а слушающие/читающие «применяют свою коммуникативную компетенцию при восприятии и интерпретации» такого текста [Иссерс 2017, с. 47].

Дискурсивные практики отличаются динамичностью и зависимостью от речевой моды, от социоэкономических и культурных факторов, от новых носителей и каналов передачи информации. Интеркодовостью и интердискурсивностью [Там же, с. 48-50] отличается и объект данного исследования – спортивное комментирование – в связи с сочетанием в нем научного, педагогического, юридического, политического, бытового, медийного и театрально-сценического дискурсов [Зильберт 2001].

Таким образом, можно утверждать, что в рамках дискурсивной практики коммуниканты используют различные речевые шаблоны и приемы, облегчающие общение людей внутри речевого сообщества и маркирующие его, среди которых выделяются и дискурсивные стратегии.

1.3. Специфика термина «дискурсивная стратегия»

Перед обсуждением формулировок понятия «дискурсивная стратегия» считаем необходимым соотнести два сходных термина, встречающихся в лингвистических трудах: «коммуникативная стратегия» и «речевая стратегия».

В названиях научных монографий чаще встречается словосочетание «коммуникативная стратегия». Согласно Т. Е. Янко, коммуникативная стратегия включает в себя «выбор глобального речевого намерения», «отбор… компонентов семантики предложения», необходимой для передачи адекватного коммуникативного значения, темарематическую организацию информации в высказываниях, настройку единиц информации согласно сознанию собеседника, расположение коммуникативных ходов в нужном порядке, выбор уместного коммуникативного режима и жанра [2001, с. 38]. При этом в основном речь идет о

выборе необходимого языкового материала и его оптимальном расположении в высказываниях для эффективного достижения изначальной интенции.

Монография О. С. Иссерс [2008] озаглавлена «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи», но в названиях глав фигурирует словосочетание «речевая стратегия», что говорит о взаимозаменяемости данных понятий в концепции исследователя. В то же время в работе Н. Б. Поповой речевые стратегии входят в определение коммуникативных: «коммуникативные стратегии… целенаправленно ограничивают возможный объем информации и определяют конкретный отбор языковых средств для ее представления речевыми стратегиями в той или иной группе публицистических жанров» [2017, с. 159]. Иными словами, согласно данной концепции, коммуникативные стратегии предшествуют речевым. Сначала в зависимости от контекста проходит отбор тем и языковых единиц, подходящих под ситуацию и тип дискурса, а только затем в фазе локуции речевого акта проявляются речевые стратегии.

По Т. ван Дейку, речевые стратегии направлены на реализацию локальных коммуникативных или общих социальных целей и делятся на три типа: прагматические, семантические и риторические [2000, с. 278]. Под прагматическими стратегиями подразумевается «эффективное достижение прагматических целей», что является частным случаем коммуникативных стратегий.

Вопреки классификации Т. ван Дейка, в литературе появилось понятие «коммуникативно-прагматических стратегий» (42 точных вхождения в поиске Scholar Google по данным научных работ с 2017 года). В их ряд входят стратегии убеждения [Баландина 2020], побуждения, солидаризации, самопрезентации, дискредитации [Кленова 2020], диалогизации [Стеблецова, Стернин 2019], оценочные, этикетные, императивные стратегии [Дрянгина 2017] и другие. Интересно, что все представленные стратегии становятся компонентами

иллокутивного акта, направленными на решение как локальных, так и глобальных прагматических задач, поставленных говорящим. Однако, к примеру, стратегия самопрезентации проявляется не только на уровне высказывания, но и на уровне всего дискурса, в связи с чем ее относят к дискурсивным [File 2015, p. 443].

Термин «коммуникативные стратегии» чаще фигурирует в названиях исследований с 2017 года, по данным Google Scholar [например, Исмаилова 2017; Егошкина 2018; Беневоленская, Федотова 2019], но понятие «речевые стратегии» также встречается [например, Булатова 2017; Руженцева 2018; Лату, Тагильцева 2021]. В редких случаях используется термин «коммуникативно-речевые стратегии» [Усманова, Логанова 2020].

Что касается речевых стратегий, то О. С. Иссерс отмечает упорядоченность разговора, в котором стратегия необходима для достижения определенных долговременных целей говорящего. Таким образом, «речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2008, с. 54]. Речевая стратегия выбирается на основе трех параметров: информации о предстоящем речевом событии, когнитивных пресуппозициях и ситуации/контексте.

Очень важным для нашего исследования является тот факт, что О. С. Иссерс следующим образом описывает социокогнитивный подход при изучении прогнозирования и контроля коммуникативного обмена: «когнитивные планы возникают не в вакууме, а в конкретных ситуациях, в рамках широкого социокультурного контекста» [Там же, с. 94]. При этом когнитивные факторы и социальное окружение входят в более широкий экстралингвистический контекст и ситуационную модель – оба присущи именно дискурсу.

Термин «дискурсивная стратегия» мало представлен в российской литературе. В данной работе он будет рассматриваться в отрыве от одноименного понятия (*discursive strategy*), которое разрабатывается в зарубежном дискурсивно-

историческом подходе, граничащем с фуколдианскими взглядами на дискурс. Мы считаем необходимым провести данное разграничение, чтобы сфокусироваться на языковом воплощении дискурсивных стратегий.

Главными представителями дискурсивно-исторического подхода являются такие современные ученые, как Р. Водак, М. Райсигл [Reisigl, Wodak 2016] и Дж. Флауэрдью [The Routledge handbook of critical… 2018]. Анализ дискурсивных стратегий в их понимании заключается в поиске номинативных, предикативных, аргументирующих средств называния объектов действительности и приписывания действий субъектам действительности, стратегий перспективизации и интенсификации/смягчения [Kijratanakoson 2020].

Дискурсивная стратегия составляет один из трех фундаментальных принципов дискурсивно-исторического подхода наряду с содержанием дискурса и его реализацией с помощью языковых средств. Язык при этом является средством передачи информации о неравных силах, как правило, двух противоборствующих групп – «Своих» и «Чужих». Большую роль играют репрезентации ментальные и репрезентации языковые, которые бывают положительными (группы «Своих») и отрицательными (группы «Чужих») [Ibid.]. Существует отдельная категория дискриминационных дискурсивных стратегий вроде стратегий обесчеловечивания, наклеивания ярлыков, очевидной симпатии и других [Chen, Flowerdew 2019], стратегия репрезентации идентичности одного из образов «себя», особенно в текстах СМИ [File 2015].

Главная задача критического дискурс-анализа состоит в раскрытии идеологии, что делает его главным прикладным инструментом в борьбе с несправедливостью в обществе. Как писал Р. де Богранд, специалист по лингвистике текста, «если мы опишем стратегии эффективной коммуникации, то те же манипуляторы и эксплуататоры усвоят их и продолжат использовать дискурс, чтобы упрочить свою власть. Мы не можем их остановить, но мы можем

помочь обычным людям сопротивляться их схемам и обманам» (Перевод наш. – *М. К.*) [de Beaugrande 1997, p. 45].

На наш взгляд, социальная предпосылка таких дискурсивных исследований, безусловно, оправданна. Однако данное исследование не будет затрагивать исторического контекста изучаемых единиц и не нацелено на описание социальной идеологии, на анализ дискурса как инструмента социального контроля и двигателя социальных изменений [Trappes-Lomax 2004, p. 133]. Цель нашей диссертации – выявить именно дискурсивные механизмы, формирующие структуру спортивного комментирования. Мы рассматриваем языковую сторону, словесное оформление коммуникативной деятельности отдельного человека и специфического речевого сообщества. Определить их дискурсивную практику – значит объяснить, каким образом представитель той или иной профессии активизирует и реализует свою профессиональную деятельность посредством языка [Wooffitt 2005, p. 79].

Определение дискурсивной стратегии, наиболее близкое содержанию данного исследования, было дано А. В. Семеновой и М. В. Корсунской в контексте контент-анализа СМИ: дискурсивная стратегия – это «осуществление коммуникативных действий, обусловленное интенцией участников общения, контекстными параметрами ситуации общения и жанровыми особенностями дискурса, а также социальными и культурными факторами, определяющими структуру и свойства коммуникативной ситуации и характеристики коммуникантов» [2010, с. 29].

Данное определение было выбрано нами как ключевое, поскольку, во-первых, дискурсивная стратегия рассматривается здесь в динамике ее репрезентации в СМИ, что согласуется с предметом данной диссертации.

Во-вторых, такое описание учитывает коммуникативные, прагматические (интенции), лингводискурсивные (жанровые) и социокультурные факторы

совместно с построением складывающегося дискурса. Похожую идею высказывает и Л. В. Цурикова: если рассматривать дискурс в коммуникативно-коммуникативной парадигме, помимо релевантных экстралингвистических факторов, дискурс-анализ описывает «структуры репрезентации различных видов знания, определяющих речевые стратегии коммуникантов и выбор конкретных языковых форм в процессе их дискурсивной деятельности» [2002, с. 421].

Задачей завершающей части текущего параграфа является обозначение связи между понятиями «дискурс» и «стратегия».

В дискурсе отчетливо проявляются авторские интенции. Т. ван Дейк удачно сравнил стратегическую природу дискурса с шахматной партией, где игроки соблюдают правила игры, но, чтобы выиграть, используют гамбиты и принимают тактические решения [van Dijk 1997, p. 31]. Точно так же участники дискурса опираются на свою лингвистическую память, содержащую типичные структуры, но проявляют лингвокреативность, задействуя дискурсивные стратегии, главной из которых является стратегия эффективного «достижения коммуникативных или социальных целей» через дискурсообразование [Ibid.].

Выполняя свои коммуникативные задачи, участники дискурса опираются на свою лингвистическую память, содержащую типичные структуры, но проявляют лингвокреативность, задействуя дискурсивные стратегии. Такая двойственность запечатлена, в частности, в дихотомии «дискурс как адаптация vs. дискурс как стратегия» [Johnstone 2008, p. 265-266].

Адаптивное начало дискурса связано с тем, что большинство текстов – это результат неосознанной реакции говорящего на происходящие ситуации. Ему нужно полагаться на прагматические ожидания собеседников, приспосабливаться к ним, полагаться на знания о похожих предшествующих текстах и дискурсах.

Стратегический аспект дискурса подразумевает коммуникативную нацеленность говорящего на речевое воздействие на аудиторию. Дискурс с этой

точки зрения дает возможность создавать аутентичные тексты, творить новые «миры». Именно возможный «мир», или «альтернативный мир», по словам Ю. С. Степанова, генерирует тексты, «за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика» [1995, с. 44]. Уровней языка недостаточно, чтобы описать полноту подобного «возможного мира», воплощаемого в дискурсе. Говорящий выбирает, что ему сказать, с учетом реальных и потенциальных адресатов, стратегически развивает тему и аргументирует свою уникальную позицию, передает свое мировосприятие с помощью ограниченных языковых ресурсов. В то же время универсальные правила грамматики не ограничивают коммуникантов, а, напротив, служат инструментом для создания бесконечных значений [Gee 2018, p. x]. С помощью грамматики говорящие самовыражаются, «укладывают» идеи в слова и предложения, удовлетворяют свои коммуникативные и социальные нужды через дискурс [Mithun 2015, p. 39].

Однако «адаптация» и «стратегия» не всегда взаимоисключающие понятия. Если дискурс – это преимущественно повторение предыдущих дискурсов, то на первый план в процессе его формирования выходят память и языковая компетенция говорящего. Вместо грамматических и неписаных правил коммуникации мы запоминаем стратегии, чтобы создавать новые тексты с опорой на старые [Johnstone 2008, p. 194]. В итоге структура дискурса является результатом новых стратегий, а не отражает условный набор правил [Ibid., p. 261].

Стратегическим аспектом отличается не только речь, но и, согласно работам Т. ван Дейка, процесс организации знаний [Караулов, Петров 2000, с. 10]. Не обязательно обрабатывать уровни языка в иерархическом порядке: в некоторых случаях сначала анализируется состав предложения, а только затем его значение; в других – более подходящим является обратный процесс. Выбор между двумя вариантами также стратегический. Данный тезис подтверждается определением

стратегии, данным И. Гофманом: «программа порождения или восприятия речи, раскрывающая интерактные взаимоотношения между коммуникантами» [цит.. по: Долсонова 2015, с. 31]. Из данного определения логично вытекает деление стратегий на когнитивно-познавательные и коммуникативно-прагматические [Там же, с. 33]. Первые направлены на отражение опыта говорящего с объектом познания; вторые – на передачу этого опыта в емком и связном сообщении.

Например, при познании объекта можно сделать большое количество выводов относительно его характеристик, но в общении передать только релевантную информацию. Чтобы сообщить о происходящем событии, говорящим нужно выстроить концептуальную репрезентацию этого события и создать сообщение с указанием подходящих параметров события, нужных собеседнику. Такими параметрами могут быть количество участников, их роли, время, место, темпоральная структура, образ действия, аспектуальность, результат события [Do et al. 2020, p. 1].

Спортивный комментатор не просто передает собеседнику свою концептуальную картину происходящего, но и решает, что именно нужно передать зрителям, а какая информация окажется лишней, так как на него накладываются прагматические ограничения. События спортивного соревнования быстро сменяют друг друга, поэтому комментатор не успевает упомянуть все их детали и параметры. В отборе параметров события и заключается стратегический выбор говорящего: «Каким образом я могу сделать ощутимый вклад в разговор, приложив наименьшие речевые усилия?» При этом сообщение комментатора должно быть исчерпывающим, содержать минимальное количество имплицитной информации. Комментатор несет ответственность за высказанную информацию, а импликатура может быть расценена как признак неуверенности говорящего, как попытка манипулировать мнением аудитории или минимизировать ущерб репутации в результате недостоверного сообщения [Mazzarella et al. 2018].

Поэтому выбор между полным произнесением сообщения, пресуппозицией или импликатурой также будет являться частью дискурсивной стратегии говорящего.

В данном случае сказывается принцип скорости и ясности сообщения. Говорящие используют быстрый и менее ясный способ передачи информации в общении с людьми, с которыми они разделяют общее знание. Некоторые параметры события и уточнения опускаются, имплицируются, так как предполагается, что собеседник додумает недостающую информацию самостоятельно. В общении же с людьми, с которыми говорящий имеет меньше общих знаний или к которым он проявляет особое уважение, он будет говорить медленно и использовать более ясные высказывания [Gee 2018, p. 7].

Спортивный комментатор постоянно переключается между потенциальными типами аудитории: подкованными зрителями и новичками, которым не знаком транслируемый вид спорта. Невозможность предсказать целевую аудиторию приводит к сложному дискурсивному выбору. Измерить «скорость» сообщения в таком случае можно с помощью показателя лексической плотности предложения, рассчитывающегося через количество знаменательных слов в нем, иногда регистрирующихся только в главных клаузах (простых предложениях) [Ibid., p. 53].

Таким образом, мы определили, что дискурсивная стратегия проявляется и при порождении, и при обработке дискурса. Хорошим примером тому служит диалогический дискурс, в котором важно не только считывание структуры реплик собеседника, но и само взаимодействие – как именно строятся реплики внутри диалога. При этом востребованы «социально релевантные и энциклопедические знания, набор текстовых и социальных стратегий» [Раренко 2008, с. 147-148]. Можно сказать, что дискурсивные стратегии являются результатом сосуществования текстовых и социальных стратегий.

Дискурсивные стратегии также раскрываются в деятельностном аспекте в схеме коммуникативной практике У. Хэнкса. По мнению этого американского

лингвиста, коммуникативная практика состоит из структуры дискурса (формы), критического дискурс-анализа (идеологии) и дискурсивных стратегий (деятельности) [Snyder 2012, p. 88]. Эти три измерения наслаиваются друг на друга, но традиционно в лингвистическом анализе важной является наиболее важна предсказуемая, универсальная и отрегулированная форма (т. е. структура дискурса), позволяющая говорящему заключить значимое языковое действие.

В связи со всем вышесказанным мы приходим **к определению дискурсивной стратегии**: коммуникативно-прагматическая программа оптимального расположения информации в сообщении для передачи информации собеседнику и обеспечения связного и логичного построения дискурса, направленного на достижение дискурсивных целей говорящего.

Таким образом, дискурсивные стратегии в данной работе рассматриваются прежде всего как структурные, т. е. отвечающие за построение спонтанного дискурса спортивного комментирования с опорой на множество параметров коммуникативной ситуации. Если К. Куйпер с практической точки зрения анализирует то, почему спортивные комментаторы регистрируют в дискурсе не каждое событие соревнования [Kuiper 2020, p. 781], то мы расширяем этот вопрос до следующего: «О чем должен говорить спортивный комментатор? Как вообще решать, какие события являются значимыми для текущего дискурса? Как располагается релевантная информация и как это влияет на структуру получившейся речи?»

1.4. Языковое оформление спортивного дискурса. Специфика спортивного комментирования

Данный параграф вбирает в себя обзор результатов работ отечественных и зарубежных ученых, занимающихся лингвистическим и близким к лингвистическому анализом спортивного комментирования. Объект нашего

исследования – спортивное комментирование – обладает разноплановостью, так как лингвисты считают его особым типом устной речи; журналисты – одним из поджанров публицистических текстов; социологи – носителем важных национальных ценностей.

Первые зарубежные научные исследования, посвященные спортивному комментированию, были опубликованы в 1977 г. Тогда этот новый радиовещательный и телевизионный жанр рассматривался как средство развлечения аудитории. Ученые подметили, что комментаторы склонны драматизировать события соревнования и влияют на восприятие соревнования зрителями. Они приукрашивают определенные события, даже если события не являлись столь важными, опасными, значимыми [Comisky et al. 1977]. Комментаторы добавляют драматический компонент при описании взаимоотношений внутри команды-участника, внутренних трудностей отдельного спортсмена и противостояния между соперниками. Далее утверждалось, что зрители получают наибольшее удовольствие от трансляции, если комментатор представляет соперников как стороны, ненавидящие друг друга [Bryant et al. 1982]. Сейчас считается, что спортивная журналистика превратила спорт в товар, а информирование аудитории о происходящих событиях уступило место выстраиванию историй и мифов. Сами по себе соревнования и матчи не имеют больших социальных последствий, но в своих репортажах журналисты приписывают спорту социальную важность, подчеркивают качества и ценности, проявляемые спортсменами, и проецируют их на прочие сообщества [Oates, Pauly 2017].

Исследователи выявили пятнадцать частных мотивов «драматичности» спортивного комментирования, самыми частотными среди них оказались «общая способность спортсмена», «отчаянная попытка», «умение выигрывать» и «сравнение». Интересно, что типичные «драматические» концепты вроде

концептов Славы, Духа, Чуда уступали предшествующим [Bryant et al. 1977]. Помимо драматических высказываний также были выделены описательные и юмористические [Ibid.]. Впоследствии были определены типичные моменты, в которых комментатор склонен драматизировать события: при сравнении спортсменов, при переходе от предшествующих событий к последующим, при представлении «поверхностного» поединка как «глубокого» противостояния, шоу [Тельпов 2016].

В 1977 г. к речи комментаторов впервые был применен контент-анализ. Ученые обнаружили случаи расовой дискриминации в трансляциях американского футбола: белых игроков хвалили больше, чем афроамериканских [Rainville, McCormick 1977]. Тенденция к изучению расово-этнических неравенств в спортивном комментировании продолжается и сейчас [Van Sterkenburg et al. 2010; Van Sterkenburg et al. 2012] в рамках критико-идеологического подхода к дискурсу.

Спортивное комментирование обрело серьезную теоретическую базу в исследованиях, посвященных стилистическим аспектам текстов. Учеными было выявлено, что речь комментаторов богата различными средствами выразительности, среди которых ярче выражена метафора. Например, в речи комментаторов и спортивных журналистов спорт считается «вопросом жизни и смерти». Так, Дж. Сеграв описал три ипостаси языка спорта: язык насилия (агрессивные глаголы: вместо *to win* «победить» – *to destroy* «разрушить»), язык секса (*go through the hole, penetrate, up the middle*), язык машины (*rev up, run out of gas*) [Segrave 1997]. Наиболее традиционной метафорой в спортивном дискурсе является метафора «Спорт – это война» и, в частности, «Велоспорт – это война» [Ross, Rivers 2018]. Такой смысловой перенос связан с параметрами соревнования, стратегии, силы, командной работы и спортивного/военного духа.

В отечественной лингвистической традиции спортивное комментирование включается в более широкий контекст спортивного дискурса. Б. А. и А. Б.

Зильберты первыми описали его базовые понятия. Ученые приписывают письменные тексты спортивного дискурса к институциональному типу дискурса, так как разговоры о спорте содержат не только данные о соревновании: спорт затрагивает большое число медицинских, психологических, социополитических и других проблем. Одним из главных выводов авторов является то, что спортивный дискурс в большинстве своем включен в масс-медийный дискурс, где яркие языковые личности комментаторов креативно подходят к языковому выражению [Зильберт, Зильберт 2001].

Наше исследование поддерживает точку зрения о том, что спортивный дискурс нужно изучать в медийном воплощении, причем анализировать нужно именно тексты телевизионные или транслируемые на онлайн-платформах. Например, наблюдается политизация спортивного дискурса в СМИ: журналисты часто задействуют темы из концептуальной сферы «Политика», используют приемы диффамации и оперируют оппозицией «Свои/Чужие». В этом им помогают такие языковые средства, как негативная и эмоционально-оценочная лексика, противопоставление, сравнение, идеологически окрашенные концепты и отсылки к прецедентным именам и событием [Кошкарова 2019, с. 803, 815].

Фундаментальным трудом в области спортивного дискурса является монография Е. Г. Малышевой «Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование». В ней автором решены две основные задачи: представлена идеологема Спорт с входящими в нее концептами Патриотизм и Победа, присущими русскому спортивному дискурсу, и приведена типология языковых личностей спортивных комментаторов [Малышева 2011]. В соответствии с различными коммуникативными и лингвокультурологическими параметрами выделяются следующие типы спортивных комментаторов: комментатор-«репортер», комментатор-«аналитик», комментатор-«знаток», комментатор-

«ироник», комментатор-«балагур», комментатор-«болельщик», комментатор-«актер» [Там же, с. 278].

Собственную классификацию языковых личностей комментаторов с психолингвистической точки зрения приводит И. В. Косякин. Центрированно-нарративный типу соответствуют эгоцентричные комментаторы, являющиеся своеобразными «коммуникативными лидерами» дискурса. Комментаторы центрированно-репрезентативного типа отличаются дерзким поведением. К кооперативно-нарративному типу относятся комментаторы, приводящие точные и продолжительные формулировки, обращающие внимание на самые незначительные детали. Кооперативно-репрезентативный тип наиболее распространен среди комментаторов, так как представляет собой «суммарный взгляд болельщиков». Крайним случаем проявления такого типа является тип конформный: такие комментаторы подчиняются мыслям большинства и не отличаются индивидуальным стилем [Косякин 2013].

Языковые личности комментаторов различаются и в разных лингвокультурных общностях. Американских комментаторов отличает аналитический подход к ведению трансляции: они знают технические тонкости видов спорта, объясняют свою позицию и прогнозируют дальнейшие события. Российские комментаторы, в свою очередь, часто являются творческими языковыми личностями: они используют широкий спектр стилистических приемов, коннотативных единиц и окказиональных слов [Пак 2016]. Данное исследование подтверждается частным анализом лексических средств, используемых комментаторами этих двух стран. Они в равной степени употребляют в речи эмоционально-оценочную лексику, термины, жаргонизмы и профессионализмы. Однако речь российских комментаторов более экспрессивна, в то время как речь американских журналистов изобилует специальными терминами [Пак 2018]. Также отмечается, что спортивный дискурс заимствует жаргонные

единицы из других дискурсов. При этом он сам является источником заимствований, переходящих в другие профессиональные сферы [Abrosimova, Bogdanova 2015].

Авторитетностью в сфере данной тематики обладают работы Р. Л. Гутцайта, кандидата филологических наук и действующего спортивного комментатора на телеканале «Первый канал». Он отмечал, что экспрессивная речь и собственная позиция комментатора помогает состояться медиапродукту, имеющего сильное эмоциональное воздействие на зрителей [Гутцайт 2011]. Например, если комментатор дает положительные оценки любимой команде зрителя, зритель более дружелюбно относится к комментатору; напротив, отрицательные комментарии настроят зрителя не против высказанных слов и характеристик, а против самого комментатора [Pan 2013, p. 1730]. Помимо эмоциональной и оценочной лексики Р. Л. Гутцайт также отмечает в речи комментаторов метафоры и языковую игру [2012]. Воздействующие механизмы спортивного комментирования подтверждаются исследованиями на микро- и макроаналитическом уровне.

На микроаналитическом уровне даже одно слово может повлиять на то, как зритель воспримет речь комментатора. Проявляется эффект фрейминга – когнитивное искажение, при котором форма подачи информации влияет на ее восприятие человеком. В ходе эксперимента один и тот же видеоотрывок хоккейного матча с силовым приемом был показан респондентам, поделенным на три группы. В речи комментаторов использовались три глагола, обладающие разной степенью интенсивности и обозначающие столкновение игроков: *contact*, *bump* и *smash*. Эксперимент показал, что зрители по-разному воспринимали скорость и возможные последствия удара для физического состояния пострадавшего хоккеиста в зависимости от отобранной комментатором языковой единицы [Goldschmied et al. 2017].

Дискурсивное макроаналитическое исследование греческих спортивных медиапродуктов на чемпионате Европы по футболу 2004 года пришло к выводу о том, что в футбольных трансляциях местные СМИ продвигали идеи национальной идентичности, солидарности и единения народа, используя особые пресуппозиции, предикации и номинации, тем самым сближая зрителей и помогая им совместно радоваться победе национальной команды [Georgalou 2009]. Доказано, что спортивные комментаторы влияют на отношение зрителей к происходящим событиям, действующим лицам, месту проведения соревнования и даже к погоде посредством метадискурсивных особенностей своей речи, направленных на «продвижение феномена» целевой аудитории [Saidian, Jalilifar 2016, p. 10]. При этом не всегда ясно, что именно является объектом рекламы в речи комментаторов: здоровый образ жизни; интерес аудитории к спорту, к определенным спортсменам и командам; медиапродукт; телевизионный канал, на котором работает комментатор. Вероятно, это зависит от коммуникативных интенций говорящего.

Метадискурс отличается от пропозиционального дискурса тем, что обращает внимание на внутридискурсивные механизмы, а не на значение, которое передает этот дискурс, и «осознает», что является способом взаимодействия [Hyland 2005, p. 38]. Таким образом, модель метадискурса объединяет в себя две широкие функциональные категории: метатекст, т. е. отсылки к текущему дискурсу, и взаимодействие с аудиторией посредством эксплицитных оценок [McKeown, Ladegaard 2020, p. 3]. Речь комментаторов в целом полна метатекстовыми комментариями (*как вы видите*, *понимаете* и другими), используемыми для обеспечения контакта с собеседником или аудиторией и заполнения хезитаций [Пяткова, Шушмарченко 2019, с. 4]. Речевые стратегии комментатора в целом направлены на то, чтобы вызвать у аудитории «ощущение присутствия и сопричастности к спортивному событию» [Попова 2017, с. 161].

Выше уже было сказано о том, что спортивный дискурс отличается интердискурсивностью: в его поле входят научные труды по физической культуре; спортивно-нормативные тексты, написанные в официально-деловом стиле; политические метафоры и т. д. [Зильберт 2001, с. 103-105]. Прежде чем рассматривать речь спортивного комментатора как обладающую интердискурсивностью, нужно указать, что комментатор, как представитель любой другой профессии, предполагающей коммуникацию с аудиторией, должен обладать дискурсивной компетентностью (пониманием, в какой деятельностной среде и тематике находится его дискурс), дисциплинарными знаниями (знаниями о комментируемом виде деятельности – о спорте), профессиональным опытом [Bhatia 2018, p. 110].

Например, видеоблогеры в своих роликах используют гибрид языковых единиц и дискурсивных практик, которые и составляют дискурсивный профиль их вида деятельности. С помощью разговорной речи они выстраивают образ реального «себя», с помощью профессионального жаргона – выстраивают образ эксперта, с помощью рекламно-информационного языка – выстраивают образ бренда и своей онлайн-идентичности [Ibid., p. 108]. В таком же ключе могут рассматриваться дискурсивные практики спортивного комментатора. Некоторые комментаторы могут пользоваться приемами, свойственными яркой разговорной речи, и таким образом строить свой идиостиль, который будет отличать их от коллег. Спортивное комментирование, бесспорно, отличается большим количеством спортивных жаргонизмов. Пользуясь специальной терминологией, комментатор подтверждает наличие у него знаний в рамках обсуждаемого предмета. Рекламно-информационный язык может фигурировать в связи с тем, что спортивный комментатор работает в СМИ и идентифицирует себя не только как профессионал своего дела, но и как член команды журналистов, занимающийся

продвижением канала, например, с помощью анонсов программ и дальнейших эфиров.

В литературе также встречаются прагматические исследования речи спортивных комментаторов. Например, спортивный комментарий как речевой жанр определяется с помощью иллокутивных речевых актов. В нем чаще всего фигурируют директивы – акты, направленные непосредственно к спортсмену (похвала, указание, совет и т. д.) [Пак 2017].

К коммуникативно-прагматической парадигме можно отнести также работы К. В. Сняткова. Важным для речевой деятельности комментатора он считал то, что говорящий должен учитывать «пресуппозиционный фонд реципиентов», ведь в аудиторию входят и зрители, которые не осведомлены в теме спорта, и компетентные фанаты. Несмотря на массовость аудитории, речь комментатора внешне монологична, но содержит приемы адресованности, так как комментатор учитывает возможные реакции аудитории [Снятков 2008а].

Более того, монологическая речь в спортивном комментировании не просто нежелательна, а невозможна. Ю. М. Лотман считал, что текст и аудитория связаны диалогическими отношениями, а речевая деятельность делится на ту, что направлена «к абстрактному адресату», и на обращенную «к конкретному собеседнику» [Лотман 1992, с. 161]. Спортивный комментатор по природе своей дискурсивной практики задействует первую и представляет аудиторию как обладающую объемом памяти, свойственной любому носителю языка. Комментатор предвосхищает вопросы зрителей, устраняет возможные недопонимания, как бы размышляет вместе с аудиторией. Эксплицитная диалогизация монологической речи проявляется с помощью форм местоимения *мы* и *вы*, этикетных обращений, причем комментаторам приходится буквально угадывать свою аудиторию, ее гендерно-возрастной состав, компетентность в определенном виде спорта [Снятков 2008б].

К. В. Снятков также подчеркивает такую особенность спортивного комментирования, как симультанность, когда одновременно происходит показ изображения и комментирование, что способствует спонтанным вербальным реакциям комментатора [2007]. Этот процесс также называют «дискурсивным мониторингом», где комментатор выступает не просто творческим говорящим, а наблюдателем. Отобрав необходимую единицу информации, он быстро регистрирует смену происходящего с помощью сложной пропозициональной структуры предложения [Боровикова 2007].

Исходя из этого понятно, почему спортивное комментирование является в значительной степени спонтанным дискурсом. Безусловно, спортивный комментатор готовится к эфирам. Из личного опыта пребывания и работы на футбольном стадионе можем сказать, что на столах комментаторов остаются заметки с составами команд и некоторыми статистическими выкладками, актуальными для репортажа предстоящего матча. Однако из-за невозможности предсказать все возможные сценарии комментаторам приходится проявлять речевую импровизацию и переживать события вместе со зрителями.

Спонтанность дискурса спортивного комментирования прослеживается на разных языковых уровнях. Например, синтаксису речи комментаторов присущи причастные конструкции и эллипсис [Рыжикова 2018], а вербальные колебания говорящих «даже в самых предсказуемых ситуациях» просматриваются и в фонетических исследованиях [Халеева 2006, с. 5].

В попытках определить спортивное комментирование как отдельный речевой жанр ученые подмечают его принадлежность к публицистическому стилю с элементами разговорного. В нем встречаются метафоры, эпитеты, парцелляция, восклицательные слова, междометия, а также инвертированные речевые структуры. Интересным дополнением к имеющимся жанровым работам стал вывод о том, что спортивное комментирование отличается и телеграфным стилем

[Алексеев, Анашкина 2018]. Можно предположить, что утверждение верно по отношению к комментированию игровых видов спорта с частой сменой событий. Продолжительные спортивные мероприятия обычно сопровождаются более размеренным нарративом. Среди других риторических речевых стратегий также выделяются риторические вопросы, присущие диалогу; повторы, придающие речи степень напряженности; предложения с инвертированным порядком слов [Попова 2017].

Как разновидность устной разговорной речи, спортивное комментирование также отличается эмоциональной окрашенностью, словотворчеством, спонтанностью, ситуационностью и ограничением во времени (что важно для объекта нашего исследования), которое может привести к сокращению языкового материала [Кухаренко 1988, с. 150].

Немногие исследователи изучали структурный аспект спортивного комментирования. Одни ученые выделяют традиционную структуру репортажа, состоящую из приветствия, основной части и прощания. Содержание репортажа описывается с помощью прагматических функций речи комментаторов, среди которых преобладает фатическая, отвечающая за презентацию экспертной информации. Отмечаются также оценочный и диалогический компоненты [Коваль 2014]. В фоностилистическом исследовании выделяются четыре типа фазовых фрагментов спортивного комментирования: фаза без явно выраженной борьбы между спортсменами; фаза «активной борьбы»; «победа»; «поражение» [Калашникова, Глушак 2019]. Полагаем, что эти четыре фазы знакомы и постоянным телезрителям спортивных соревнований, так как эти фрагменты отличаются интонационным контуром и голосовыми параметрами комментатора. В таком случае фоностилистические особенности комментария не продиктованы риторическим приемом, а лишь являются результатом психофизиологической реакции на события соревнования [Там же, с. 16, 19]. Этот фактор ошибочно

исключается из анализа спортивного комментирования, однако не стоит забывать, что комментатор тоже в какой-то степени является зрителем и может удивляться происходящим событиям, расстраиваться из-за них и проявлять любые другие эмоциональные реакции.

Вслед за Н. А. Пром [2011] О. С. Рогалева предлагает двухстороннюю структуру спортивного репортажа, состоящую из содержательных и оценочных компонентов. В содержательную группу относят фрагменты, повествующие о ходе и результате соревнования, действиях участников, причинах тех или иных событий, мнениях компетентных лиц и пр. Оцениваются комментатором результаты, последовательности событий, ситуации и чужие высказывания [Рогалева 2018].

Несмотря на подавляющее большинство работ по стилистике спортивного комментирования, нельзя забывать о структурном аспекте любого дискурса, тем более устного и спонтанного. Именно этому и посвящено данное исследование – обнаружению структуры складывающегося дискурса, где центральным коммуникативным актором является спортивный комментатор. Во время сложных коммуникативных ситуаций он дает прагматические (эксплицитные и имплицитные) подсказки зрителю, чтобы тот смог проследить логику нарратива. Мы не отрицаем тот факт, что речь комментаторов обладает стилистическим наполнением, но на данный вид устной речи влияют и такие ограничивающие факторы, как однотипные события и недостаток времени для их обработки.

В этой связи Я. Чованец отмечает клишированность речи спортивных комментаторов, что расходится с тезисом о ее богатом языковом воплощении. Во время соревнования микрособытия повторяются, а сообразно дискурсивным практикам повторяются и языковые формы. Здесь мы подходим к одному из главных понятий нашего исследования – языковому шаблону. Это относительно устойчивое, общеупотребительное выражение, автоматически высказываемое

комментаторами в связи с недостатком времени, выделенного для вербализации и описания разворачивающегося события [Chovanec 2020, p. 1]. Люди, пользующиеся языковыми шаблонами, демонстрируют аномальную беглость речи: вместо того, чтобы строить высказывания с нуля, они опираются на языковую память [Kuiper 2000, p. 297].

Идея о языковых шаблонах прослеживается, на наш взгляд, в самом значимом для лингвистической теории труде по спортивному комментированию, написанному Ч. Фергюсоном. Он обнаружил грамматические и структурные особенности выстраивания регистра в радиокомментировании. Речь англоязычного комментатора упрощается следующими способами: с помощью «выпадения» именных фраз и глаголов-связок, вынужденных инверсий, результирующих выражений, приложений и языковых шаблонов [Ferguson 1983]. Причем в данном случае инверсии являются не риторическим инструментом, а результатом недостатка времени при мгновенном речепорождении комментаторами. Доказано, что при комментировании быстрых и средних по скорости видов спорта говорящий помещает подлежащие, выраженные именами собственными (как правило, это имена спортсменов), в конец клаузы, а не в ее начало, как это предписано большинством естественных языков [Kuiper et al. 2017, p. 31].

В то время как первые четыре особенности речи комментаторов по Ч. Фергюсону в основном касаются английского языка, языковые шаблоны присущи и русскому, что является еще одной причиной заимствования данного термина в методологические основания нашей диссертации. Под языковыми шаблонами здесь понимаются конвенциональные дискурсивные отрывки, сопровождающие повторяющиеся события в повторяющихся коммуникативных условиях с целью избежать многословия.

Данная методология позже была экстраполирована на качественный анализ телевизионного комментирования. Были найдены те же особенности, которые обозначил Ч. Фергюсон в радиокомментировании, но единицы количественного анализа расширились благодаря новым коммуникативным функциям [Reaser 2003]. Последователи Ч. Фергюсона находят и более мелкие единицы анализа вроде диминутивов (не только суффиксов, а любых уменьшающих единиц), дискурсивного дейксиса (слова *здесь*, *там*, *сейчас*) и возвращение к предыдущим событиям) и диалогических интеракций (передача хода, согласие с точкой зрения собеседника) [Balzer-Siber 2015]. Также британское спортивное комментирование отличается частотным использованием дискурсивных маркеров [Huang 2011, p. 119].

Вслед за Ч. Фергюсоном, мы подчеркиваем, что речь спортивных комментаторов интересна хотя бы потому, что дискурс-анализ нарратива в основном был направлен на изучение рассказов уже постфактум, без фокусировки на грамматике разговорного языка, детерминировался ограничениями во времени и тем, что тексты строятся во время самого процесса формирования дискурса. Говоря о регистре спортивного комментирования, ученый задавался вопросом: «Как должны говорить спортивные комментаторы, чтобы члены их речевого сообщества могли оценить их работу?» (Перевод наш. – *М. К.*) [Ferguson 1983, p. 154]. Иными словами, какие спортивные комментаторы хорошо справляются со своей работой, а какие – не очень хорошо?

Ответ на эти вопросы может дать более узкое прикладное исследование, наша задача – выявить механизмы и стратегии комментаторского дискурса, чтобы впоследствии потенциально судить о качестве работы того или иного спортивного комментатора. О методологии дискурсивного анализа речь пойдет в следующем параграфе; о модели, предлагаемой в данном исследовании, – в Главе 2.

1.5. Методологические основания дискурсивных исследований

В предыдущем параграфе намечены рамки существующих исследований спортивного комментирования. Работы отечественных ученых в основном затрагивают жанрово-стилистический аспект данного вида устной речи: комментаторы генерируют тексты, обладающие повторяющейся формой и варьирующимся содержанием, проявляют речетворчество с целью вовлечь зрителя в происходящее спортивное действие. Зарубежные исследования, с одной стороны, начинались с выявления расовых и прочих видов дискриминации в дискурсе спортивного комментирования. С другой стороны, работа Ч. Фергюсона указала на потенциал изучения синтаксических и более мелких языковых единиц, сопровождающих спонтанную речь комментатора, которая серьезно отличается от других видов устной речи и текстов публицистического стиля. Таким образом, эти медиатексты нельзя рассматривать как тексты изолированные, поскольку на их порождение влияет институциональный статус спортивного комментирования, требования к языку СМИ, в некоторой степени необходимость речевого воздействия.

Дискурс-анализ «вбирает» в себя все из вышеперечисленных факторов: языковое воплощение, учет социокультурных признаков аудитории, телерадийную медиацию, фактор недостатка времени у говорящего, дискурсивный выбор между монологической и диалогической речью и другие составляющие. Даже если не учитывать в процессе исследования специфику современной медийной среды дискурс-анализ имеет особые риторические основания. Ораторам с древних времен приходилось заниматься организацией речи и учитывать такой фактор, как смена настроения аудитории [van Dijk 1985, p. 1]. Это имеет смысл, так как обычные пользователи языка, сами того не подозревая, анализируют дискурс, когда перефразируют сказанное говорящим, пересказывают случившееся другим лицам, переводят текст из одного языка на другой, формируют собственное

мировоззрение, не только созерцательно познавая мир, но и делая выводы из дискурса [Johnstone 2008, p. 32-33].

Что касается языковых единиц анализа, дискурсивные исследования не ограничиваются изучением синтаксиса: учитываются как макроединицы уровня выше, так и лексические средства и фонологические аспекты (темп речи, паузация, интонация). Возникают вопросы о том, как проводить анализ дискурса, т. е. исследовать многоуровневый языковой материал и комплексный экстралингвистический контекст; каковы его единицы, которые могут быть объектом исследования; какого алгоритма анализа нужно придерживаться.

В современной науке не существует единого метода дискурс-анализа. В частности это связано с разбросом в лингвистических и социологических исследованиях: лингвистов больше интересует связный текст; социологов – широкий экстралингвистический контекст, включающий в себя социополитический и исторический фон того или иного речевого взаимодействия. Для одних ученых анализ дискурса раскрывает связь между языком и социальными процессами; для других – такой анализ необходим для «выявления социального контекста», благодаря которому дискурс существует и принимает иное воплощение [Прокошенкова, Гецкина 2006, с. 452]. По этому поводу Т. ван Дейк замечает, что анализ текстов, скорее, вдохновлен лингвистикой, а анализ разговора и речевых взаимодействий – социальными науками [van Dijk 1997, p. 23]. На дискурсивном уровне эти два пласта гуманитарного знания перемежаются, тем самым придавая дискурс-анализу междисциплинарный потенциал. Недаром Т. ван Дейк считается главным медиатором между социологическими и лингвистическими исследованиями в сфере дискурс-анализа, так как объединяет в свои исследованиях вопросы семантики и прагматики, а изучение социального контекста дополняет анализом текста [van Dijk 1977, p. 153].

Дискурс-анализ входит в инструментарий и культурологов, поскольку социокультурный контекст также является широким пластом глобального контекста, окружающего дискурсивную ситуацию. При анализе естественно воспроизведенных текстов культурологи задаются вопросами: «Что это [изучаемая единица] означает в данной ситуации?» и «Почему это говорится и означается в данной ситуации?» [Barker 2001, p. 64].

Для дискурс-анализа подходит метафора «пластилина», из которого каждый ученый «лепит» то, что удовлетворяет его аналитические нужды: “But how is analysis actually done? This is a difficult question: even discourse analysts acknowledge that it is hard to capture in a formal guide what is essentially a series of interpretative engagements with data from which emerges a sense that the functional orientation of a section of discourse has been captured” [Wooffitt 2005, p. 43]. Парадокс состоит в том, что, для того чтобы прийти к верным выводам и результатам, чтобы избежать предварительного теоретизирования и не форсировать выдвижение гипотезы: ученый должен избрать дисциплинированный, систематический подход и четко сформулировать методологию исследования [Johnstone 2008, p. 270]. Однако ни одна работа не предоставляет последовательного и однозначного алгоритма проведения дискурс-анализа.

Однако общей точкой отсчета для занимающихся дискурс-анализом (как лингвистов, так и социологов) является следующий постулат: анализ дискурса – это исследование структуры и функции языка в действии, в реальной, «живой» речи [de Beaugrande 1997, p. 36; Кубрякова 2004, с. 526; Johnstone 2008, p. 4; Стилистический энциклопедический словарь… 2011, с. 53; Gee 2018, p. x]. Дискурс – это не только форма для языкового использования, но и структура, обладающая дискретными компонентами, расположенными в логичном порядке и совместно составляющими некий макрокомпонент [van Dijk 1997, p. 4-5]. Поэтому дискурс-анализ предлагает три направления для исследований: изучение

построения дискурса, изучение понимания дискурса адресатом (процесса обработки дискурса) и изучение дискурса с позиций самого текста [Кибрик 2003, с. 10-11]. Причем последнее, текстологическое направление включает в себя как чисто лингвистический подход (лингвистика текста), так и восприятие дискурса как проводника идеологии, ведь в обоих случаях текст рассматривается в изоляции от субъекта, его породившего.

Н. Гилберт и М. Малкей положили начало современному дискурс-анализу в революционном для социологической методологии исследовании [Gilbert, Mulkay 1984], но, будучи первопроходцами нового направления, не затронули вопросы его технического воплощения. Преследуя задачи, касающиеся социологии науки, ученые взяли в качестве материала исследования научные работы и корреспонденцию биохимиков, чтобы обнаружить в них разногласия относительно молекулы АТФ. Будучи социологами, они использовали методологию, отдаленно напоминающую лингвистическую: обнаруживали коммуникативный акт и искали сходства между объяснениями разных ученых. Все совпадения в ходе анализа считались верными и должными.

Н. Гилберт и М. Малкей обнаружили систематические различия в построении одними и теми же учеными научного дискурса (статьи в научных журналах) и неформального дискурса (интервью). Основным открытием ученых стали два типа вариативности: вариативность объяснений и вариативность стилей. Тексты повествовали об одном и том же, но содержали разные оценки важности теоретических наработок, экспериментов и полученных результатов. Формальный язык со сложной терминологией перемежался с неформальным тоном разговоров относительно биографий и личности ученых. Прийти к единому описанию представлялось невозможным: для некоторых ученых традиционные понятия казались эмпирически не доказанными; сложные процессы в рассказах ученых казались простыми, а простые – сложными [цит. по: Wooffitt 2005, p. 15-16].

В результате Н. Гилберт и М. Малкей поняли, что предложенный ими анализ не достигнет цели обобщить научное (или какое-либо другое) знание, поскольку концептуальные картины и нейронные сети людей разнообразны; разнообразны и создаваемые ими тексты, что вызывает в мире и дискурсе постоянные споры и разногласия. Изучение «фактов» затруднительно, ведь человечество спорит по поводу этих «фактов». Потому дискурс-анализ и закрепился в качестве методологии, выходящей за пределы текста: одну и ту же историю можно рассказать по-разному в рамках тех или иных жанров, используя различные идиостилевые особенности.

На данный момент идея вариативности (объяснений и стилей) кажется очевидной. Ранее вместо понятия идиостиля социологи пользовались термином «интерпретативные репертуары», понимая под ним повторяющиеся терминологические системы, используемые для характеристики и оценки действий, событий и других феноменов. Такие репертуары отличаются своей лексикой, стилистико-грамматическими особенностями, специальными фигурами речи, идиоматическими выражениями и метафорами [цит. по: Wooffiit 2005, p. 35].

В дальнейших работах также не прослеживается четкого методологического описания алгоритма проведения дискурс-анализа. Так, Дж. Поттер и М. Уэзерелл, привнеся в дискурс-анализ критический подход социальной психологии, предложили алгоритм, состоящий из десяти этапов, только два из которых непосредственно относились к анализу [цит. по: Wooffitt 2005, p. 43].

Общенаучные взгляды на дискурс-анализ также в основном фокусируются на постановке вопросов и целей, сборе материалов, подготовке расшифровок. Под этапами самого исследования ученые обычно рассматривают такие качественные методы, как описание, реконструкция и интерпретация, позволяющие вскрыть «латентные смыслы сообщения» [Сарна 2020]. Однако подобный дескриптивный дискурс-анализ, по мнению ученых, влечет за собой следующие проблемы:

невозможность единого описания, предубеждение при восприятии социальной ситуации и желание ученого прийти к новому и лучшему выводу [Johnstone 2008, p. 28]. При этом описательный анализ может оказаться полезным для грамматиков-педагогов и лексикографов, так как в их трудах языковые явления обретут реальный, «жизненный» контекст, что необходимо современным обучающимся из-за сильной зависимости языка от контекста [McCarthy et al. 2020, p. 70].

Лингвистическое знание вполне вероятно может привести систематичный подход в интерпретацию текста, хотя бы за счет применения в ходе исследования корпусных технологий, все чаще используемых в анализе дискурса, снижающих степень необъективности исследователя, раскрывающих диахроническое развитие дискурсивных явлений, фиксируя меняющиеся и противостоящие друг другу дискурсы [Baker 2006, p. 10-15]. Несмотря на кажущуюся первичность дискурс-анализа как социологического инструмента, когда дело касается доказательной базы исследования, упор делается на микроанализе языковых явлений, обусловленных когнитивными процессами [van Dijk 2018, p. 27].

Выше уже было сказано, что дискурс-анализ имеет дело с языком в действии, а именно с тем, как его структурные элементы располагаются, соотносятся и «работают» вместе в рамках речевого взаимодействия. В каком-то смысле дискурс-анализ является примером «обратной разработки»: от готовой речи, оформленной в расшифровку, исследователю нужно вновь обратиться к изучению всех дискурсивных аспектов, которые повлияли на порождение текста. В частности нужно определить, какие идентичности участвуют в дискурсе, какую деятельность они осуществляют, какой социальный язык используют, какие модели адресата выстраивают, какие ситуационные значения сообщают, как выстраивают связи между обсуждаемыми объектами, какие экстралингвистические факторы активируют, как распределяют значимость тех или иных фактов, какие виды социальных взаимоотношений создают или

разрушают, какие точки зрения выстаивают, как концептуализируют происходящее [Gee 2018, p. 130-131].

Даже при восприятии одного высказывания от слушающего требуется прежде всего анализ прагматического контекста и только затем самого содержания сообщения. Помимо контекста ситуации на интерпретацию полученной информации влияют исходный и социальный контексты, и для деконструкции текстового материала в целях последующего научного анализа когнитивистам приходится его учитывать. При описании протекания психологического процесса оформления мысли и процесса ее последующего получения слушающим/читающим, лингвисты используют абстрактные схемы и понятие «фрейма», обозначающего повторяющуюся, стереотипную концептуальную «структуру знания» о сложившейся коммуникативной и социальной ситуации [ван Дейк 2000, с. 16, 49]. Известно, что фрейм соотносит элементы ситуации и их единства, основываясь на культурно значимом опыте [Evans, Green 2009, p. 222], и активирует упорядоченный набор контекстных предположений и ожиданий, необходимый для восполнения недостающей информации и «приписания» важности отдельным элементам [Strodt-Lopez 1991, p. 118].

Некоторые методологические пособия проливают свет на возможный алгоритм проведения чисто лингвистического дискурс-анализа. В коммуникативно-прагматической парадигме, нацеленной на анализ последовательности речевых актов, выстраиваемой для достижения успешной коммуникации, дискурс-анализ включает в себя описание ситуации общения, определение типа и структуры дискурса, выявление особенностей речевого поведения коммуникантов, их ролей, намерений, речевых стратегий и лексико-грамматического наполнения их речи [Комарова 2012, с. 449]. Список анализируемых единиц дискурса включает в себя также невербальные знаки, звуки, лексический выбор, синтаксические структуры, локальные и глобальные

значения, схему развития текста, риторические средства, речевые акты и межличностное взаимодействие [ван Дейк 2013, с. 132]. Когнитивно-дискурсивная парадигма в науке дополняет данный метод моделированием «когнитивной базы участников общения», т. е. их мировоззренческих позиций и общего фонда знаний, определяющих их как компетентных участников дискурса [Комарова 2012, с. 488].

Дискурс-анализ скрывает в себе богатое разнообразие методов и подходов, что может быть ошибочно воспринято учеными, не занимающимися дискурсивными исследованиями, чертой недостаточно проработанной методологии, имеющей дело с фрагментированными единицами анализа. Однако специалисты в вопросах дискурса видят в этом преимущество метода, а именно его гибкость и открытость различным точкам зрения [Östman, Virtanen 2011, p. 282].

Это разногласие существует, потому что в научных работах много говорится о том, *что* изучает дискурс-анализ, и мало о том, *как* изучать языковой материал с помощью дискурс-анализа. Анализ экстралингвистического контекста и анализ самого текста значительно расходятся в качестве и типе выводной информации: в первом случае это описание социальных параметров, правил и особенностей коммуникантов; во втором – формальное описание языковой оболочки и выявление функции той или иной языковой единицы. Поэтому нужно понять, как текст связывается с контекстом в рамках одного дискурса. Наиболее продуктивной для данной работы является шестиаспектная перспектива, предложенная Б. Джонстоун.

1. Дискурс формируется **миром**; мир формируется дискурсом.
2. Дискурс формируется **языком**; язык формируется дискурсом.
3. Дискурс формируется его **участниками**; дискурс формирует этих участников.

4. Дискурс формируется **предшествующим дискурсом**; дискурс создает возможности для **последующего дискурса**.
5. Дискурс формируется своими **средствами**; дискурс создает возможности для формирования новых средств.
6. Дискурс формируется **целью**; дискурс формирует другие возможные цели [Johnstone 2008, p. 10].

Как видно из списка, дискурс является не только результатом языковых взаимодействий, но и источником для дальнейшего развития взаимоотношений между участниками дискурса, между человеком и миром, для развития языка и пр. Все приведенные Б. Джонстоун аспекты находятся во взаимной зависимости с дискурсом. Именно поэтому, когда речь идет о связи языка и культуры, дискурс описывается одновременно и как «создатель», и как носитель культуры, а изучать культуру – значит изучать реальные формы дискурса, воспроизведенные обществами и индивидами [Sherzer 1987, p. 306]. Теперь необходимо разобрать, каким образом лингвистическая методология может помочь в исследовании этих шести взаимосвязанных процессов.

На первом уровне рассматривается взаимодействие дискурса и мира. Иными словами, мир оформляется в языке человеком посредством концептуализации и категоризации, а язык формируется в мире посредством реальной речевой практики. Дискурс также раскрывает необходимость в функциональном оснащении языка как инструмента познания мира. Этим пластом анализа занимается когнитивная лингвистика в ее дискурсивном направлении.

Второй уровень занимается ролью структуры в дискурсе: рассматриваются вопросы связности, следование макроправилам (правилам того, как «последовательность речевых актов связана со своей глобальной репрезентацией» [ван Дейк 2000, с. 36]) построения дискурса и отклонение от них. Этим аспектом

занимается лингвистика текста; собственно, это и есть дискурс-анализ в его чисто лингвистическом проявлении.

Наглядным примером варьирующейся структуры дискурса являются два вида коммуникации: устный и письменный. Естественно, что структура письменного дискурса будет продиктована имеющимися правилами традиционной грамматики. Устная речь адаптируется к менее строгим параметрам коммуникативной ситуации, оттого она обычно проста и разрозненна. Единицы письменной речи отличаются четкими графическими символами, а предложения могут делиться на бессоюзные, сочинительные и подчинительные, в то время как разговорная грамматика занимается другими структурными единицами дискурса вроде клаузы, интонационной единицы и пр. [Carter, McCarthy 2017, p. 5]. Однако и вид коммуникации не всегда является маркером того или иного раздела грамматики. Например, в интернет-блогах, представленных в текстовом формате, часто встречаются грамматические структуры, приближенные к разговорным. В итоге тексты похожи не на письменную и не на устную речь, а представляют собой что-то среднее [Ibid., p. 11]. Так, дискурс спортивного комментирования по типу передачи информации устный, но, в связи со своей журналистской природой, может включать в себя элементы письменной речи, если комментатор четко аргументирует свою точку зрения или детально описывает событие.

Второй уровень, по Б. Джонстоун, объединяющий язык и дискурс, берется как основополагающий в данной работе. Однако наше исследование не будет игнорировать и остальные аспекты анализа дискурса, например, наличие, количество и социопсихологические особенности участников дискурса.

Третий аспект раскрывает социальные роли и статусы коммуникантов, процесс выстраивания взаимоотношений между ними в дискурсе. Участники дискурса, безусловно, должны считаться особыми факторами в лингвистическом анализе дискурса, ведь благодаря их способности владения языком и способности

самовыражения через язык выстраивается языковая личность, причем, как отмечает Ю. Н. Караулов, «от речи персонифицированной… к языку вообще перейти нельзя» – сначала нужно учесть специфику языковой личности [2010, с. 30].

Помимо идиостилевых особенностей существуют и социостилистические (т. е. речевые особенности, характерные для какой-либо социальной группы), приводящие к вариативности языка. При этом любые языковые переменные, имеющие разные варианты воплощения, от звука до дискурсивных единиц могут коррелировать с переменными социальными: географическим местоположением, социальной мобильностью, гендерными характеристиками, возрастом, идентичностью, спецификой приспособления к собеседнику и взаимоотношения с ним [Llamas, Stockwell 2020, p. 154-155]. На данные лингводискурсивные вопросы ответ дает социолингвистика; в более узком понимании (при анализе отдельных высказываний) – прагматика.

Четвертый аспект дискурс-анализа, по Б. Джонстоун, имеет дело с повторяющимся и новыми дискурсами. Экстралингвистические факторы накладывают ограничения на речевые возможности участников дискурса, поэтому их речь приобретает стандартизированную форму в зависимости от повторяющейся ситуации или наличествующей социальной группы. Повторяющиеся дискурсивные формы превращаются в функциональные стили. За возможную возобновляемость семантических единиц отвечает категория интертекстуальности, а при слиянии нескольких типов дискурса в рамках одного обозначенного фрагмента – категория интердискурсивности. Что касается возможностей для создания последующих, «новых» дискурсов, коммуниканты могут порой нарушать устоявшийся дискурсивный статус-кво и проявить свои речетворческие способности, тем самым создав беспрецедентный дискурс, который затем может либо вызвать уникальные реакции, приводящие к еще одной

«новой» ситуации, либо получить продолжение, если собеседники примут новую форму как приемлемую.

Взаимодействующие собеседники избирают и используют некий канал коммуникации, что говорит об опосредованности дискурса. Достаточно посмотреть на различия между устным и письменным дискурсом, чтобы понять, что средство общения влияет на структуру, стиль, связность и совместное смыслообразование коммуникантами. Во время коммуникации можно использовать сразу несколько каналов общения – жесты, изображения, видеоматериалы, звуки и любые другие семиотические ресурсы. В последнее время актуальность набирают мультимодальные дискурсивные исследования, в которых все возможные значимые инструменты образуют новые смыслы на одном уровне с языковыми средствами [Paltridge 2012, p. 170]. Мультилингвальный и мультимодальный подход необходимо переносить и в научные исследования, так как новые контексты языкового использования и современные средства передачи информации расширяют возможности коммуникации, а ее участники все больше используют эти средства в смыслоообразовании [Lytra 2012, p. 533].

Сказывается и тенденция к расширению понятия «текст» в современной цифровой коммуникации. Один из главных американских представителей современного дискурс-анализа Дж. П. Джи предполагает, что даже видеоигры обладают своей семантикой – игровой механикой – и синтаксисом, т. е. связанной, логичной историей, или нарративом. Их дискурсивный вес проявляется в ситуационных значениях, в том, что для их расшифровки требуется наличие специальных социально-культурных знаний [Gee 2015, p. 19].

Средства дискурса влияют и на спортивное комментирование. Если даже исключить факторы медийности и учета специфики аудитории, перед комментатором стоят задачи обработать трансляцию аудио- и видеоматериалов, опираясь на различные графические подсказки, появляющиеся на экране,

взаимодействовать со зрителями в социальных сетях и т. д. Еще одним интересным изменением в дискурсе спортивного комментирования является переход к парному/групповому комментированию на замену индивидуальному. И если количество и функции участников такого дискурса рассматриваются в третьем аспекте дискурс-анализа, их расположение и средства коммуникации влияют на течение трансляции. Например, один или два футбольных комментатора могут находиться в студии, а другой репортер может располагаться на кромке поля. При таком раскладе они обладают разными типами информации, не видят друг друга, а их общение опосредовано цифровым каналом коммуникации.

Последним аспектом дискурс-анализа называют целеполагание дискурса. Здесь рассматриваются не сами участники дискурса, а их интенции при речепроизводстве и интерпретации – при речевосприятии. Перед речевым взаимодействием хотя бы один собеседник имеет дискурсивную цель, которой он добивается с помощью дискурсивных выборов; например, выбора речевых актов для положительного осуществления иллокутивного акта, отбора лексических единиц, типа интонации и других языковых планов, которые уже были рассмотрены в данном параграфе. Этим аспектом дискурс-анализа занимаются теоретики речевых актов и исследователи функционально-прагматических механизмов разговора.

В данной диссертации мы постараемся учесть все шесть принципов дискурс-анализа, но реализовать в полном объеме каждый из них в рамках одной работы невозможно. Основным аспектом дискурс-анализа спортивного комментирования мы считаем анализ структуры дискурса. Во-первых, для данного исследования (по сравнению с остальными аспектами) наиболее полезным оказывается лингвистический инструментарий: он может привести к важным выводам для теории языка; во-вторых, заявленные в теме диссертации дискурсивные стратегии как раз проявляют себя в этом аспекте дискурс-анализа.

Изучение отдельных деталей языкового взаимодействия в дискурсе, предлагаемое в диссертации, требует микроаналитического подхода к дискурс-анализу. Макроаналитический подход учитывает и более широкие дискурсивные объекты, чтобы понять, как в языке протекают социальные процессы [Baxter 2010, p. 119].

Ранее, в параграфе 1.2. уже были приведены три представления дискурса в гуманитарном знании, по Дж. Бакстер: дискурс как единица языка свыше текста, дискурс как язык в действии, дискурс как социальная и идеологическая практика. Эти общие понятия подкрепляются исследователем четырьмя методами дискурс-анализа, которые могут подразумеваться, когда любой исследователь пользуется термином «дискурс-анализ»: конверсационный анализ, [собственно] дискурс-анализ, критический дискурс-анализ (далее – КДА) и феминистский постструктуралистский дискурс-анализ [Ibid.]. Уже из названий становится понятно, что две последние методики относятся к макроаналитическому подходу.

Критический дискурс-анализ занимается отношениями между языком и властью, деконструирует контекст, в котором произошло речевое взаимодействие, чтобы решить важную социальную проблему. Ведущий специалист в области критического дискурс-анализа Н. Фэйрклаф выделяет три базовых принципа данного метода: реляционность (дискурс может быть объектом отношений, однако в нем самом уже находится набор отношений – между коммуникантами, между коммуникативными событиями, между более абстрактными дискурсивными объектами вроде языка и жанра), диалектичность (дискурс нельзя определить отдельно от других абстрактных и комплексных объектов, с которыми он сам находится в сети взаимоотношений), трансдисциплинарность (критический дискурс-анализ не замыкается в себе и соотносится с другими дисциплинами и теориями) [Fairclough 2013, p. 3-4].

Таким образом, в рамках макроаналитического КДА только текст рассматривается как языковая единица, а дискурсивная составляющая не входит в ответственность лингвистического знания, так как идеологически «давит» на языковые формы, заставляет носителя той или иной социальной роли вести себя определенным образом, настраивает его речевое поведение. Подобно анализу дискурса, который выходил за пределы предложения и текста, сторонники КДА не ограничивают дискурс как исключительно лингвистический объект исследования, так как дискурс – это объект контекстуализированный [Blommaert 2005, p. 235].

Феминистский постструктуралистский дискурс-анализ (далее – ФПДА) является продолжением КДА в том, что они преследуют социально прогрессивные цели и ставят под сомнение статус-кво. В основном ФПДА используется в дискурс-анализе школьного класса. Например, в классе успехи мальчиков в британских школах оценивали выше, чем успехи девочек, при прочих равных [Baxter 2010, p. 130-131]. Данный метод дискурс-анализа не претендует на лингвистичность и разрушает условное деление на микро- и макроаналитику.

Остальные два метода (конверсационный анализ и собственно дискурс-анализ) ориентируются уже на языковой материал и при этом успешно объединяют микроаналитические, локальные явления в речевом взаимодействии и конструировании структуры дискурса с макроаналитическими, представляющими собой нахождение более широко используемых формул использования языка.

В разнообразии методологий дискурс-анализа исследователь может упустить ядерное определение дискурса. Х. Трапп-Ломакс в противовес устоявшимся исследованиям приводит также иерархическое представление дискурс-анализа, которое включает большее количество возможных микроаспектов. Его четырехступенчатая схема дискурс-анализа отражена в Таблице 1.

КДА и ФПДА относятся к четвертому и наиболее глобальному пласту дискурс-анализа, где язык рассматривается как инструмент власти и политики.

Дискурсивные различия в национальных и этнических обществах рассматриваются во втором пласте: сюда входит анализ обыденных языковых норм и правил поведения (устоявший этикет, а не выработанные коммуникативные стратегии).

Таблица 1. Способы изучения дискурса (переведено и адаптировано по [Trappes-Lomax 2004, p. 136])

Правила и принципы	прагматика, теория речевых актов, теория вежливости, конверсационный анализ
Контексты и культуры	коммуникативная этнография, социолингвистика взаимодействия
Функции и структуры	системно-функциональная лингвистика, Бирмингемская школа дискурс-анализа, лингвистика текста
Власть и политика	прагматические и социолингвистические подходы к изучению власти в языке, критический дискурс-анализ

В случае исследования дискурсивных стратегий необходимо объединить первую и третью графы. Участники дискурса, полагаясь на известные им рабочие механизмы коммуникации (правила и принципы речевого взаимодействия), выстраивают свои высказывания, основываясь на функциях отдельных языковых единиц и располагая их в нужном порядке (функционально-структурный аспект формирования дискурса).

Нужно заметить, что в научных расшифровках дискурс-анализа, данных Дж. Бакстер и Х. Трапп-Ломаксом, совпадает одно важное звено – конверсационный анализ, или анализ диалога. Этот метод используется для изучения последовательности речевых ходов и смены коммуникативных ролей [Комарова 2012, с. 454]. Задача конверсационного анализа – обнаружить структуру разговора, проследить, как словесное взаимодействие осуществляется при появлении последующих коммуникативных ходов [Wooffitt 2005, p. 8].

Идеи конверсационного анализа зародились в 60-е гг. XX столетия. Создателем метода является Х. Сакс, который, вместе с Э. Щегловым и Г.

Джефферсон, заложили его фундаментальные основы [Sacks et al. 1974]. Ученые определили, что очередность реплик в разговоре зависит от точек возможного перехода хода, на которые ориентируются говорящие. Также было введено понятие смежной пары – типичная последовательность высказываний, произнесенных разными говорящими. Такими парами обычно являются реплики «приветствие – приветствие», «приглашение – согласие/отказ» и прочие обмены, содержащие в себе инициирующее высказывание и ответ. В некоторых смежных парах можно выделить и так называемый «третий ход», подразумевающий обратную связь [Sinclair 1992, p. 85]. Например, после инициирующей фразы «Что случилось?» и шокирующего ответа говорящий может избрать восклицание, которое на самом деле продолжит смежную пару. Интересно, что в приведенной выше работе Дж. Синклера происходит терминологическое смешение двух типов анализа во фразе «конверсационный [или разговорный] дискурс».

Сейчас конверсационный анализ рассматривается прежде всего как метод, позволяющий найти упорядоченность любого разговора, даже бытового, так как его структура может указать на организованную структуру межличностных действий. Главным преимуществом такого детального анализа диалога является его исключительная ориентация на материал, на микроаналитическую парадигму, отчего исследователь занимает нейтральную и объективную позицию [Baxter 2010, p. 122].

Помимо чередования реплик и смежных пар, конверсационный анализ занимается поправками, или уточнениями, которые сами по себе являются смежными парами. Например, собеседник А произносит высказывание, непонятное собеседнику В. Собеседник В дает сигнал о недопонимании с помощью фраз вроде «Извините?» или «Что?/Кто?». Повторная реплика собеседника А будет считаться поправкой.

Изредка объектом конверсационного анализа становится и лексический выбор, если он придает новый организационный статус текущей или предшествующей реплике. Например, использование разных типов положительных междометий (немаркированных, преувеличивающих, преуменьшающих, междометий согласия) может имплицитно указать на то, был ли вопрос собеседника подходящим [Stivers 2018, p. 206]. На основе многочисленных междометий согласия собеседника вопрошающий решает, стоит ли воспринимать ответную ремарку как окончание смежной пары «вопрос – ответ» или как саркастическое высказывание, требующее дальнейшего развития такого коммуникативного обмена.

Современный конверсационный анализ также используется для раскрытия глобальной организации диалога, связанной не только с языковым его воплощением [Кибрик 2003, с. 14]. Среди невербальных и невокальных факторов выделяют также такие паралингвистические параметры, как движения собеседников и их телесные взаимодействия с окружающими объектами [Mondada 2019].

Конверсационный анализ рассматривают в отрыве от дискурс-анализа, так как эти направления ответвились от разных научных практик и предполагают различный масштаб потенциального исследования. Анализ диалога подразумевает изучение социальных действий в языке, типичных последовательностей реплик и стандартных ожиданий коммуникантов; дискурсивный анализ же основан на более широких межличностных и социальных функциях, образующих тот или иной фрагмент разговора [Wooffitt 2005, p. 79].

Гораздо ближе методика конверсационного анализа к прагматике, ведь оба этих направления занимаются изучением отдельных высказываний, их иллокутивных сил и последовательностей. На наш взгляд, выводы конверсационного анализа дополняют прагматику своими обобщениями.

Конверсационный анализ изучает не сами импликатуры, а то, как говорящие ориентируются на них, какие ответные действия и реплики они вызывают [Drew 2018].

Считается, что прагматика рассматривает три типа контекста: языковой (что было сказано до момента речи), ситуационный (в каком окружении это было сказано) и социальный (отношения между собеседниками и их ролями) [Language Files… 2016, p. 441-442]. Конверсационный анализ исключает любую такую внешнюю контекстуальность за исключением добавочного – последовательного контекста [Drew 2018, p. 82], т. е. контекста предыдущих высказываний в структуре диалога. Для анализа диалога исследователям не нужно учитывать идентичности и интенции собеседников, инкорпорировать социологические теории, вводить в исследование факторы класса, статуса и гендера [Wooffitt 2005, p. 65]. В рамках данного метода не требуется прилагать контекст в качестве вводных данных для исследования – его нужно извлекать из изучаемого взаимодействия: «Наше поведение автоматически отражает контекст, в котором происходит это взаимодействие» (Перевод наш. – *М. К.*) [Ibid., p. 69].

Конверсационный анализ успешно дополняет дискурс-анализ, предлагаемый в данном исследовании, по нескольким причинам. Во-первых, в качестве материалов выступают расшифровки, содержащие естественный языковой материал. Во-вторых, за последние пять лет на российском спортивном телевидении произошел переход от индивидуального комментирования к парному/групповому. Увеличение количества собеседников повысило степень диалогичности речи, о которой говорилось в параграфе 1.4. Парное/групповое комментирование уже давно практикуется за рубежом, и даже появились основания полагать, что в связи с закрепленными ролями говорящих в студии можно говорить не только о регистре речи спортивных комментаторов, но и подрегистрах внутри основного [Reaser 2003, p. 318].

Мы используем объединение этих двух аналитических методов, чтобы понять, как дискурс спортивного комментирования изменился с переходом индивидуального на парное/групповое и как это можно отследить в языке. Интересно было бы выяснить, в каких эпизодах диалогическая речь может помешать развитию монологического дискурса или, напротив, его облегчить. Также одной из задач исследования является сравнение того, как структура такого новообразованного диалогического дискурса порождается в двух языках – русском и английском.

Выводы

Целью данной главы было обозначить терминологическую основу нашего диссертационного исследования и подкрепить теоретические знания о языке существующими работами, рассматривающими спортивное комментирование как достойный объект языковедческого анализа.

Исследование дискурса спортивного комментирования необходимо проводить комплексно в двух парадигмах лингвистического знания: коммуникативно-прагматической и когнитивно-дискурсивной. В таком случае дискурсивный анализ спонтанной речи спортивных комментаторов отталкивается от идеи «обратной разработки», т. е. реконструкции ситуации, в которой была произнесена та или иная единица дискурса.

Анализ дискурсивных стратегий такого устного спонтанного дискурса, как спортивное комментирование, требует объединения структурного и социокогнитивного подходов к дискурсу. Первый необходим, чтобы проследить логику размышления говорящего и стратегию риторически оправданного расположения информации в сообщении так, чтобы его поняли зрители; второй – чтобы деконструировать ситуацию, в которой находился говорящий, и определить, как коммуникативно-прагматические ожидания его аудитории, присутствие или

отсутствие других участников дискурса, когнитивные ограничения повлияли на его выбор дискурсивных единиц и стратегий.

Дискурс представляет собой динамическое понятие, меняющее свое воплощение в различных гуманитарных науках, что приводит к терминологическим разночтениям в многочисленных теориях. Для лингвистов дискурс – это одновременно и результат (связный текст с окружающими его контекстуальными факторами, рассматриваемый внутри и с точки зрения ситуационной модели, состоящей из стереотипных ситуаций и личностного опыта ее участников), и речемыслительная деятельность (интересная с точки зрения как производства, так и обработки дискурса), и средство передачи важной семантической и прагматической информации.

Лингвисту, занимающегося дискурсивными исследованиями с языковедческими целями, необходимо ограничить себя восприятием дискурса как «языка сверх предложения» и «языка в действии», чтобы не отходить от чисто языковых концептов к социологическим и идеологическим. В личностно- и статусно-ориентированном видах дискурса циркулируют и устанавливаются повторяющиеся формы деятельности, в том числе речевой деятельности, – дискурсивные практики. В них возникают шаблоны, приемы и стратегии, облегчающие общение между участниками дискурса. Дискурсивные стратегии включают в себя как текстовые, так и социальные стратегии, позволяющие выстраивать логичный, упорядоченный текст, понятный адресату, даже в случае его спонтанного воспроизведения.

Спортивное комментирование рассматривается в работе как объект дискурсивного анализа, который учитывает не только стилистическое богатство речи комментаторов, но и ее шаблонность, обеспечивающую композиционную полноту и структурную связность дискурса. С точки зрения дискурса информативный вес сообщения так же важен, как и его эстетическое оформление.

В дискурсе спортивного комментирования, где темп соревнования диктует скорость изложения событий, на первый план выходит и структурное оформление мыслей комментатора.

Несмотря на расхождение методики дискурс-анализа в разных областях гуманитарного знания, анализ языковых структур все еще занимает в ней первоначальное место. Среди многочисленных вариантов дискурс-анализа нами был выбран тот, что зиждется на языковом воплощении и структурировании дискурса, зависящем не только от текстовых параметров вроде локальной связности, но и от принципов глобальной организации сообщения. Кроме того, к дискурс-анализу прилагается методика конверсационного анализа, необходимая в связи с диалогичностью современного телевизионного спортивного комментирования. Она дополняет структурный аспект исследования анализом последовательностей реплик, совершаемых несколькими говорящими и преследующих цели не только поддержать разговор, но и адресовать его более широкой (телевизионной) аудитории.

Изложенные теоретические постулаты дискурсивного анализа будут конкретизированы в следующей главе, чтобы осуществить данное исследование дискурса спортивного комментирования на его микро- и макроуровнях.

Глава 2. РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ ПОСТРОЕНИЯ ДИСКУРСА СПОРТИВНОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ

В данной главе рассматриваются трудности, возникающие при представлении и членении структуры такого устного спонтанного дискурса, как спортивное комментирование. Они возникают уже на предварительном этапе – подготовке текстовых расшифровок речи спортивных комментаторов. Неясны границы самостоятельных смысловых единиц, высказанных комментатором в процессе трансляции. Более того, спектр особенностей данного типа дискурса, отличающих его от других, очень широк: они обнаруживаются в единицах от строго дискурсивных до элементарных языковых.

Цель данной главы – разработать модель анализа дискурсивных стратегий спортивного комментирования с опорой на имеющиеся труды по связности и структуре дискурса и исходя из свойственной спортивному комментированию спонтанности и комплексности.

Достижение этой цели требует решения следующих задач:

1) обозначение и осмысление имеющихся теорий о структуре и связности устных спонтанных дискурсов;

2) выбор и определение единиц анализа, заключающих в себе дискурсивные стратегии;

3) разработка этапов исследования и их приведение в форме алгоритма, предлагаемого для анализа дискурсивных стратегий любых типов устного дискурса.

2.1. Структура и связность дискурса: когерентность и когезия

Согласно Б. Джонстоун, дискурс не обладает стандартизированными правилами. Участник дискурса волен выбирать то, как и что ему говорить. Однако в устойчивых речевых жанрах, в повторяющихся видах человеческой деятельности

дискурсу нужна структура. Она рождается не из предписываемых правил и фиксированных форм. Б. Джонстоун приходит к выводу о том, что структура дискурса есть набор стратегий, а не отражение набора правил [Johnstone 2008, p. 125]. Поэтому было бы логично отслеживать стратегии говорящих (в нашем случае, спортивных комментаторов), рассматривая структуру дискурса.

А. А. Кибрик приводит главное методологическое разграничение специфики описания структуры дискурса. Ее можно представить на двух уровнях: глобальном и локальном. Глобальная структура – это совокупность крупных дискурсивных «блоков» или «непосредственных составляющих»; локальная структура – «совокупность минимальных единиц, которые имеет смысл относить к дискурсивному уровню» [Кибрик 2003, с. 4]. Элементами глобальной структуры являются абзацы, эпизоды и другие текстовые фрагменты, обладающие семантическим единством. На локальном уровне дискурса выделяют клаузы, тематические единицы, высказывания, интонационные единицы, предикации и другие единицы [Johnstone 2008, p. 86]; иными словами, единицы, которые развивают, модифицируют и уточняют формирующийся дискурс.

Глобальная дискурсивная единица зачастую детерминирована коммуникативной целью говорящего; локальные единицы заключают и скрывают заданную интенцию в языковой форме и позволяют оформить речь по общепринятым «правилам» дискурса.

Самым простым примером иерархического построения дискурса с помощью глобальных и локальных единиц является жанр эссе. Эссе требует некоторое количество абзацев: абзац для вступления, один или несколько абзацев со структурой «аргумент + пример», абзац с заключением. Похожая, но усложненная структура прослеживается в англоязычных текстах, рассматривающих проблемы и их решения: «фоновые знания – проблема – решение – оценка» [Salkie 1995, p. 91]. Деление на абзацы позволяет сузить функцию каждого глобального фрагмента, а

его стройное оформление обеспечивается локальными единицами – предложениями.

В устной речи встречается такая коммуникативная интенция, как приглашение. Перед ним говорящий может задать вопрос «Чем занимаешься?», чтобы уточнить, не занят ли собеседник, свободен ли он для встречи и совместного времяпрепровождения. Это высказывание служит для наведения справок, но является частью одной глобальной интенции – пригласить кого-либо куда-либо [Gardner 2004, p. 273]. Ответ «ничем» важен вопрошающему не фактом того, что собеседник не занимается никаким видом деятельности, а тем, что он делает возможным эксплицитное приглашение. Глобальной единицей такого дискурса станет речевой акт (приглашение), а локальными единицами – высказывания (наведение справок о доступности собеседника, передача информации о возможном времени и месте встречи).

Таким образом, глобальную структуру дискурса можно членить согласно коммуникативным целям говорящего/пишущего. Такая модель глобальной структуры называется интенциональной и соответствует цепочке «структура знания – структура коммуникативного намерения – структура дискурса» [Кибрик 2003, с. 39]. Коммуникант сначала опирается на имеющиеся знания или знания, полученные из предыдущего коммуникативного хода собеседника, затем избирает необходимый набор намерений, требующих определенной последовательности и, наконец, оформляет свою речь согласно экстралингвистическому контексту и устоявшимся дискурсивным механизмам и формам.

Интенциональный подход выдерживается и в одной из самых цитируемых работ по структуре дискурса[1]: *Attention, Intentions, and the Structure of Discourse* авторства Б. Грош и К. Сиднер. Уже в названии статьи указаны три главных

1 Более 4000 цитирований, согласно Google Scholar. Режим доступа: https://scholar.google.com/scholar?cites=5637424006579043456&as_sdt=2005&sciodt=0,5&hl=ru (дата обращения: 23.06.2022).

параметра в производстве дискурса: внимание, интенции и структура. Авторы предлагают вычислительную модель дискурса, основанную на компьютерной метафоре, согласно которой человеческий мозг обрабатывает информацию (в данном случае дискурс) так, как это делает компьютер. Учеными была предпринята попытка научить искусственный интеллект построению человеческого дискурса. Их модель структуры дискурса состоит из трех разноплановых, но связанных компонентов: языковая структура, интенциональная структура и состояние внимания [Grosz, Sidner 1986, p. 175].

Языковая структура, которая и является глобальным предметом данного исследования, представляет собой последовательность высказываний и дискурсивных фрагментов, заполняющихся высказываниями. Интенциональная структура выражается не только глобальной дискурсивной целью, но и микроцелями каждого отдельного дискурсивного фрагмента. Состояние внимания – это динамическая абстракция, фиксирующая фокус внимания участников дискурса во время его развертывания. В фокусе может находиться дискурсивная цель фрагмента и сущности, значимые для текущего дискурса, или референты [Ibid., p. 179].

Отсюда рождаются два ключевых понятия для исследовательской части диссертации. Для глобальной дискурсивной единицы Б. Грош и К. Сиднер тогда использовали термин «дискурсивный сегмент» (для удобства в данной работе мы будем оперировать термином «дискурсивный фрагмент»), чтобы обозначить агрегацию высказываний, заключающую в себе отдельную микроцель. А обнаружить такие единицы для членения дискурса можно было, опираясь на локальные единицы, именовавшиеся у авторов фразами-подсказками, дискурсивными словами, референтными выражениями и прерываниями [Ibid., p. 178]. В современной лингвистической теории фразы-подсказки и дискурсивные слова получили обобщающий термин «дискурсивный маркер», речь о котором

пойдет в следующем параграфе, посвященном единицам анализа данного исследования.

Мы также заинтересованы в членении большого текста спортивного комментирования на целостные и лингвистически обусловленные семантические единицы. Так как спортивный комментатор генерирует устную спонтанную речь в режиме реального времени, наиболее подходящей для анализа глобальной единицей дискурса в спортивном комментировании мы считаем «эпизод». Согласно Т. ван Дейку, эпизод – это последовательность пропозиций дискурса, которая может быть заключена в макропропозицию [van Dijk 1982, p. 180]. В качестве доминирующей макропропозиции обычно выступает так называемое тематическое выражение [van Dijk, Kintsch 1983], которое облегчает адресату изъятие макропропозиции и, соответственно, обработку дискурса. Тематические выражения могут встречаться как в начале, так и в конце эпизода: в первом случае – чтобы заявить тему (макропропозицию), вокруг которой будет строиться текущий дискурсивный фрагмент; во втором – чтобы уточнить, проверить, «откалибровать» макропропозицию, выведенную адресатом [ван Дейк 2000, с. 59].

Таким образом, дискурсивные фрагменты и эпизоды становятся ключевыми единицами данного исследования, относящимися к глобальной структуре дискурса спортивного комментирования. Возникают вопросы об основаниях для их аналитического членения и исследования их возможного пересечения.

В процессе подготовки расшифровок, служащих материалом данного исследования, стало ясно, что процесс описания структуры дискурса спортивного комментирования не так однозначен. С одной стороны, дискурс спортивного комментирования делится на тематические, семантически связанные фрагменты, содержащие в себе одну микроцель – наподобие модели структуры дискурса Б. Грош и К. Сиднер. С другой стороны, любой дискурсивный фрагмент может быть прерван спортивным событием, являющимся более значимым для упоминания в

дискурсе, что создает единицу иного рода – эпизод, из которого выводится единая макропропозиция или серия макропропозиций и который является самостоятельной структурно обусловленной единицей, как правило, маркированной специальными маркерами или приемами сдвига эпизода.

В устном спонтанном дискурсе фрагменты и эпизоды выстраиваются одновременно, так как помимо речевого потока и развития нарратива меняются события, о которых повествует говорящий. Например, спортивный комментатор ведет дискурсивный фрагмент о ходе соревнования, но внутри этого фрагмента может быть выделено несколько эпизодов: сначала говорится о параметрах дистанции гонки, затем – о местоположении одного гонщика, в конце концов – о смене позиций гонщиков. Напротив, спортивный комментатор в рамках одного эпизода может рассказать о событии из хода соревнования, связать его с событиями прошлого и дать прогноз дальнейшего развития событий, таким образом вовлекая в эпизод целых три дискурсивных фрагмента.

Двоякость композиционного построения дискурса можно объяснить через понятия реляционной семантики и реляционного синтаксиса. Если рассматривать дискурс как связную последовательность высказываний, его содержание будет продиктовано его семантико-синтаксическим наполнением. Т. ван Дейк объясняет, что реляционная семантика существует в рамках категории когерентности, а реляционный синтаксис – в рамках категории когезии [2000, с. 134]. Когерентность в таком случае понимается как широкая категория, заключающая в себе общую содержательную связность текста (макроструктуру); когезия же выражается в поверхностных (синтаксических) структурах (т. е. синтаксическом устройстве предложений), используемых «в качестве сигналов лежащей в их основе семантической связности» [Там же, с. 127; Калиниченко, Мухин 2021, с. 12].

Таким образом, когезию дискурса можно маркировать и воспринимать с помощью языковых единиц – например, дискурсивных маркеров. Когерентность

дискурса можно проследить через пресуппозиции и логические следствия, т. е. иллокутивные силы сообщения, а не просто локуцию. Иными словами, когезия обусловлена единицами внутри текста; когерентность – всем текстом.

Данная теория подкрепляется и интенциональной моделью дискурса, в том числе и диалогического. Когерентность дискурса воспринимается слушающим без дополнительных когнитивных усилий – он предполагает общую дискурсивную цель его собеседника и представляет, с какой целью он сам воспринимает дискурс. Структурная связность дискурса, или когезия, выраженная в языковых единицах, позволяет ему сфокусировать свое внимание на отдельном аспекте текущей темы разговора или сдвинуть фокус, как только появляется маркер, готовящий слушающего к новой макропропозиции [Linell 1998, p. 182-183].

Из данных размышлений можно сделать вывод о том, что дискурсивные фрагменты обеспечивают когерентность, или семантическую связность дискурса, а эпизоды – когезию, или структурную связность дискурса. В данной работе представлено двоякое членение устного спонтанного дискурса (спортивного комментирования) на фрагменты и эпизоды согласно его когерентности и когезии соответственно. Механизмы формирования такого связного дискурса отражены в параграфах 3.1 и 3.2.

2.2. Единицы анализа дискурсивных структур и стратегий

Ранее были заявлены две главные единицы глобальной структуры устного спонтанного дискурса – фрагменты и эпизоды. В этом параграфе разберем их более подробно наряду с единицами локальной структуры изучаемого дискурса.

Под дискурсивными фрагментами будут пониматься единицы дискурса, представляющие собой микротексты в рамках одного большого текста, объединенного одной темой. Например, в устной лекции могут присутствовать фрагменты, посвященные плану лекции; истории освещаемой проблемы;

известным ученым, занимавшимся ею; ее отдельным аспектам; ее критике; дальнейшим путям ее решения и т. д. В спортивном комментировании под фрагментами могут пониматься логически связные отрывки текста о ходе события, истории соревнования, характеристике гонщиков и т. д.

Что касается эпизодов, в рабочем определении Т. ван Дейка заявлены два важных параметра: его макропропозициональная структура и психокогнитивная обусловленность.

Во-первых, эпизод не только представляет собой тематическое единство, где тема принимается в понимании «о чем данный текстовый фрагмент?» – эпизод также обладает макропропозициональной структурой. Обычно первое предложение (из стратегических соображений) заключает в себе макропропозицию – пропозицию, характеризующуюся единым набором участников, временем, местоположением, событием или действием. Она остается в кратковременной памяти слушателя (или, по модели Б. Грош и К. Сиднер, в фокусе внимания) до конца воспроизведения нового эпизода, который настает, когда следующая пропозиция не подходит под текущую макропропозицию и таким образом начинает новую макропропозицию [van Dijk 1982, p. 191].

Во-вторых, эпизоды – это семантические единицы, обусловленные когнитивными факторами производства и восприятия дискурса [Ibid., p. 178]. Эпизоды не только помогают говорящему структурировать речь, но и участвуют в когнитивной модели обработки дискурса, т. е. нацелены на аудиторию, представляющую, интерпретирующую и запоминающую дискурс. В связи с этим переход от одного эпизода к другому является вполне естественным в течение разговора, и слушающему не нужно заново настраивать фокус внимания, если макропропозиция продолжает свое развитие.

Деление расшифровок спортивного комментирования на эпизоды имеет смысл, так как в обособленных текстовых фрагментах можно отследить развитие и

смену макропропозиций в тех случаях, когда внимание говорящего и слушающего фокусируется на другом референте или событии в процессе динамичного спортивного мероприятия. Причем выбор нового референта или события для включения в дискурс может быть обусловлен не только коммуникативными интенциями комментатора: более значимый референт или более значимое событие могут появиться на изображении трансляции, что потребует вербальной реакции говорящего. Эти параметры находятся вне контроля комментатора, что делает его повествователем-наблюдателем [Боровикова 2007].

Благодаря анализу эпизодов можно отследить, как из дискурса выводятся макропропозиции, какие эпизоды чаще всего входят в последовательности для оптимального оформления речи, как внутри эпизодов обеспечивается связность высказываний. Однако главным методологическим столпом для данной работы становится то, как происходит переход между эпизодами и содержащимися в них макропропозициями как в эксплицитной, так и имплицитной форме. Связано это с тем, что смена одного эпизода другим – это стратегический выбор говорящего. Так как большинство телевещаемых спортивных соревнований отличается быстрой сменой освещаемых событий, спортивный комментатор часто вводит новые пропозиции, новый семантический материал, конструирует новые эпизоды и маркирует их, чтобы не запутать аудиторию. Иными словами, говорящий полагается на макроправила, согласно которым макропропозиции выстраиваются в единую макроструктуру, позволяющую аудитории выводить глобальное значение дискурса, основанное не только на локальной связности [ван Дейк 2000, с. 49]. Если же соревнование отличается малым количеством событий, комментатор может избрать пропозиции, не связанные с ходом соревнования, вызывая тем самым дискурсивную стратегию отклонения от темы.

Если придерживаться вышеописанного предположения о том, что дискурс-анализ работает по принципу «обратной разработки», перед лингвистом,

анализирующим эпизоды, стоит задача определить, что именно вызывает такое структурно-стратегическое деление устной речи. Существует мнение, что начало нового эпизода происходит в двух случаях: (а) вводится новая макропропозиция; (б) вводится новый референт [Abu-Akel 1999, p. 437]. Например, в отрывке

<...> Американский актер известен своими яркими ролями в комедийных фильмах. В 2014 году Мартин получил премию «Оскар» за выдающийся вклад в кинематограф. //[1] Стив Мартин называет своими кумирами Чарли Чаплина, Вуди Аллена, Джерри Сайнфелда. У последнего он научился нестандартной, ироничной подаче юмора.

оба эпизода рассказывают об одном действующем лице, но различается их тематическое наполнение, или макропропозиция – случай (а). В первом эпизоде рассказывается о достижениях актера; во втором – о его кумирах, источниках вдохновения. Случай (б) можно проиллюстрировать следующим примером:

<...> Чарльз посмотрел на часы своего отца и ушел. // Мэйбл зашла в галерею, где ее встретила Элис.

Здесь происходит пересказ событий, а смена эпизода диктуется сменой референта (*Чарльз → Мэйбл*), или действующего лица.

Таким образом, в дискурсивную стратегию входит не только макропропозициональный выбор, но и референциальный. Под референциальным выбором понимается выбор подходящего языкового выражения для упоминания референта, т. е. любого объекта, значимого для текущего речевого отрезка [Кибрик и др. 2010]. Чтобы удержать внимание слушающего (внимание – один из трех элементов в модели Б. Грош и К. Сиднер), говорящий заменяет именные группы на анафорические местоимения, так как при повторном упоминании референта полная номинация не требуется. Например,

Оливер пришел в квартиру Эми. Он поделился с нею замыслом своего нового проекта.

В первом предложении отрывка для указания действующих лиц используются полные референты, выраженные именными группами *Оливер* и *Эми*. Во втором предложении эти слова сокращаются до формы неполной референции,

1 Двойная косая черта обозначает начало нового эпизода.

т. е. заменяются анафорическими местоимениями *он* и *с нею*, чтобы не повторять имена снова.

Эти примеры показывают, что анализ референциального выбора может оказаться ключевым в членении спонтанного устного дискурса и спортивного комментирования в частности.

Однако существование макропропозиционального и референциального выбора не означает, что появление новой макропропозиции или референта вызывает необходимость в членении дискурса. Тогда устные тексты были бы излишне фрагментированы, а активация второго референта, значимого для дискурса, вызывала бы начало нового эпизода. Доказано, что эпизод может состоять из нескольких последовательностей макропропозиций [Abu-Akel 1999, p. 440]. Такими, более частными последовательностями могут быть последовательности событий и действий, которые выстраиваются в рамках одной макропропозиции. Эпизоды также подвергаются рекурсии, т. е. могут вкладываться друг в друга, прерываться и восстанавливаться [Hwang 1989]. Связана эта нелинейность со сдвигом между фоновой и приоритетной информацией, сдвигом внимания или перебиванием [Abu-Akel 1999, p. 447]. Такая динамичность зачастую обусловлена сдвигом во времени, влияющим на структуру дискурса: события могут разворачиваться линейно, вокруг одного центра перспективы (например, рассказчика), в качестве одной из сюжетных линий, отклоняющейся от основного повествования [Becker, Egetenmeyer 2018, p. 56].

Взаимосвязь и постоянная логическая связь между эпизодами создает нарратив, а спортивных комментаторов вполне можно назвать создателями нарративов. Процесс повествования – двусторонний, так как вовлекает в себя языковые и концептуальные домены. С одной стороны, текст – это результат выстраивания информации из локального языкового материала в определенном порядке. С другой стороны, глобальная структура заключает в себе

концептуальную репрезентацию повествуемых событий [Abu-Akel 1999, p. 437-438]. С этой точки зрения, под локальной структурой тогда понимается языковое воплощение нарратива; под глобальной – сам нарратив или его дискурсивное воплощение.

Отступления от темы в спортивном комментировании очень похожи на отступления от темы во время университетских лекций. Было доказано, что лекторы не случайно уходят от основной темы в своей речи: они развивают глобальную тему вместо локальной, семантически связывают новый эпизод с предшествующими, и эти переходы вполне можно считать прагматически логичными. Более того, исследователь структуры университетских лекций подчеркивает, что отступление от темы – эффективная дискурсивная стратегия [Strodt-Lopez 1991]. Это имеет смысл как в жанре лекции, где «подстрочные комментарии» увеличивают семантическую связность речи, так и в спортивном комментировании, где дополнительный контекст, находящийся за пределами свершающегося события, может рассказать о соревновании или его участниках больше, чем вербальная регистрация происходящего. Таким образом, уход от локальной темы (и соответственно, развитие глобальной темы) дополняет историю (семантическая связность дискурса) и позволяет говорящему ввести авторскую позицию, вербализовать свою интерпретацию события (прагматическая логичность дискурса).

В дискурсе спортивного комментирования достаточно сложно определить степень связности пропозиций, чтобы включать их в одну макропропозицию, ведь из-за недостатка времени говорящий не может аргументировать вовлечение новой пропозиции в текущий эпизод или «забудет» обозначить начало нового эпизода в случае новой макропропозиции, меняющей фокус внимания. В таком случае возникает вопрос, как точно выявлять и регистрировать границы эпизодов.

Немногие авторы пытались описать композицию спортивного комментирования. Например, упрощенная композиция речи комментатора состоит из начала, основной части и завершения [Зиянгиров 2017, с. 463]. В обзоре литературы уже было представлено деление на четыре фоностилистические фазы: «без борьбы», «активная борьба», «победа» и «поражение» [Калашникова, Глушак 2019]. Однако в основном исследователи отталкиваются от функционально-прагматических задач спортивных комментаторов. Комментатор может отражать в речи то, что происходит; объяснять; информировать аудиторию; анализировать события; формально организовывать композицию комментария [Снятков 2008а, с. 115-116; Коваль 2014, с. 77]. Добавляют и функции развлекательные, повышения интереса к спорту и здоровому образу жизни и обратной связи [Зиянгиров 2017, с. 462]. Каким бы ни был список прагматических задач комментатора, выстраивание текста – это функция, рассматриваемая обособленно от типов информации, заложенной комментатором в дискурс. Однако функции, выполняемые комментаторами в речи, не всегда отражают структуру эпизодов.

Например, разведенные в разные категории информация о спортсменах и их достижениях («когнитивная аксиологическая компетентность») и характеристика участников («дескриптивность и презентационность высказывания») [Коваль 2014, с. 78-81] могут быть представлены в рамках одной макропропозиции, в которую входит рассказ об одном из спортсменов, совершившем значимое действие или изображенном на экране.

Перечисленные авторы сходятся в том, что жанр спортивного комментария неоднороден. Функции комментаторов смешиваются воедино, а у некоторых комментаторов (в силу их риторических возможностей и фоновых знаний) не воплощаются вовсе. Однако можно поспорить с авторами по поводу того, что выделение в комментарии одной большой основной части непродуктивно. Особенно это касается видов спорта, где соревнование длится более 4 часов

(например, велоспорт) или имеет очевидные фрагментированные участки (например, розыгрыши в теннисе). Более того, почти все вышеприведенные функциональные особенности речи присущи всем говорящим, и не только спортивным комментаторам. Тогда более полноценной и универсальной опорой для анализа стала бы классификация на пять коммуникативных регистров речи, данная в работе Г. А. Золотовой и ее соавторов: репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтивный, реактивный [Золотова и др. 2004, с. 33]. Однако и эти регистры могут находиться и в рамках одного эпизода, как и макропропозиции.

В таком случае единое членение спонтанной речи на эпизоды практически невозможно. Однако если мы хотим отследить смену эпизодов, нам, как исследователям, и телевизионной аудитории, как слушающим, помогают дискурсивные маркеры – «класс слов с уникальными формальными прагматическими возможностями, отличающиеся высокой частотностью и отсутствием денотата» [Массалина 2009, с. 211]. Диапазон факторов, находящихся под контролем дискурсивных маркеров, очень широк. Они могут указать на когнитивные, экспрессивные, текстуальные и социальные структуры дискурса [Maschler, Schiffrin, p. 204].

Дискурсивные маркеры отличаются высокой частотностью в устной речи за счет функционального оформления начала текстовых фрагментов. Пятью основополагающими чертами дискурсивных маркеров называют факультативность, гибкость, независимость от просодии, способность к созданию связи, мультиграмматическую оформленность [Huang 2011, p. 24-25]. Особенно важен последний параметр, так как дискурсивный маркер выражается словами самостоятельных частей речи, которые в качестве маркера уже выступают как служебные. Например, наречие *сейчас*, перейдя в разряд дискурсивных маркеров, может означать возвращение к основной теме дискурса, при этом не соотносясь с

предикатом. Разница между грамматическим и неграмматическим использованием таких фраз, как *вы знаете*, *тогда*, *вот* и других, определяется по наступлению паузы до или после произношения такой единицы, уровню звука, долготе гласных, позиции в интонационном контуре [Bartkova et al. 2016, p. 860-861]. Многофункциональность дискурсивных маркеров также заключается в том, что они (а) вводят риторические отношения между предшествующими и текущими высказываниями (дополняют информацию и оправдывают это дополнение) и (б) индексируют последующие высказывания, объявляя о смене темы или возвращении к предыдущему дискурсивному топику [Charolles 2020].

Считается, что идиостиль или язык отдельной социальной группы (например, профессиональной) проявляется не столько в уникальном лексиконе, сколько в использовании дискурсивных маркеров, которое из-за своей функционально-прагматической направленности скажет больше о том, как говорящий выстраивает свою речь. Поэтому стратегии дискурсивного маркирования отличаются идиостилистичностью [Johnstone 2008, p. 242]. Также считается, что дискурсивные маркеры присущи спортивному комментированию по трем причинам: используемый комментаторами язык – шаблонный; комментатор не ожидает ответной реакции от слушателей; комментатор говорит, находясь в строгих временных рамках [Huang 2011, p. 296].

Дискурсивные маркеры зачастую сигнализируют о начале нового эпизода и появляются при тематическом сдвиге. Несколько типов дискурсивных маркеров были упомянуты в работе Т. ван Дейка об эпизодах еще до появления классификаций этих маркеров, а именно «маркер смены времени» (далее в работе – темпоральный сдвиг), «маркер смены места» (локативный сдвиг), «маркер смены участников» (референциальный сдвиг), «маркеры смены точки зрения». Помимо них, Т. ван Дейк также справедливо назвал инициалями эпизода следующие явления: паузы и хезитации; использование вводных или меняющихся предикатов

(предположительно, с одним и тем же референтом); использование предикатов, не подходящих под макропредикат («общее отвлеченное содержание текста» [Юдкин-Рипун 2017, с. 58]), скрипт или фрейм [van Dijk 1982, p. 181]. Однако и здесь список потенциальных дискурсивных маркеров и маркеров эпизода не заканчивается: повелительные глаголы, междометия и другие единицы разговорной грамматики (эллипсис, смещенные элементы, краткие ответы, устойчивые обороты [Carter, McCarthy 2017, p. 7-9]) также могут привести к сдвигу фокуса внимания и повлиять на языковую структуру дискурса.

Более того, считается, что в диалогической речи структура разговора прослеживается не в самих связных фрагментах текста. Основное смысловое ударение появляется на границах реплик, т. е. в их начале или конце. Именно там активируются маркеры, способствующие тематической связности и координации взаимодействия собеседников [Linell 1998, p. 181-182]. В то же время привычные дискурсивные единицы (идейные единицы, реплики и прочие) разрастаются в большие текстовые отрывки, которые П. Линелл так и называет – «эпизодами» [Ibid., p. 187].

Термин «дискурсивный маркер» наиболее часто встречается в литературе, но существует и более широкое понятие «прагматический маркер», которое также включает единицы, обладающие иллокутивной силой или выполняющие функцию взаимодействия [Aijmer, Simon-Vandenbergen 2011, p. 227]. Прагматический потенциал дискурсивных маркеров также раскрывается в том, что они намеренно нарушают принцип последовательности. Э. Окс добавила этот принцип к существующей теории прагматики, а именно к кооперативному принципу и максимам Грайса [Levinson 2008, p. 101-102]. Согласно принципу последовательности, коммуниканты предполагают, что в дискурсе сохраняется целостность и логичность. Если говорящий хочет ввести новую тему в формирующийся дискурс, нужно нарушить принцип последовательности. Для

этого потребуется использование дискурсивного маркера [Ochs 1979]. Без дискурсивных маркеров тематический сдвиг почти невозможен: тогда он оформляется только с помощью нужной интонации или паузации.

Помимо сигнализации о тематическом сдвиге, дискурсивные маркеры также могут являться следствием трудностей в производстве дискурса [Bestgen 1998, p. 756]. Перед говорящим стоит ресурсозатратная задача изъять и построить нужное высказывание. Из-за этого может быть деактивирован референт, что приведет к его повторной номинации. Также самым простым объяснением появления дискурсивного маркера в качестве указателя затруднения может стать незнание говорящего того, как продолжить разговор.

Дискурсивные маркеры не только помогают структурировать продолжительную устную речь, но и уточняют автоматическую сегментацию текстов. В одном исследовании нейронные сети обучались делению устных текстов (подкастов и лекций) с автоматически создаваемыми субтитрами. На видеоплатформе YouTube функция субтитрации работает не безошибочно и не выдает полноценные предложения с пунктуационными знаками, но точно улавливает лексические единицы. Однако деление такого текста на абзацы до сих пор не представлялось возможным. Исследование показало, что машины лучше справляются с сегментацией текста, если они запрограммированы на анализ произношения и контекстных подсказок. Ученые пришли к выводу, что именно контекстные подсказки и просодические особенности лучше отражают структуру абзаца/эпизода по сравнению со средствами лексической связности [Lai et al. 2020]. Данный вывод не только полезен в разработке похожих программ автоматической обработки текста, но и может означать, что на уровне когнитивных процессов появление таких подсказок является более основательным поводом переключиться на формирование новой макропропозиции.

Новизна нашего диссертационного исследования связана не только с анализом дискурсивных маркеров как единиц, маркирующих эпизод и вызванных стратегическими соображениями спортивного комментатора. Мы также предполагаем, что данный список для дискурса спортивного комментирования можно дополнить «языковыми шаблонами» – термин уже упоминался выше как разработка Ч. Фергюсона [Ferguson 1983, p. 165]. Комментаторы часто рассказывают о повторяющихся событиях и используют для этого одни и те же шаблонные формы. Например, называют счет в матче, который и так указан на экране. В таком случае языковые шаблоны используются не для информирования аудитории. Шаблоны, в отличие от дискурсивных маркеров, обладают денотатом, но они уже известны зрителю/слушателю. Комментаторы прибегают к ним по разным причинам, но наше предположение таково: из-за невозможности связать новый эпизод с только что завершившимися за неимением значимого события (а соответственно, и значимой макропропрозиции), которое можно было бы прокомментировать, комментаторы как будто бы «возвращаются» на арену, где проходит соревнование, вводя важные параметры события: счет, окружающие факторы, протокольные факты, постоянно обновляющиеся статистические данные и т. д. Процесс определения и классификации языковых факторов будет разобран в параграфе 3.4.

Таким образом, на уровне локальной структуры дискурса уже приведены два типа единиц – дискурсивные маркеры и языковые шаблоны. К ним также добавляются единицы структуры языка: синтаксиса, лексики и морфологии. Например, при сравнении спонтанного и подготовленного дискурса оперируют следующими единицами: артикли и прочие дейктические единицы; конструкции самопоправки; повторы звуков, слов, синтаксических структур; определительные придаточные; глаголы определенной категории времени и залога; номинализации

и причастия; аппозитивные атрибутивные прилагательные; сочинительные и подчинительные структуры [Johnstone 2008, p. 213].

Если в исследуемом типе дискурса несколько говорящих, в модель анализа необходимо также включить диалогические единицы. Основным языковым знаком, фиксирующим обмен информацией между двумя или более участниками диалога, является реплика. Реплика подразумевает ответ на слова собеседника. Она формирует диалогический языковой знак, состоящий из единиц от одного звука до высказывания и интертекста [Диалогическая лингвистика 2019, с. 8].

Изучением очередности реплик в диалогическом дискурсе занимается уже упомянутый в параграфе 1.5 конверсационный анализ. В англоязычной традиции такая очередность фиксируется термином, эквивалентным русскоязычному «реплика», – «[коммуникативным] ходом» (*turn*). Под ним также подразумевается синтаксически связанная «структурная единица диалога», состоящая из лексических, клаузальных, фразовых или сентенциальных единиц [Wooffitt 2005, p. 26]. В исследовательской части исследования будет также фигурировать термин «смежная пара», означающий последовательность двух смежных реплик, произнесенных разными говорящими [Ibid., p. 32]. Самыми распространенными примерами смежных пар являются «вопрос-ответ», «приглашение-согласие», «комплимент-благодарность» и т. д.

2.3. Алгоритм исследования стратегий построения дискурса спортивного комментирования

Завершая разговор о методологии дискурсивного исследования, нужно окончательно определить, какие задачи и вопросы ставит перед собой дискурс-анализ в рамках лингвистики. Наиболее узким применением такого метода будет изучение текста в коммуникативно-деятельностном аспекте, где дискурс рассматривается как функциональный стиль [Стилистический энциклопедический

словарь 2011, с. 54]. Однако наиболее полный инструментарий дискурс-анализа представлен в следующем его определении: он «направлен на выявление эпистемических предпосылок и условий порождения высказывания/текстов, обусловивших определенные в данной коммуникативно-прагматической и социально-исторической ситуации формы, структуры, языковые единицы или иные текстовые характеристики» [Там же, с. 55].

Иными словами, дискурс-анализ задается следующими тремя вопросами:

1. Почему и при каких обстоятельствах имел место дискурсивный отрывок?
2. Каков был общий коммуникативно-прагматический контекст дискурсивного отрывка?
3. Какие языковые структуры и формы были использованы в дискурсивном отрывке? Совпадают ли они с общепринятыми структурами и формами, установившимися в дискурсивной практике? Почему?

Исходя из этого в данном исследовании дискурсивные стратегии спортивного комментирования входят в формально-организационную функцию речи комментаторов (т. е. «вербализацию композиционной организации комментария», по К. В. Сняткову [цит. по Коваль 2014, с. 77]) в коммуникативных условиях ведения прямого репортажа со спортивного соревнования индивидуально, в паре или группе с другими комментаторами. При этом структуризация речи комментатора не ограничивается точками начала и конца соревнования. Благодаря категории когерентности и средствам когезии, спортивное комментирование представляет собой гораздо более сложную структуру, которая выводится стратегически согласно коммуникативно-прагматическим целям комментатора и наиболее полно отражает его дискурсивную практику.

Ниже представлен разработанный алгоритм анализа стратегий дискурса спортивного комментирования. Он состоит из одного предварительного и девяти

основных этапов. Предварительный этап – подготовка и обработка расшифровок речи комментаторов. Основные этапы изложены ниже.

1. Членение расшифровок на главные и побочные дискурсивные фрагменты (см. параграф 3.1). Главные фрагменты содержат информацию, релевантную для текущей трансляции, и следуют основной дискурсивной цели говорящего. Побочными фрагментами названы отступления от основной темы, преследующие вторичные дискурсивные цели, появляющиеся в момент повествования.

2. Членение расшифровок на эпизоды (см. параграф 3.2). Промежуточно происходит уже на этапе подготовке расшифровок, но уточняется по завершении процесса. В документе эпизоды графически обозначаются абзацами; в примерах, приведенных в диссертации, – двойной косой чертой.

3. Идентификация, классификация и количественная обработка дискурсивных маркеров (см. параграф 3.3). Обнаруженные маркеры делятся по следующим основаниям: типу стратегии сдвига эпизода (локативного, референциального, темпорального), грамматическим характеристикам (вводная конструкция, междометие) и прагматическим характеристикам (призыв, возвращение к предыдущему эпизоду, нулевой маркер) единицы, используемой в качестве маркера.

4. Выявление языковых шаблонов – устойчивых, повторяющихся дискурсивных единиц, сопровождающих повторяющиеся события в повторяющихся коммуникативных условиях с целью избежать многословия. Их потенциал в качестве дискурсивных маркеров отражен в параграфе 3.4.

5. Выбор и анализ лексико-грамматических и синтаксических единиц, отражающих дискурсивные стратегии на локальном структурном уровне. (см. параграфы 3.5–3.6).

6. Сравнение количественных и качественных показателей дискурсивных стратегий на уровне реплик и эпизодов при переходе с индивидуального комментирования на парное/групповое (см. параграф 4.1).

7. Выявление конструкций расширения и продолжения реплик собеседника как средств реализации дискурсивных стратегий в рамках парного/группового комментирования (см. параграфы 4.2, 4.4).

8. Подсчет и описание речевых актов согласия/несогласия в речи комментаторов для понимания того, способствуют или препятствуют эти речевые акты построению связного дискурса спортивного комментирования (см. параграф 4.3).

9. Сопоставление дискурсивных стратегий индивидуального и парного/группового спортивного комментирования на русском и английском языках (см. параграфы 3.7, 4.5).

Исследовательский процесс, следующий вышеуказанному алгоритму, отражен в главах 3 и 4. Выявленные единицы и средства связности классифицированы в самостоятельные или смешанные категории. Представлена аргументация научных выводов с опорой на материал исследования.

В практических главах данной диссертации приведено множество примеров – отрывков из расшифровок дискурса спортивного комментирования. Всего было подготовлено 8 расшифрованных текстов. Для удобства отображения информации о материале каждой расшифровке был присужден соответствующий код. Обозначения кодов отображены в Приложении 1.

Выводы

В данной главе была сформирована методика выявления дискурсивных стратегий построения дискурса спортивного комментирования и, возможно, других типов устного спонтанного дискурса.

Спортивному комментатору недостаточно знать, *что* сказать – ему также нужно знать, *как* сказать и *в каком порядке* разместить информацию. Так и в исследовании дискурсивных стратегий необходимо изучать локальную и глобальную структуру дискурса.

Локальная структура состоит из элементов структуры языка (морфология, лексика, синтаксис), возникающих в спонтанном дискурсе. На локальном уровне структуры дискурса спортивного комментирования заявлены такие единицы, как дискурсивные маркеры, языковые шаблоны и прочие лексико-грамматические категории и синтаксические языковые структуры. При анализе диалогического дискурса будут рассмотрены реплики (коммуникативные ходы) и типичные последовательности реплик – смежные пары.

Глобальная структура состоит из непосредственно дискурсивных блоков. В этой диссертации такими блоками выступают дискурсивные фрагменты и эпизоды. Согласно интенциональной модели структуры дискурса, элементы глобальной структуры членятся согласно коммуникативным целям говорящего. Однако в спортивном комментировании меняются не только интенции, но и события и ситуации, к которым нужно адаптироваться комментатору. В связи с этим мы представляем двоякую категорию связности, способную связать как запланированные дискурсивные фрагменты, так и мгновенно активируемые эпизоды. Эта категория состоит из двух подкатегорий – когерентности и когезии.

Когерентность подчиняется логике реляционной семантики, т. е. каждая последующая дискурсивная единица (в данной работе – дискурсивный фрагмент) связана по смыслу с предыдущей. В прерывистой речи спортивных комментаторов идеальная смысловая связность невозможна, поэтому они прибегают к средствам когезии.

Когезия в свою очередь подчиняется логике реляционного синтаксиса, т. е. структурно связывает две дискурсивные единицы (в данной работе – эпизоды),

даже если они далеки друг от друга по содержанию. В главе обозначены проблемы нахождения границ эпизодов и возможное пересечение с границами дискурсивных фрагментов. Делить расшифровки на эпизоды можно с опорой на дискурсивные маркеры – прагматические единицы без денотата, способные установить и регулировать контакт с реципиентом сообщения, привлекать его внимание, структурировать речь; на паузы и хезитации; на смену макропропозиций – наборов пропозиций, объединенных одними и теми же участниками, временным отрезком, местоположением, событием или действием. Как правило, макропропозиция эксплицируется в форме тематического выражения в начале эпизода.

С учетом всего вышесказанного заявлена десятиэтапная модель исследования дискурсивных стратегий спортивного комментирования. Восемь анализируемых расшифровок с речью спортивных комментаторов представлены и обозначены для более удобных ссылок в практической части работы.

Глава 3. СВЯЗНОСТЬ И ЦЕЛОСТНОСТЬ ДИСКУРСА СПОРТИВНОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ

Данная глава начинает практическую часть исследования дискурсивных стратегий спортивных комментаторов. В ней выполняются этапы 1-5 и частично 9 модели исследования, заявленной в параграфе 2.3. Здесь отражены особенности комментаторской речи вне зависимости от количества комментаторов в студии, а именно структурно-смысловое распределение информации в самостоятельные дискурсивные единицы, шаблонизация повторяющихся фраз, локальные единицы, поддерживающие связность дискурса спортивного комментирования.

Цель данной главы – обозначить дискурсивные стратегии, которыми пользуются спортивные комментаторы с целью композиционной организации монологической речи и обеспечения ее связности на глобальном и локальном уровнях структуры дискурса.

3.1. Когерентность дискурса спортивного комментирования

На первом этапе исследования необходимо обозначить тематическое содержание дискурса спортивного комментирования. Во время эфира комментаторы успевают рассказать не только о событиях на поле или экране. В их речи неизбежно происходит описание ситуации для облегчения ее понимания зрителем. Сюда входят параметры события (время и место проведения, правила), информация об участниках соревнования, статистические выкладки, аналитические размышления и другие темы, имеющие и не имеющие отношения к текущим событиям.

Согласно Дж. Ризеру, отдельные высказывания спортивных комментаторов могут быть поделены по своим коммуникативным функциям на семь типов: описание действия, стратегия (комментатор «подсказывает» спортсмену или поясняет зрителю, почему то или иное событие произошло из стратегических

соображений участников), доклад (статистический факт), резюме, гипотеза, оценка, фоновая информация [Reaser 2003, p. 306]. В данной диссертации также учитывается прагматический вес каждого отдельного высказывания, но, в связи с выбором эпизода и дискурсивного фрагмента как глобальных единиц дискурса, классификация будет сокращена до двух основных типов: главный дискурсивный фрагмент («описание действия», по Дж. Ризеру) и побочный дискурсивный фрагмент (включающий остальные шесть коммуникативных функций, по Дж. Ризеру, с нашими дополнениями).

Термином «дискурсивный фрагмент» мы будем оперировать при описании категории когерентности дискурса спортивного комментирования, но не категории когезии. Понятие «дискурсивного фрагмента» позаимствовано из самой цитируемой работы о структуре дискурса, написанной Б. Грош и К. Сиднер. Согласно авторам, структура дискурса состоит из дискурсивных фрагментов, заполняющихся высказываниями, согласно коммуникативным интенциям и с учетом фокуса внимания как говорящего, так и слушающего [Grosz, Sidner 1986, p. 175]. Каждый дискурсивный фрагмент обладает своей дискурсивной целью.

В рамках нашего анализа такие фрагменты поделены на главные и побочные: главные фрагменты (назовем их «Ход соревнования») сообщают о событиях, происходящих в текущий момент спортивного соревнования; побочные фрагменты содержат фоновую информацию и служат отступлениями от темы, упомянутыми в параграфе 2.2 [Strodt-Lopez 1991]. Разберем деление на главные и побочные фрагменты на примере 1:

(1) **ФОР1** [ГЛАВНЫЙ ФРАГМЕНТ «ХОД СОРЕВНОВАНИЯ»] О, Джон Сёртис! Смотрите, Джон Сёртис поздравил Дженсона Баттона, напутствовал его на хорошую гонку. /[1] [ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ТЕМЫ] Баттон, который здесь, увы, никак не может порадовать своих болельщиков. Тринадцатый Гран-при Великобритании для него – это, как ни парадоксально, это самое большое число вообще среди всех английских пилотов за всю историю, а ведь

1 Одна косая черта означает начало нового дискурсивного фрагмента. На данном этапе исследования расшифровка графически не поделена на абзацы во избежание противоречий с другими аспектами структурного деления расшифровок, изложенными в параграфе 3.2.

сколько из них становились чемпионами мира, в том числе и Джон Сёртис как раз, сколько выигрывали и домашний Гран-при, но вот так много, так долго не выступал никто.

Отрывок начинается с главного дискурсивного фрагмента, где комментатор идентифицирует участников соревнования (референты: агенс *Джон Сёртис* и пациенс *Дженсон Баттон*) и догадывается о содержании их диалога, который зрители наблюдают на экране. Интересно, что комментатор избирает для этого не форму настоящего времени (*Джон Сёртис поздравляет… напутствует его*...), а прошедшее время (*поздравил… напутствовал*), хотя действие и происходит на экране в момент произнесения фрагмента.

Второй дискурсивный фрагмент переключается на уже упомянутого референта, который выполнял в предыдущем отрывке роль дополнения, а в новом – подлежащего, становясь тем самым протагонистом фрагмента. Однако этот дискурсивный фрагмент мы называем побочным, так как он не описывает текущие события, а рассказывает о прошлых неудачах Дженсона Баттона на родной трассе в Великобритании. Затем комментатор вводит историческую справку и относительно другого референта, Джона Сёртиса, и его успехах в чемпионатах гонок серии «Формулы-1» и в гонках прошлых лет на трассе «Сильверстоун».

Следуя классификации Дж. Ризера, в этот побочный фрагмент входят сразу несколько коммуникативных функций: представление статистического факта (количество Гран-при Великобритании, проведенных Дженсоном Баттоном; сравнение этого показателя с другими английскими пилотами), резюме (Дженсон Баттон ни разу не выигрывал Гран-при Великобритании), оценка (комментатор выражает сожаление по поводу изложенного факта с помощью междометия *увы*), фоновая информация (факт о чемпионстве пилота-ветерана Джона Сёртиса, о продолжительном участии Дженсона Баттона в чемпионатах «Формулы-1»).

Чтобы избежать такого дробления коммуникативных функций, нами предложен тип побочного дискурсивного фрагмента в дискурсе спортивного комментирования «Ретроспектива», в котором содержится информация о

событиях, предшествующих текущим и используемых комментатором для контекстуализации ситуации с точки зрения исторической важности того или иного события или факта. Следующие отрывки служат примерами побочных дискурсивных фрагментов «Ретроспектива»:

(2) **ФУР2** Сити настроен на борьбу, Тоттенхэм – также. / [РЕТРОСПЕКТИВА] Но в принципе если говорить про результат первого матча, то он, наверное, для Тоттенхэма оптимален. Вряд ли стоило ждать крупного-крупной победы, если новый стадион клуба, который только-только введен в эксплуатацию…

(3) **ВР1** Ну а что касается непогоды и-и разных неурядиц в рамках гонки, то это для меня тоже только к лучшему. / [РЕТРОСПЕКТИВА] И-и-э-э, надо напомнить себе, что в прошлом году он примерялся к лидерству и в результате стал призером тура Швейцарии, как раз когда погода была очень тяжелая, очень дождливая, очень холодная.

(4) **ВА2** He'll be enjoying himself as well – finished second in the stage, Stefan Küng. / [РЕТРОСПЕКТИВА] But plenty of riders who didn't enjoy themselves out on the wet roads yesterday, and Tony Martin was one of them.

Как видно из примеров 2-4, фрагмент «Ретроспектива» может затрагивать события как недавнего (прошедший матч, вчерашний день), так и далекого прошлого (прошлый год) или даже десятилетиями раньше, если комментатор хочет сравнить текущую историческую эпоху спорта с предшествующей, как в следующем контексте:

(5) **ФОР1** К сожалению, достаточно лаконично и, к сожалению, всеобъемлюще. Запасных автомобилей сейчас нет в Формуле-1, на которые можно было бы пересесть. / [РЕТРОСПЕКТИВА] Мы помним такие случаи, мы помним, когда ломались машины, и даже у Михаэля Шумахера на домашнем Нюрбурге, как его подвозили на скутере…

Интересно, что для введения фрагмента «Ретроспектива» русскоязычные комментаторы (контексты 2, 3, 5) часто прибегат к глаголам речи или интеллектуальной деятельности (*если говорить*, *надо напомнить себе*, *мы помним*). Англоязычный пример (4), содержащий информацию о гонке, прошедшей днем ранее, обходится без таких глаголов. Вместо этого актуализируется грамматическая основа, где агенсами являются сами гонщики (*plenty of riders who didn't enjoy themselves*), а не субъекты, вспоминающие события (комментаторы и зрители). Однако в речи одного из англоязычных комментаторов

один из фрагментов «Ретроспектива» также сопровождается глаголом *remember* в форме 1 лица:

(6) **ВА2** RH: In this familiar position of the back there, there's the brand new British champion Steve Cummings! And a colleague of ours at Eurosport after his work with… / [РЕТРОСПЕКТИВА] JAF: He is... What he's done, like, getting those both titles is just brilliant. I mean, he got back from the injury, a very bad injury, and *we remember* him being in the turbo trainers early at the Giro, *I remember* that our director…

В качестве второго типа побочных дискурсивных фрагментов спортивного комментирования были выделены микротексты группы «Участник». Они содержат характеристику участников соревнования (спортсменов, команд, тренеров, судей), не являющуюся принципиально значимой для описания текущих событий. Как правило, в эту группу входят: биографические факты, статистические данные, состояние здоровья, антропометрические данные, человеческие качества, параметрические показатели (например, текущая скорость и величину мощности, генерируемой гонщиком).

(7) **ВР1** Каммингс, абсолютный чемпион Великобритании, сегодня уж очень часто маячит позади. / [УЧАСТНИК] Чего особенного вчера, не желая рисковать тем, чтобы упасть и обострить свою травму, поскольку он отремонтированный, но, что называется, не до конца…

(8) **ФУР2** Сильно изменилась игра группы атаки Тоттенхэма после его выхода, но расстановка та же: четыре-два-три-один. / [УЧАСТНИК] Но функционал у Фернандо Льоренте, конечно, совсем иной, нежели у Сон Хён Мина. Быстрый, мобильный Сон Хён Мин, великолепный для прессинга.

(9) **ФОР1** И я думаю, что Льюис сейчас если не остановится следом за своим соперником, должен оказаться впереди. / [УЧАСТНИК] Льюис подарил Алонсо свой новый шлем для коллекции, кстати, сегодня.

(10) **ВА2** JAF: Bernie, Bernie Eisel, playing with balloons. (смеется) RH: John Albietz mates I think as well, making sure we don't have any more crashes after yesterday. / [УЧАСТНИК] JAF: (смеется) Oh God. He is someone who looks after everyone, everyone loves Bernie Eisel. RH: Former teammate of yours as well. JAF: Yeah-yeah-yeah. RH: What is he like as a character in the peloton? Is he really universally liked as we all like to think he is?

В контексте 7 велогонщик Стива Каммингса показан на экране, что определяет главный дискурсивный фрагмент «Ход соревнования», повествующий о текущей позиции спортсмена. Так как эта характеристика не получает дальнейшего развития в соревновании, комментатор начинает побочный дискурсивный фрагмент «Участник», чтобы рассказать о состоянии Стива Каммингса. Тем самым комментатор сохраняет связность дискурса, а не переходит

к другому утверждению, которое переместило бы фокус внимания на другой параметр события.

В контексте 8 комментаторы предполагают, как изменится игра команды «Тоттенхэм» после замены игрока. Далее логично следует фрагмент «Участник», описывающий сильные стороны отдельных игроков.

Примеры 9 и 10 содержат информацию о спортсменах, связанную с событиями, предшествующими текущему соревнованию. Фрагменты «Ретроспектива» и «Участник» зачастую пересекаются по своей идее, но отличаются коммуникативной интенцией комментатора. В первом случае на передней план выходит сравнение событий прошлого и настоящего; во втором – соотнесение свершенного действия с характером спортсменов. Например, в контексте 9 важен не сам факт, что Льюис подарил Алонсо шлем, а то, что это широкий жест проявления уважения к сопернику. А в контексте 10 оказывается, что комментатор Хуан Антонио Флеча сам являлся партнером по команде Бернхарда Айзеля. Несмотря на то, что в своей характеристике он опирается на прошлые события своей карьеры, его интенция – рассказать о том, каким человеком является Айзель, что относит фрагмент к группе «Участник».

В комментировании некоторых видов спорта фрагмент «Участник» может касаться и неодушевленного объекта. Пример 11 поясняет окраску отдельного болида:

(11) **ФОР1** Теперь глазами Марка Уэббера с первого ряда. / [УЧАСТНИК] Обратите внимание на несколько другую окраску – базово она повторяет, но вся машина состоит из десятков тысяч маленьких фотографий, каждый, кто хотел, мог прислать в рамках вот этого большого проекта благотворительности команды Ред Булл. Здесь есть и сам Марк Уэббер…

В побочных дискурсивных фрагментах «Аналитика» комментаторы дают подробную оценку действиям участников соревнования, объясняют зрителям возможные сценарии развития событий или делают прогнозы относительно того, каким будет результат соревнования.

(12) **ФОР1** Пастор Мальдонадо, кстати, не сошел, мы видели видимые повреждения, но он смог добраться до боксов, и его обслужили механики, и, видимо, было повреждено, поврежден только сам диск, но не суппорт, не тормозные диски, и в общем благополучно одели просто свежую резину, и он продолжил борьбу. / [АНАЛИТИКА] Может быть, конечно, опять получит штраф после гонки, потому что именно после гонки будет расследовано то, что произошло между ним и Серхио Пересом, но вот Пастор Мальдонадо…

(13) **ФУР2** ТЖ: Пока на поле, / [АНАЛИТИКА] но до перерыва, наверное, дотянуть решили? ММ: Можно… Просто ты говоришь про замену центрального полузащитника на центрального полузащитника, но я думаю, что здесь, скорее, если снимать будет Сиссоко с игры Маурисио Почеттино, возможен вариант на переход в три центральных защитника.

(14) **ВР1** …и он выступил, но, естественно, не показав все сто процентов своих возможностей, хотя объективно трасса была не под него. / [АНАЛИТИКА] При том, что трасса сегодняшнего этапа, ведь в Льеже можно было устроить развязку совсем иную, и-и дать шансы мастерам-классикам, и отобрать эти шансы у спринтеров практически со стопроцентной вероятностью. Там достаточно рельефа, но весь этот рельеф практически полностью обойден за исключением горушки четвертой категории…

(15) **ВА2** Gallopin, again, has a big swollen ankle, but he’s got out there, he’s started on this bike. / [АНАЛИТИКА] We’ll have to watch, keep an eye on all those riders who crashed yesterday because, Juan, sometimes the extent of those injuries, as we’ve shown the Giro, doesn’t come clear until a couple of days down the line.

Контекст 12 начинается с главного фрагмента «Ход соревнования», где говорится о повреждениях болида одного из пилотов. Далее включается побочный фрагмент «Аналитика», в котором комментатор рассказывает о возможных последствиях аварии, связанных с правилами соревнования, так как Пастор Мальдонадо мог спровоцировать инцидент.

Пример 13 интересен тем, что фрагмент «Аналитика» начинается в середине высказывания. Сначала комментатор подмечает, что один из игроков остался на поле, хотя его хотели заменить. Конструкция с противительным союзом *но* содержит предположение о причине события и вопрос, на который попытался ответить его коллега. Этот отрывок является ярким примером фрагмента «Аналитика», так как комментатор рассуждает о возможных тактических изменениях на поле.

Побочный дискурсивный фрагмент «Аналитика» в контексте 14 следует за фрагментом «Ретроспектива». Комментатор рассказывает о результатах спринтера Марка Кэвендиша на недавних соревнованиях и делает аналитический вывод о

том, что шансов для победы у этого спринтера не так много. Та же логика свойственна примеру 15, в котором фрагмент «Ретроспектива» затрагивает факт травмы Тони Галлопана, вследствие чего делается вывод о возможных последствиях травм не только для него, но и для других гонщиков, пострадавших днем ранее.

Следующий тип побочного дискурсивного фрагмента – «Место проведения» – популярен в комментировании спортивных соревнований, проходящих на открытом воздухе. Комментатор считает необходимым поместить аудиторию в пространство, которое ей недоступно, создать видимость того, что зрители являются полноценными очевидцами события. Фрагмент «Место проведения» включает в себя информацию о погодных условиях, достопримечательностях, мимо которых проезжают гонщики и которые показываются на экране.

(16) **ФОР1** Тем временем, Грожан отбирает лучший круг – тридцать шесть и четыре у Романа на свежей резине, мгновенно она прогревается. / [МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ] Так что необычно теплые, жаркие условия сейчас для Сильверстоуна. Двадцать один градус – воздух, ну, воздух-то бывал и побольше, но дорожное полотно – тридцать.

(17) **ФУР2** ММ: Можно продолжать игру. ТЖ: Это они и делают, они не теряют секунд на остановку. Восемьдесят восьмая уже подходит к концу. / [МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ] Там весь стадион по-моему, даже те секторы Этихада, которые обычно сидячие. ММ: Сейчас, мне кажется, бригада скорой помощи должна активизироваться. Надеюсь, что у всех со здоровьем все нормально будет по итогам этой встречи.

В контексте 16 комментатор вводит новую информацию, согласно которой был поставлен лучший круг гонки[1]. Он подмечает, что на болид Романа Грожана надели новую резину. Подразумевается, что для того, чтобы машина ехала быстро, резина должна разогреться. Однако лучший круг был показан почти сразу. Этот вывод становится поводом для того, чтобы рассказать об аномально теплой погоде в Великобритании, тем самым задействуя фрагмент «Место проведения».

1 «Поставить лучший круг» (здесь и далее) – закрепившийся в комментировании автогонок фразеологизм, означающий ‘проехать круг дистанции быстрее, чем кто бы то ни было за всю гонку до текущего момента’.

Пример 17 представляет собой отрывок речи, произнесенной при высокой степени напряженности футбольного матча. Один из комментаторов указывает на быстрый темп игроков команды, перед которой стоит задача забить гол. Для интенсификации ситуации говорящий сообщает о времени на табло, намекая, что до конца матча осталось не так много времени: *восемьдесят восьмая* означает, что до конца матча осталось две минуты плюс компенсированное судьей время. Затем комментатор переключает внимание на окружение, а именно на болельщиков, остро переживающих происходящее. Активируется фрагмент «Место проведения», который как бы приравнивает непосредственно аудиторию матча (зрителей на стадионе) к ее телезрителям. Интерпретировать это можно следующим образом: либо телезрителям нужно тоже переживать, либо их уверяют, что переживают не они одни. Второй комментатор позволяет себе шуточную фразу о здоровье зрителей. Однако фрагмент «Место проведения» не так часто используется в трансляциях видов спорта, проходящих в помещении, и даже в трансляции футбольного матча ФУР1 таких контекстов было всего два.

(18) **BP1** Потом каждый раз у-у многократного чемпиона Норвегии стоит этот вопрос актуально, тот он или не тот, или все уже, лучшие годы позади, когда он подрезал и спринтеров во главе со своим же собственным соотечественником Хушовдом и из отрывов выигрывал. / [МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ] Ну а вот как раз и напоминание о том, что такое Неандерталь, кто такие неандертальцы. Мы обещали вам визит, э-э, долина Неандер сегодня является одним из, э-э, туристических центров, наверное, получается, этапа, и-и-и вообще тема эта чрезвычайно интересная…

(19) **BA2** JAF: But Tour de France in particular, that's what the difference is with other races, as you, Rob, just mentioned, the Giro, is that for some reason it's a lot more demanding, it's a lot more pressure on everyone and it takes a lot longer to recover from those injuries. / [МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ] RH: Past the Neanderthal Museum there. Represents the development of Neanderthal man and the study into humanity. JAF: It didn't look very-very nice, though. (смеется)

Русскоязычный и англоязычный контексты 18 и 19 возникают в один и тот же момент велоспортивной трансляции. Особенностью вещания многодневных гонок вроде «Тур де Франс» является периодическое переключение изображения с гонщиков на здания и пейзажи мест, в которых проходит соревнование. Для комментатора такой переход зачастую служит сигналом о том, что нужно

задействовать побочный фрагмент «Место проведения». В данном примере камера переключается на Неандертальский музей в Дюссельдорфе – городе, в котором проходит второй этап гонки.

Интересно, что англоязычные комментаторы обходятся лишь номинацией места, его кратким описанием и скептической оценочной ремаркой. В свою очередь Сергей Курдюков продлевает этот фрагмент «Место проведения» до 293 слов; продолжительность его монолога – 2 минуты 40 секунд. За это время комментатор рассказывает об особенностях неандертальцев как представителях человеческого вида, о научных гипотезах вокруг них, о долине и основателе музея. Его монолог прерывается сигналом со стороны французских продюсеров трансляции о том, что готовится сюжет о травмах гонщиков. Судя по всему, фрагмент «Место проведения» мог продолжаться и дальше, но к нему комментатор так и не вернулся. Это наблюдение говорит о высокой степени подготовленности Сергея Курдюкова: в своих трансляциях он часто говорит о географических зонах, достопримечательностях и исторических фактах, лишь косвенно имеющих отношение к ходу соревнования.

Побочный дискурсивный фрагмент «Общение» возникает, когда комментатор эксплицитно обращается к другим наблюдающим за соревнованием. Иногда фрагмент ограничивается одной ремаркой в сторону адресата, иногда – полноценным диалогическим текстом, адресатом которого является «молчаливый собеседник» в лице телезрителей, которые не могут ответить на высказывания комментатора. Если в парном/групповом комментировании у репортера есть возможность обратиться к коллегам, то в индивидуальном комментировании диалогизация речи выступает в качестве интересного феномена. В примерах 20-23 комментаторы прерывают разговор о происходящих событиях, чтобы направить речь на определенного адресата:

(20) **ФОР1** …и вот вроде бы пришла она в сознание, вроде бы разговаривает, так что в общем будем надеяться, что теперь все пойдет по пути улучшения. / [ОБЩЕНИЕ] Еще на один вопрос не могу не ответить,

потому что, видимо, многие пропустили вот всю эту эпопею, которую подробно как бы старались описывать там посредством интернета. Вчера упоминали, но многие, может быть, только сегодня как-то включились, и вот в Твиттере очень много получил вопросов, почему нет передачи второй день, потому что она стоит в эфире. Ну, друзья мои, просто передачи нет по той простой причине, что вся наша творческая бригада вовремя не получила визы.

(21) **ФУР2** ММ: И назад играет Компани. Эмерик Лапорт – уже, я думаю, страшно болельщикам Манчестер Сити. / [ОБЩЕНИЕ] ТЖ: Представляешь, кто-то припозднился и включил сейчас телевизор. Что они подумали? ММ: Да, / [ХОД СОРЕВНОВАНИЯ] а что они подумают сейчас – это Сон, он рвется к мячу… Здорово. Браво-браво, Эдерсон. Вышел из ворот очень вовремя.

(22) **ВР1** …это все сразу сходу отметается, и никогда не допустимо в велосипедных гонках (вдох), и поэтому вроде бы как с точки зрения юридической, что называется, все нормально. (пауза) / [ОБЩЕНИЕ] И еще раз я напомню вам о том, что-о-о (пауза) в первый раз мы за все времена имеем шанс показывать вам все этапы от начала и до конца…

(23) **ВА2** RH: And it's not just about sport, it's about a cultural exchange if you've seen with the anthems, the flags, the people on the road. And you can bet your life that a lot of the people out on the road here will not know Taylor Phinney from Adam, they will not be cycling fast, but it's a great event, gets people into the sport, / [ОБЩЕНИЕ] and Jonathan Harris-Bass, it's also about discovering the cuisine, isn't it, of each and every country we go to. Today we go to Belgium. What do you have in store for us, Jon? Have you been cooking?

В контексте 20 обращение несколько отложено, так как Алексей Попов извиняется, оправдывается перед телезрителями за отсутствие ожидаемой передачи. Эксплицитное обращение *друзья мои* появляется в третьем по счету высказывании фрагмента «Общение». Несмотря на то, что он говорит о себе, комментатор ни разу не использует соответствующее местоимение *я*: *не могу не ответить, очень много получил вопросов*. Остальных референтов он также вводит обобщающим квантификатором *многие* (*многие пропустили, многие… только сегодня включились*) и определенно-личными формами (*подробно как бы старались описывать, вчера упоминали*).

Контекст 22 также содержит обращение к зрителям с помощью личных местоимений: во фразе *я напомню вам* референт *я* отсылает к комментатору, *вам* – к зрителям; во фразе *мы… имеем шанс показывать* референт *мы* – к телеканалу. Сергей Курдюков в данном фрагменте доволен тем, что зритель получит полноценный телевизионный продукт, а именно освещение всех гонок от начала

до конца. Комментатор полагает, что для такого повода необходимо обратиться к зрителям эксплицитно, не ограничиваясь только констатацией факта.

Контексты 21 и 23 являются примерами фрагмента «Общение» в парном/групповом спортивном комментировании. Фрагмент из контекста 21 состоит всего из двух высказываний одного комментатора и краткого акта согласия другого. Обращение производится без называния имени – с помощью глагольной формы второго лица единственного лица *представляешь*.

Контекст 23 в свою очередь очень продолжительный – 552 слова, 2 минуты 35 секунд – и не полностью представлен в работе. Роб Хэтч напрямую обращается к коллеге, который долгое время отсутствовал в эфире, называя его полное имя *Jonathan Harris-Bass* в начале и конце фрагмента, таким образом представляя его зрителям. Джонатан в течение всего этого фрагмента «Общение» делится рецептом блюда, которое недавно приготовил. Этот контекст частично похож на пример 18, где комментатор вел долгий монолог об истории неандертальцев в рамках фрагмента «Место проведения». Кулинарный отрывок англоязычного комментатора идейно привязан к фрагменту «Место проведения», т. е. к культурным особенностям места, в котором проводится соревнование. Однако к самой велоспортивной трансляции фрагмент отношения не имеет, поэтому был отнесен в группу «Общение».

Последним типом побочных дискурсивных фрагментов спортивного комментирования является тип «Техника». В него входят текстовые отрывки, в которых комментатор рассказывает об экипировке, о правилах, об особенностях трассы, поля или любой другой поверхности, на которой проходит соревнование.

(24) **ФОР1** Во-первых, только одна машина осталась, сразу же сгорел мотор, к сожалению, на машине Виталия Петрова еще по ходу установочного круга, по пути на стартовую решетку, / [ТЕХНИКА] и вот эти все обновления, которые начал Джон Айли привозить в Валенсию, но в основном они были именно здесь, в Сильверстоуне, погода помешала их как следует протестировать, так что вот здесь, в гонке в некотором роде экспериментальная она сейчас для Кэйтерема…

(25) **ФУР2** ММ: И высокий прессинг в исполнении Тоттенхэма. А мяч не покинул пределы штрафной площади. Нужно повторить еще разок. / [ТЕХНИКА] ТЖ: Это правило отменят с лета этого года, но пока она действует.

(26) **ВР1** Ну вот Деганд Дегандом, а де Гендт, то он де Гендт, который вчера был по большому счету разочарован, конечно, тем результатом, который он показал. / [ТЕХНИКА] Вот как-то Спеши в этом году красного цвета не очень популярны. Когда они впервые появились такие ярко-красные, алые, даже можно сказать, Нибали их надел сразу (пауза), а-а, перед прошлым сезоном, то есть это были туфли шестнадцатого года…

(27) **ВА2** JAF: I think he's, might-might a look a bit chunkier, well, not, I mean, slightly, a little – the thing is on an athlete it's so lean, an extra kilo if that's, you can appreciate that. / [ТЕХНИКА] RH: And what we have seen every-every extra undergram for the skin suits they are wearing now, though. JAF: Exactly. (смеется) They are just, like, too tight for everyone, and but look at those skinny arms of Yoann Offredo, how contrastive will be with the speed that we are seeing.

В контексте 24 комментатор рассказывает о том, как гоночные команды работают над улучшением болидов за пределами гонок. Пример 25 переключается на краткий комментарий об изменении футбольных правил. В контексте 27 комментаторы говорят о весе и мышечной массе спортсменов, об особенностях их спортивного костюма.

Контекст 26 выделяется из всех приведенных здесь, так как он вызван дискурсивным выбором комментатора. Сергей Курдюков говорит о гонщике и замечает его туфли, определяет их фирму и начинает рассказывать не о самом велосипедисте, а об обмундировании и трендах современной велоспортивной одежды. Этим и интересны побочные дискурсивные фрагменты спортивного комментирования: отступления от темы не являются прихотью комментаторов – они становятся эффективной дискурсивной стратегией, которая позволяет раскрыть полный контекст соревнования. Задача комментатора состоит не только в том, чтобы передать всю информацию, происходящую на экране, так как телезрители могут увидеть события сами. Комментатор насыщает свою речь фрагментами о дополнительных параметрах спортивного соревнования, недоступных зрителям, не владеющим всеми тонкостями спортивных соревнований или достаточной информацией для верной интерпретации происходящих событий.

В таблице 2 представлено статистическое соотношение побочных дискурсивных фрагментов в комментировании различных видов спорта на русском и английском языках. В нижней графе также обозначено количество главных дискурсивных фрагментов типа «Ход соревнования», для того чтобы сравнить, какую часть речи комментаторов составляют отступления от темы.

Таблица 2. Главные и побочные дискурсивные фрагменты в спортивном комментировании

Тип фрагмента	ФОР1		ФУР2		ВР1		ВА2		среднее
«Ретроспектива»	35	39 %	24	24 %	28	20 %	30	25 %	≈29
«Аналитика»	8	9 %	45	44 %	17	12 %	32	26 %	≈25
«Участник»	13	14 %	22	22 %	44	31 %	18	15 %	≈24
«Место проведения»	14	16 %	2	2 %	21	15 %	17	14 %	≈13
«Общение»	9	10 %	5	5 %	19	13 %	14	12 %	≈12
«Техника»	11	12 %	4	4 %	12	9 %	10	8 %	≈9
итого побочных фрагментов	**90**		**102**		**141**		**121**		
главный фрагмент «Ход соревнования»	*67*		*76*		*77*		*106*		

Во всех проанализированных расшифровках общее количество побочных дискурсивных фрагментов превысило количество главных фрагментов «Ход соревнования». Это значит, что в дискурсе современного спортивного комментирования вставочные сообщения, дополняющие репортаж контекстуальной информацией, непременно сопровождают рутинное перечисление событий соревнования.

В речи комментаторов разных видов спорта в среднем чаще встречаются побочные дискурсивные фрагменты «Ретроспектива». Комментаторы постоянно сравнивают текущие события с результатами прошедших соревнований, предыдущие выступления спортсменов – с их текущим положением. Это позволяет рассматривать спортивную историю как логически выстроенную и статистически оправданную или, напротив, неожиданную, нарушающую обычные

тенденции. Особенно часто фрагменты «Ретроспектива» встречаются в гоночных трансляциях. Это интересное наблюдение, так как Алексей Попов реже строит прогнозы о сценариях гонки самостоятельно (фрагмент «Аналитика»); вместо этого он полагается на исторические выкладки.

Реже всего используется побочный фрагмент «Техника», даже в комментировании видов спорта, в которых используется специальная экипировка, имеющая сложные технические названия. Это можно объяснить тем, что техническая информация излишне специфична и, как правило, не нужна обычному зрителю. Даже когда Сергей Курдюков говорит об экипировке гонщиков, он упоминает только то, что может быть полезно тем зрителям, которые хотят сами сесть на велосипед.

Побочные дискурсивные фрагменты «Аналитика» доминируют в комментировании двух совершенно разных видов спорта – футбола и велоспорта. Комментаторы в обоих случаях делают большой акцент на возможном результате соревнования, апеллируют к экспертным мнениям.

В комментировании велогонок много рассказывается о самих спортсменах – задействованы фрагменты типа «Участник». Также, по сравнению с другими видами спорта, велогоночные комментаторы чаще активируют фрагмент «Общение». Скорее всего это вызвано большим количеством «пустого» времени в ходе соревнования, когда невозможно начать ни одну другую побочную тему, а в самом соревновании не происходит значимых событий.

Футбольные комментаторы задействуют всего три типа побочных фрагментов из шести: «Аналитика», «Ретроспектива» и «Участник». Это может быть связано с тем, что футбол является игровым видом спорта, где очень важно не упустить опасный момент. Более гармоничную и разнообразную тематику проявляют комментаторы велогонок: стандартное отклонение по вхождениям

типов побочных фрагментов в расшифровках ВР1 и ВА2 суммарно составляет ≈ 9,85. Для сравнения: σ (ФОР1) ≈ 10,06; σ (ФУР2) ≈ 16,71.

3.2. Когезия эпизодов спортивного комментирования

В параграфе 2.2 эпизод был назван основополагающей дискурсивной единицей, обеспечивающей связность спортивного комментирования. Начало эпизода зачастую обозначается с помощью пауз и хезитаций или дискурсивных маркеров, подсказывающих слушающему, что сейчас будет произнесено тематическое выражение, донесена значимая информация, что начинается новая макропропозиция.

Эпизод позволяет комментатору избежать двух ошибок: (а) создавать последовательный набор высказываний без выстроенных взаимоотношений, воспринимающихся как один большой текст, сотканный из номинаций множества событий; иными словами, говорить только о том, что видит говорящий; (б) произносить краткие высказывания без дальнейшего контекстуального развития, таким образом фрагментируя речь и делая много пауз. Комментатор так или иначе делит свою речь на значимые отрывки, не переполняя тем самым рабочую память аудитории и успевая рассказать о важных событиях в связном нарративе.

Наглядная структура эпизодов в спортивном комментировании прослеживается в следующем примере:

(28) **ФОР1** Ну вот, Дженсона, к сожалению, нельзя сказать, что эта серия преисполнена, преисполнена хороших чувств, потому как каждый раз что бы ни случалось, но каждый раз на подиум приехать он не мог. В том году уже близок был… //[1] Вот Мишель Йео – это супруга Жана Тодта. И его бывший многолетний подопечный, Михаэль Шумахер. Вместе пять титулов чемпиона мира. Сейчас президент ФИА подошел напутствовать своего пилота. // Михаэль, кстати, – один из немногих, кто всерьез хотел сегодня дождя. Это не значит, что Мерседес совсем уж не работает посуху.

Отрывок 28 содержит части трех разных эпизодов. В первом эпизоде комментатор говорит о неудачах Дженсона Баттона, но останавливается, не

1 Двойная косая черта означает начало нового эпизода.

завершая тематическое развитие мысли. Телезрители так и не узнают, что произошло в прошлом году с этим гонщиком. Отсутствие завершения эпизода связано со сменой фокуса самой телетрансляции: на экране появляется сцена с важными лицами, которую комментатор считает значимой для упоминания в речи. Алексей Попов идентифицирует трех людей, которых видят и зрители: Мишель Йео, Жана Тодта и Михаэля Шумахера. Третий эпизод уже фокусируется на одном из них – Шумахере – и рассказывается о другом факторе, связанным с гонкой, а именно с погодными условиями.

Интересно, что в обоих переходах с одного эпизода на другой был использован так называемый референциальный сдвиг[1], т. е. смена действующего лица, подсказывающая слушающему о начале новой дискурсивной единицы, связанной с предыдущей только лишь ассоциацией комментатора. Это один из десяти типов дискурсивных маркеров и маркеров эпизода, найденных нами в дискурсе спортивного комментирования.

В контексте 28 третий эпизод становится результатом коммуникативной интенции самого говорящего, который продолжает свою речь релевантной мыслью, связанной с предыдущим эпизодом. Однако причиной первого перехода к новому эпизоду становится смена изображения. Это значит, что техническое обеспечение трансляции влияет на речь комментатора. То, что находится в фокусе оператора, должно быть освещено комментатором. Рассмотрим другие примеры, когда смена картинки приводит к смене эпизода:

(29) **ФОР1** …поэтому каждый раз, когда те же производители резин, причем им очень сложно делать такую, такие колеса, в некотором роде старомодные… // Так, все, значит дождя уже не ожидается сейчас. По крайней мере, в ближайшие тридцать минут,

(30) **ФУР2** ММ: Передача в штрафную. Стерлинг не догоняет мяч. Льорис демонстративно пропускает его за пределы поля. И уже сам Рахим Стерлинг готов сыграть как болл-бой и подать мяч партнерам. // Так, Бен Дэвис. ТЖ: Бен Дэвис, фланговый полузащитник. ММ: Защитник.

1 На самом деле дискурсивные маркеры, соединяющие три эпизода из контекста 28, являются маркерами смешанного типа. О них речь пойдет позже, в параграфе 3.3.

(31) **BP1** Очень красивый, очень зеленый парк располагается там. Ну а (пауза) главная-я-я башня называются Юдетурн, есть и другие. // Бернхард Айзель в данном случае, вы видите, это не то что он подурачился с шариками, это он поймал эти шары, чтобы их не затянуло под чьи-то велосипеды.

(32) **BA2** JAF: David as well getting that, and great champ... I just say, he's on another channel, but not because of that we don't have to mention it. // RH: Château de Zons, as we are still in Germany on the Tour de France. We cross the Belgium today, we cross the Belgium after... what is it the book?

В контексте 29 комментатор говорит об особенностях низкопрофильной резины, пока на экране не появляется монитор на капитанском мостике одной из команд. На нем изображен метеорадар с англоязычной надписью, гласившей, что дождя во время гонки не ожидается. Смена плана становится операторским сигналом в адрес аудитории и комментатора как части аудитории о том, что информация о погоде имеет отношение к текущим событиям. Таким образом, в новом эпизоде комментатор переводит надпись на русский язык и говорит о том, как отсутствие осадков может повлиять на течение гонки. Стоит заметить, что прерванный эпизод не был завершен и так не был восстановлен далее.

Контекст 30 начинается с обычного перечисления действий футболистов, пока общий план поля не сменяется на бровку, где стоит Бен Дэвис, готовящийся выйти на замену. Как только происходит смена картинки, комментаторы идентифицируют и называют имя игрока и обсуждают его амплуа.

В примере 31 комментатор продолжительно рассказывает о культурном центре, на месте которого прежде стояла крепость. Общий план крепости сменился уже давно, а повествование продолжается в связи с недостатком событий на трассе. Комментатор прерывает свой нарратив, увидев забавную сцену: один из гонщиков берет в руки воздушные шарики, которые стоят на пути основной группы. Сергей Курдюков сначала идентифицирует участника соревнования, называет имя и фамилию и объясняет происходящее. Неизвестно, как долго продолжался бы предыдущий эпизод без забавного видеоряда, описываемого комментатором.

Иногда к смене эпизода комментаторов подталкивает не только смена изображения, но и привязанный к ней титр. Например, в контексте 32 комментаторы обсуждают достижения своего коллеги, пока на экране не появляется план с вертолета, показывающий крепость Цонс. Редакторы трансляции указывают название достопримечательности в нижнем углу, которое мгновенно используется в речи Роба Хэтча.

Помимо титра, к визуальным факторам смены эпизода можно отнести статистическую и техническую информацию, проецируемую на экран для аудитории. Например, в контексте 33 смене эпизода предшествует небольшая графика о том, на какой резине ездили пилоты в течение гонки, а в примере 34 на табло появляется информация о количестве ударов, сделанных обеими командами:

(33) **ФОР1** Тридцать пять триста сорок девять у Кими было; триста – тридцать пять триста двадцать восемь – вообще лучший круг. // Напоминание, у кого какой тип резины сейчас. Ну, собственно здесь без сюрпризов: есть кто оставил мягкий напоследок, у тех он сейчас и стоит.

(34) **ФУР2** ММ: Отбивает десять Лукас Моура своему главному тренеру. Это болельщик Сити, вижу по глазам. И не потому что они голубые. (пауза) Уокер. // ТЖ: Восемнадцать-девять по ударам. ММ: Фантастика.

Естественно, смену эпизода также вызывают сами события соревнования, которые происходят вне зависимости от того, что говорит комментатор. Как только происходит важный момент матча или гонки, комментатору приходится завершать текущий эпизод и начинать новый, так как в противном случае будет упущена важная часть трансляции. Ниже приведены примеры, в которых момент прерывает текущую коммуникативную интенцию комментатора:

(35) **ФОР1** Льюис подарил Алонсо свой новый шлем для коллекции, кстати, сегодня. // О-ох, а здесь Дженсон. Дженсон продолжает сражение в пелетоне, атакует он Себастьяна Феттеля. Очень плотная борьба.

(36) **ФУР2** ММ: Да, был только что первый. Сразу и второй. Дуплетом выстреливает Тоттенхэм. (пауза) // Вот он моме-е-е-ент! От чего? От какой части тела Льоренте мяч попал в ворота? Сейчас будут смотреть, поэтому нужно не спешить праздновать болельщикам Тоттенхэма. Да хотя почему не праздновать?

(37) **ВР1** Э-э, педальные различные измерители мощности – они очень неплохо меряют в экстремальных погодных условиях!.. // Завал какой огромный! В голове группы прямо причем!

(38) **ВА2** Still a long way out, as we’re looking further back down, erm, Sean, errr, still a long way out. Who is you pick for today? // Ooooh! That’s disaster. Now, road furniture takes prisoners and especially in the wet…

В контекстах 35, 37 и 38 комментаторы говорят на отвлеченные темы. Иными словами, задействованы побочные дискурсивные фрагменты: «Участник» (35), «Общение» (37), «Аналитика» (38). Во всех примерах настает важный момент, включенный в главный дискурсивный фрагмент «Ход соревнования»: обгон, гол, большая авария. Контекст 36 отличается тем, что происходит переход эпизода, но не фрагмента. Комментатор сначала отмечает, что Тоттенхэм пробьет угловой, затем делает паузу, пока происходит исполнение стандартного положения, а новый эпизод начинается уже после забитого гола.

Начало нового эпизода может быть вызвано и вынужденной паузой, связанной с особенностью регламента соревнования, как это произошло в примере 39. По традиции на стартовой решетке гонки Формулы-1 перед стартом играют гимн страны, в которой проходит Гран-при. Комментатору приходится делать паузу и начинать новый эпизод, отмечая государственный гимн Великобритании как начало хода соревнования:

(39) **ФОР1** …но в итоге показали невероятную верность Формуле-1 на том самом месте, где в пятидесятом году впервые прошел Гран-при чемпионата мира, Гран-при Великобритании. (пауза на гимн) // Ну вот и прозвучал государственный гимн, и все готово для проведения гонки.

Отдельно нужно выделить и рекламные паузы. После них комментаторы произносят фразу возвращения, чтобы прерванный текст продолжился как связный:

(40) **ФОР1** Сейчас вроде бы перенесли прогноз, но это не значит, что по ходу гонки дождь не сможет пойти. (рекламная пауза) // С вами вновь Россия-2, голос Формулы-1, в прямом эфире с трассы Сильверстоун, арены Гран-при Великобритании девятого этапа чемпионата мира две тысячи двенадцатого года.

(41) **ФУР2** ММ: Но то ли еще будет. (рекламная пауза) // ММ: Мы возвращаемся в восточный Манчестер. Это Этихад Стэдиум, это Лига Чемпионов, это Манчестер Сити против Тоттенхэма.

(42) **ВР1** Но-о определенные разницы есть, а какие разницы – ну, успеем про это говорить или нет, не знаю, но сейчас очередная реклама, что-то как-то их прям частокол. (смеется) (рекламная пауза) // Вы не чувствуете, как пахнет жареным? А пахнет, однако. Впервые меньше минуты преимущество отрыва дня, который уехал с нулевого километра…

(43) **BA2** RH: We're off for a quick commercial break, but Juan Antonio will be back with me, Rob Hatch, straight after this. (рекламная пауза) // RH: So, you're watching stage two of the Tour de France. Taylor Phinney in conversation with the sports director, Tom Southam there.

В основном эпизоды, возникающие после рекламной паузы, начинаются с обращения к зрителям (*с вами* в контексте 40; *вы не чувствуете, как пахнет жареным?* в контексте 42; *you're watching* в контексте 43) или использованием личных форм 1 лица множественного числа, объединяющих зрителей с комментаторами (*мы возвращаемся* в контексте 41). Интересно, что в примерах 40, 41 и 43 комментаторы заново обозначают тип транслируемого соревнования, перечисляют макропараметры события: канал, вид спорта, место проведения, уровень соревнования, наименования соревнующихся сторон. Судя по всему, начало таких эпизодов рассчитано на тех зрителей, которые недавно подключились к трансляции во время рекламной паузы.

Обращение к зрителям или коллегам (призыв) является эффективной стратегией для инициации нового эпизода. Оно служит дискурсивным маркером, который помогает обеспечить когезию, или структурную связность дискурса спортивного комментирования. Об этом и других дискурсивных маркерах речь пойдет в параграфе 3.3.

Осталось разобрать случаи пересечения фрагментов и эпизодов в дискурсе спортивного комментирования. Одна из гипотез данного исследования состоит в том, что структурная и семантическая связность такого дискурса неэквивалентны и выполняют две разные функции. Однако это не значит, что концы эпизода и дискурсивного фрагмента не могут совпасть, как в следующем примере:

(44) **BA2** [АНАЛИТИКА] JAF: And we still need to see how he's adapted to this race because it's something here, and you just mentioned before about Mark Cavendish… ///[1] [ХОД СОРЕВНОВАНИЯ] RH: Problem, I think, for Marcel Kittel. Pardon me, Juan Antonio, for interrupting, but a problem for Marcel Kittel.

1 Три косые черты означают одновременную смену эпизода и дискурсивного фрагмента.

Можно также легко представить себе ситуацию, в которой один дискурсивный фрагмент будет равен одному эпизоду. Например, рассматривается один из аспектов, входящих во фрагмент «Ход соревнования», а затем он сменяется другим эпизодом:

(45) **ФОР1** [УЧАСТНИК] Здесь есть и сам Марк Уэббер, Себастьяна Феттеля, здесь есть Тьерри Анри, например, знаменитый футболист. /// [ХОД СОРЕВНОВАНИЯ] Кими Райкконен очень здорово стартовал. Через бордюр. Вот Льюис. Оказался неожиданно дальше, на восьмом месте. Кими был впереди него. Здесь и Пастор. Смотрите, вот момент как раз атаки на Феттеля со стороны Кими Райкконена. Вот он там продолжает, там как раз залазит на бордюр, и там был и контакт, после которого полетели небольшие аэродинамические обломки. // А вот дальше, к сожалению, не продолжили нам, чуть-чуть дальше на один поворот – вот там был контакт, разворот на триста шестьдесят градусов Ди Ресты…

Фрагмент, находящийся посередине контекста 45, эквивалентен эпизоду, связанному с тем, что произошло в начале гонки с Кими Райкконеном. Однако фрагмент «Ход соревнования» не заканчивается и переходит в другой эпизод. Это означает, что в одном фрагменте может существовать несколько эпизодов, т. е. они не равноценны. Такие примеры часто встречаются в дискурсе спортивного комментирования – некоторые из них указаны ниже:

(46) **ФУР2** [АНАЛИТИКА] ТЖ: Восемь матчей, восемь матчей в календаре апрельском у Манчестер Сити значатся – сумасшедший график, и только сейчас они, не зная, чем закончится, смогут отдышаться, и дальше опять Тоттенхэм приезжает сюда, и снова эта битва, снова битва с очень сильной командой. ММ: И представь, как сейчас, если вдруг! Да, говорим пока, вдруг. Манчестер Сити вылетает из Лиги Чемпионов, представь, как это может сказаться психологически на команде и как это может автоматом сказаться на гонке за чемпионство. ТЖ: (Н) Не знаю, не знаю, там гонка такая, что факторов влияющих масса, но это невероятно любопытно, будем ждать выходных. Но сейчас дождемся окончания этого матча. // ММ: На кону полуфинал Лиги Чемпионов. Время еще есть. Сити для гола может хватить меньше минуты, как было например в игре против Ньюкасла, когда еще до истечения первой минуты встречи Агуэро забил первый гол того матча. ТЖ: Но здесь Сити может и секунды хватить для гола, если в эту секунду произойдет то, к чему они сейчас стремятся.

(47) **ВР1** [ОБЩЕНИЕ] Ну она не самая частая, приходится иногда поискать, но все-таки. А-а "Эс-Эр-Эм" надо отправлять на завод. (пауза) // А, в то же время продолжая вот эту мощностную тему, которая, к сожалению, не завязана на экране, поскольку-у телеметрии в текущем времени по мощности на этой гонке, в отличие от Джиро д'Италия…

(48) **ВА2** [АНАЛИТИКА] Whether it’s gonna be Team Sky, whether it’s gonna be Movistar, oh, Bahrain-Merida was also mentioned there, err, we don’t know yet, but obviously he is in the market and the market is on. // RH: And the

other talk we mentioned it yesterday, Jonathan Castroviejo, a Basque rider, maybe heading to Sky in the other direction as well. It's all fun and games, isn't it, this time of the year?

Более частотны обратные случаи, когда в рамках одного эпизода задействованы разные типы дискурсивных фрагментов:

(49) **ФОР1** [ХОД СОРЕВНОВАНИЯ] И что же Грожан? На торможении здесь, издалека начал тормозить и перетормозил в Бруклэндс. Не вынесет ли его широко перед Лаффилдом? Нет. Да, подготовил свою атаку и провел блестяще. / [УЧАСТНИК] Лотус, для которого тоже это домашняя гонка – Энстоун чуть дальше от Сильверстоуна, чем Бракли, чем Милтон-Кейнс, не говоря уже о Форс Индии, которая расположена прямо здесь. / [ОБЩЕНИЕ] Планировали мы в нашей передаче «Гран-при» показать вам штаб-квартиры всех команд, проехать по этой своеобразной «Силикон Вэлли» Формулы-1, которая расположена в Оксфордшайре, Нортэмптоншайре, но не судьба.

(50) **ФУР2** [АНАЛИТИКА] ТЖ: Ну, говорят о матчах атакующих – играют без центра поля. Сегодня играют команды без обороны пока. (пауза) Ну и без центра поля тоже, они доходят, они забивают. / [РЕТРОСПЕКТИВА] И я вообще такую скорострельность не припоминаю, по крайней мере, во встречах этих команд такого не бывает. Было шесть-ноль в тринадцатом году, когда Сити разгромил Тоттенхэм, но это был другой сценарий. / [АНАЛИТИКА] Что за сценарий готовит нам сегодняшний вечер, Михаил, мне страшно представить.

(51) **ВР1** [ХОД СОРЕВНОВАНИЯ] Шестьдесят один километр до финишной черты – уже совсем немного осталось до-а границы Германии. / [МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ] Мы находимся в том регионе, где Германия, Голландия и Бельгия находятся практически рядом, и является это неким символом объединенной Европы дополнительным, вживленным в сегодняшнюю гонку. / [ХОД СОРЕВНОВАНИЯ] Отрыв под руководством Финни, который так или иначе является здесь самым мощным мотором. / [РЕТРОСПЕКТИВА] Но и Буда, как я уже говорил, со своими зачастую абсолютными титулами, то есть он выигрывал во Франции вообще все подряд, было пару сезонов, когда ему совершенно не было равных…

(52) **ВА2** [ХОД СОРЕВНОВАНИЯ] RH: First sprint stays, there are nine expected sprint stages at this Tour de France. [АНАЛИТИКА] It's a big menu for some very hungry sprinters, but we've got a lot of sprinters here: we've got Greipel, we've got Cavendish, remember, thirty Tour de France stage wins, Marcel Kittel, Peter Sagan, Alexander Kristoff, Degenkolb, Demare, Swift, Bouhanni, Matthews, Groenewegen, Colbrelli, Mclay – the list goes on. JAF: Yeah, there're so many and many others I might anticipate as well. [РЕТРОСПЕКТИВА] Although it's not a finish line for what we saw in Olbia, the Giro d'Italia stage one when-when the sprinters, they were denied by-by Peter Pöstlberger. That day he did a brilliant job…

В примерах 49-52 не наблюдается ни одной смены эпизода. В рамках одного эпизода возникают 3-4 дискурсивных фрагмента, связанные по смыслу и являющимся частью одной интенции. За исключением контекста 50 изначальным импульсом побочных дискурсивных фрагментов выступает главный фрагмент «Ход соревнования», из которого исходят значимые отступления от темы.

Один эпизод не всегда содержит в себе только одну макропропозицию. Развитие одной мысли может потребовать активации знаний из разных областей. Когда комментатор связывает несколько идей в рамках одного эпизода, некоторые из них могут отличаться тематически, так как сквозная макропропозиция может потребовать дополнительной аргументации из других контекстуальных доменов.

На стыке эпизодов и фрагментов интересной функцией обладает главный дискурсивный фрагмент «Ход соревнования». В период активных действий спортсменов он может длиться достаточно долго, но временами его размер ограничивают одной-двумя фразами, как в следующих контекстах:

(53) **BA2** [ХОД СОРЕВНОВАНИЯ] RH: Tom de Gendt there at the front. Julien Vermote behind. With the nine flat stages, this is the type of scene, I think, we can expect to see on a number of occasions this year. / [АНАЛИТИКА] What we've got in the box, what do you make of the Tour route this year? Because only three summit finishes, err, Chris Froome and Nicolas Portal were actually suggesting that they might have to invent something from somewhere and be a bit more, let's say, inventive with their tactics to gather a bigger advantage this year if, indeed, they'll win the Tour de France? JAF: Yeah, it's going to be great for Portal, of course. They're gonna, they've seen the course…

(54) **BA2** [ХОД СОРЕВНОВАНИЯ] RH: Good day then yesterday for them, just gonna see how it's gonna go. 'Cause it's a long race, the Tour de France, anything can happen, we're not gonna say that it's done and dusted yet. We don't want it to be done and dusted yet. / [АНАЛИТИКА] What about the overall contenders here? Because we've got a lot of big riders here, we've talked about Froome and Porte, Quintana. Quintana, disappointingly for him yesterday, losing Alejandro Valverde, but, like Sky, Movistar have a very strong team too with the likes of Erviti on the flat with Castroviejo in the mountains, Amador, Betancur, Herrada as well, and Quintana himself if he has improved on that form that he had at the Giro d'Italia tour on the podium, it would be very-very good, indeed. Erm, Contador, Fuglsang, Chaves, Aru, Roglic, Bardet – what are your predictions for this Tour? It's very early, Juan. JAF: It's very early. I-I think Orica-Scott is Tour de France, got a lot to say on GC with Yates and Chaves. But see, with this Chaves…

Примеры 53 и 54 содержат в себе всего один эпизод. Причиной такого членения является отсутствие между фрагментами значительной паузы. Первое высказывание дискурсивного фрагмента «Аналитика» в обоих случаях пусть и запускает новую макропропозицию, но как бы отталкивается от параметрического сообщения о ходе соревнования. Получается, что фрагмент «Ход соревнования» нельзя считать отдельным эпизодом, так как он является вступительным и не отражает никакой новой информации. Данные контексты можно представить и без

данного фрагмента, но они необходимы для плавного перехода с одной побочной темы на другую.

В параграфах 3.1 и 3.2 были разъяснены два способа членения дискурса спортивного комментирования с опорой на семантическую (когерентность) и структурную (когезию) связность. Данная часть модели исследования потенциально может быть использована при анализе других видов устной спонтанной речи. Однако структурный аспект построения дискурса спортивного комментирования не ограничивается паузациями и макропропозициями. Далее речь пойдет об эксплицитных и словесных способах структурной связности дискурса, а именно о дискурсивных маркерах.

3.3. Дискурсивные маркеры в речи спортивных комментаторов

Эпизод – дискурсивная единица, удобная в использовании всеми участниками дискурса, говорящими и слушающими. Для переключения между эпизодами и смены фокуса внимания необходима обработка новой макропропозиции. Ее поиск иногда облегчается имплицитными сигналами, паузами или использованием предикатов и фреймов, не подходящих под текущий эпизод, макропредикат или фрейм.

Однако основной способ маркировки эпизода опирается на поверхностные языковые структуры – дискурсивные маркеры. Они одновременно служат инструментом связности для говорящего и сигнализируют слушающему о наступающем эпизоде с новыми параметрами и участниками события.

В дискурсе спортивного комментирования нами были найдены десять различных типов дискурсивных маркеров: референциальный сдвиг; локативный сдвиг; темпоральный сдвиг; призыв; возвращение к прерванному эпизоду; вводная конструкция; междометие; прочие маркеры; смешанный маркер (характеризуется слиянием дискурсивных маркеров восьми первых типов); нулевой маркер

(характеризуется отсутствием эксплицитного дискурсивного маркера одного из восьми первых типов). Каждый из них будет рассмотрен в этом параграфе.

Мы считаем, что спортивные комментаторы часто руководствуются структурой эпизода и пользуются эксплицитными дискурсивными маркерами в речи – сознательно или бессознательно. В частности, дискурсивные маркеры способствовали членению дискурса на эпизоды в параграфе 3.2. Выдвигается гипотеза о том, что дискурсивные маркеры в речи комментаторов эксплицируются чаще, чем используются нулевые маркеры.

Самым наглядным примером дискурсивных маркеров в спортивном комментировании служит референциальный сдвиг. При референциальном сдвиге эпизод начинается с регистрации факта или события о референте, который соответствует одному из следующих условий: (а) он не упоминался ранее в текущем дискурсе; (б) он не упоминался в предыдущем эпизоде; (в) он упоминался в предыдущем эпизоде в качестве второстепенного «героя», а в новом эпизоде выступает в качестве «протагониста». В последнем случае, например, речевым сигналом перехода может являться смена падежа референта с косвенного на именительный:

В поиске владельца спичечного коробка герои отправляются в забегаловку. чтобы задать вопросы официанту **Ивану**. // **Иван** в какой-то степени был другом Банни. В день ее смерти он получил от нее подозрительно большие чаевые.

На выбор референта комментатором влияет множество факторов. Однако новый референт должен «прийтись к случаю», быть релевантным для актуализации в речи именно в данном эпизоде спортивного события. Например, новый участник события был показан на экране, был идейно связан с предыдущими референтами или был вызван ассоциацией с текущим событием. Все это необходимо для поддержания связности дискурса спортивного комментирования.

Разберем несколько примеров референциального сдвига:

(55) **ФОР1** Дженсон Баттон пытается выйти, а здесь впереди бок о бок Мальдонадо и Райкконен, они уже в комплексе! Ох, в Лаффилд сейчас Мальдонадо входит впереди. // **Росберг** по внешней. Пару Торо Россо атакует позади как раз Дженсона, который несколько замешкался в этом эпизоде с Романом Грожаном.

(56) **ФУР2** ТЖ: Будет точно больше. Они вряд ли могут остановиться прямо сейчас. Подозрение на то, что больше не забьют, скорее, оно… ММ: Эти ставки даже не принимаются. // **Роуз** получает мяч, позиционная атака Тоттенхэма, редкий случай.

(57) **ВР1** Саган – выдающийся человек. Благодаря… (искажение звука) …примерно, а-а, ну вот когда он, допустим, с Грайпелем, да, борется за зеленую майку, то у него урожайных этапов получается-я на пять-шесть больше за гонку, чем у немца. Он уезжает в горах, он активно работает в отрывах горных, ради того чтобы дотянуть до промежуточного финиша. // **Уоррен Баргий**. Баргий – человек, который может преподнести сюрприз. Как-то он, конечно, после того как, э-э, лавинообразный прогресс у Дюмолана пошел, то Баргий ушел окончательно на второй план.

(58) **ВА2** Hundred and fifty-nine kilometers still to go and sad for a lot of fans for Alejandro Valverde, I mean, I'm gonna say this, I realize it's a controversial figure in some quarters in the world of cycling, but a lot of fans who are enjoying racing would be sad not to see him race into Liège today, a city, disputedly it's the district of Arms (?) that he likes visiting and winning in every so often. // I wonder if **this man**'s gonna be a winner at the end of the day, chatting to the new German, it's **the old German champion – Andre Greipel, the Gorilla**, eleven Tour de France stage wins in his career, four victories in twenty-seventeen, having a chat with Marcus Burghardt there, the man who's taken the German national champion's jersey off him.

Отрывок 55 расположен в месте расшифровки трансляции «Формулы-1» в самом начале гонки. После старта машины расположены близко друг к другу, происходит большое количество обгонов. Позиция каждого гонщика является одним из наиважнейших параметров гоночного соревнования. Соответственно, комментатор часто называет имена пилотов, чтобы обозначить обгоняющего и обгоняемого. Борьба между 24 разными гонщиками происходит на разных участках, поэтому каждая отдельная «битва», получающая логическое продолжение в нарративе, требует запуска нового эпизода. В примере 55 сначала говорится об обгоне Пастором Мальдонадо Кими Райкконена, а новый эпизод переключается на обгон Нико Росбергом двух машин команды «Торо Россо» – момент, который происходит чуть позади группы Мальдонадо и Райкконена.

В контексте 56 говорящий переключается с обсуждения возможного количества забитых голов в матче к фрагменту «Ход соревнования». Чтобы вернуть нарратив к событиям, происходящим на поле, комментатор называет

игрока, владеющего мячом – Данни Роуза. Таким образом регистрируется момент передачи, а зритель понимает, что мячом владеет команда «Тоттенхэм».

Иногда операторы гоночных трансляций подсказывают комментаторам, на какой аспект соревнования стоит обратить внимание. В примере 57 речь идет о шансах Петера Сагана на победу в нескольких этапах «Тур де Франс». В этот момент камеры направлены на Уоррена Баргия, однако и этого не всегда достаточно, чтобы комментатор заранее завершил эпизод для переключения на нового референта. В данном случае изображение гонщика сопровождено титром с информацией о нем: номер на спине, команда, национальность и полное имя. Комментатор реагирует на смену эфирной картинки и начинает новый эпизод полной характеристикой гонщика.

Из контекста 58 становится понятно, что при референциальном сдвиге может быть названо не полное имя, не имя и не фамилия, а целые фразы и различные приложения. В данном примере это фраза *this man* («этот человек»), но на ее месте может быть произнесена фраза, маркирующая статус гонщика (*the old German champion* – «бывший чемпион Германии») или его прозвище (*the Gorilla*). Полная характеристика может быть дана позже из-за недостатка времени, лимита рабочей памяти комментатора или его намеренного риторического решения представить гонщика с использованием отложенной номинации.

Следующий вариант сдвига – локативный – сопряжен со сменой места, являющегося текущим нарративным окружением. Как правило, локативный сдвиг происходит для возвращения к текущим событиям:

(59) **ФУР2** ТЖ: Неудачная игра Менди – мяч упущен за боковую линию, аут бросает Тоттенхэм. (пауза) // **Ну тут** Сити уплотнил порядки оборонительные, по крайней мере, **на этом участке поля и в этом эпизоде.**

(60) **ВР1** А-а, что касается, а-а-а, Солнцевской мельницы, то она является одной из визитных карточек (пауза) той театрализованной крепости, которую мы проехали в начале сегодняшнего этапа. // Уезжая постепенно **из пределов Дюссельдорфа** на сей раз уже окончательно в рамках сегодняшнего этапа, я просто должен упомянуть еще об одном из самых популярных событий **здесь**…

(61) **BA2** No reports of any injuries just for the time being, and they're all getting very weary, Sean. // The rain's eased **at the finish**, by the way. I'm just looking out of our commentary position right now and I can't see any puddling, but that's not to say that there isn't any on the approach.

(62) **ФОР1** А что касается вот этой резины, то может быть когда-нибудь постепенно начнут диски расти и профиль уменьшаться, но вот пока, пока этого нет. // **Вот как** происходят радиопереговоры, мы видим, не только с пилотами, но и с большим количеством инженеров и внутри боксов и даже на завод непосредственно на, в отдельных, сложных ситуациях можно сразу позвонить и проверить по телеметрии…

Наречие *тут* с разговорной частицей *ну* в контексте 59 указывает на расположение игроков «Манчестер Сити». Интересно, что далее в этом же высказывании комментатор расшифровывает, что подразумевает эта единица *тут*: *на этом участке поля и в этом эпизоде*. Однако место, к которому отсылает комментатор, все равно неясно, так как фраза *этот участок поля* никак не отмечается на изображении. Предполагается, что аудитория и так понимает из контекста, о каком участке идет речь.

Иногда номинация места происходит не с помощью наречия, а развернуто, как это было в примере 60. Комментатор вводит новый фрагмент «Место проведения», чтобы рассказать об еще одной особенности территории, по которой проезжают гонщики. Комментатор начинает новый эпизод с деепричастного оборота, как бы оправдывая появление новой информации.

Еще одним интересным примером является контекст 61, в котором комментаторы велогонки находятся на финише дистанции, где погодные условия отличаются от тех, что зрители видят на экране. Таким образом «место действия» нарратива переключается с показываемого на описываемый комментаторами – происходит локативный сдвиг.

В отрывке 62 локативный сдвиг используется, чтобы обратить внимание зрителей на изображение. Как только на экране показан капитанский мостик одной из команд и то, как один из инженеров нажимает на кнопки на панели, отвечающие за связь с различными членами команды, комментатор использует частицу *вот как*, чтобы подкрепить эпизод о радиопереговорах соответствующим

изображением. В ближайшем контексте он также использует фразу *мы видим*, чтобы объединить себя со зрителями, которые наблюдают за одним и тем же событием. Подобную стратегию избирает музейный экскурсовод: при переходе к следующей картине он может сказать фразу *здесь вы можете видеть*..., в которой наречие *здесь* сдвигает внимание посетителей с предыдущей локации на ту, в которой они находятся прямо сейчас.

В категорию локативного сдвига были также определены английские фразы *this is* и *there we are*:

(63) **BA2** SK: There's nobody really pushing on, so we should see everybody getting back in there. Hopefully, there's nobody injured. (пауза) // CK: Well, **this is** a concerted push back in, **as you can see**. Er, Chris Froome just, er, yeah, looking over his shoulder issuing, erm, instructions…

(64) **BA2** BS: But, if you've seen the ride of Kiryienka, he commented one of the corners and actually slid as well. So, I think it's a combination of rider weights, tire pressures on the tires that they actually use. // CK: **There we are**. Looks like the space program is still very much in development **here**.

В примере 63 фраза *this is* обращена к тому участку гонки, на который направлены камеры. Она регистрирует факт смены изображения. Подкрепляет этот локативный сдвиг еще один метакоммуникативный маркер *as you can see*, т. е. место события, наблюдаемое аудиторией, действительно важно.

Фраза *there we are*, в том числе и в контексте 64, часто служит эксплицитным переходом на новое описываемое «место». Она подытоживает вышесказанное, не добавляя новой информации, и готовит слушателей к началу нового эпизода. Примерным эквивалентом в русском языке, который вряд ли появится в речи спортивных комментаторов, стала бы фраза *вот мы и здесь*, где *здесь* снова является наречием места. Таким образом, фраза *there we are* классифицируется как инициатор локативного сдвига.

Третий тип дискурсивного сдвига, маркируемый эксплицитными единицами, называется темпоральным, так как он связан со сменой времени, в котором происходит описываемое действие. Спортивные комментаторы зачастую рассказывают о соревновании, следуя последовательности его событий и действий

его участников. Например, мгновенность передается наречиями и прочими маркерами вроде *сразу же*, *сейчас*, *теперь*, *после того…*, как в примерах 65 и 66:

(65) **ФОР1** …и все равно трибуны были полны. Вот сегодня уже больше ста тысяч здесь, и погода, мы видим, пока по крайней мере сжалилась. // Приятная тоже новость **вот буквально сейчас** поступила: судя по всему, оно пока, это пока не до конца проверенная информация, но в хорошее всегда хочется верить, даже если это не очень пока официальная информация. Пришла в сознание Мария де Вильота и разговаривает с родными и близкими.

(66) **ФУР2** ТЖ: И один-один. Теперь, чтобы Сити шел дальше, им нужно забивать как минимум два и не пропускать, но и это также означает, что сегодня мы не увидим дополнительного времени. // ММ: **И сразу же** атака на противоположные ворота. Мяч в штрафной площади, но вот тут Киран Триппье подоспел.

Помимо фиксации мгновенных действий, комментаторы также включают в повествования события, происходящие одновременно, с помощью русскоязычной фразы *тем временем* и ее эквивалента в английском языке – *in the meantime:*

(67) **ВР1** Но он говорит, что, э-э, все равно он как гонщик убежден, что, когда финиш, если определен финиш, какого бы уровня эта не была бы тренировка и даже если вас всего двое, надо финишнуть все-таки все деньги – только тогда у тебя будет вот эта вот (пауза) заряженность всегда. // **Тем временем**, мы добрались до зоны передачи питания. Вы видели, что отрыв разгрузил карманы и готовится взять все.

(68) **ВА2** RH: The good news is – I have a feeling we're gonna hear from Ion Izagirre's sports director pretty soon as well. I know that our spies are on the case, trying to catch up with Phillippe Mauduit. // **In the meantime**, I can tell you that a few other riders did go down as we saw yesterday. Luke Durbridge went down and hurt his ankle ligament.

Темпоральный сдвиг также сопровождается наречиями, модифицирующие действия бóльшими промежутками времени. Например, при переходе от описания общей информации к текущим событиям комментатор может использовать слово *сегодня*; к возможным будущим действиям и анонсам – наречие завтра и сочетания вроде *в следующем году*; к событиям прошлого (зачастую в рамках побочного дискурсивного фрагмента «Ретроспектива») – наречие *вчера* и сочетания вроде *на прошлом этапе*, *в предыдущих гонках* и т. д.

(69) **ФУР2** ММ: А по факту мы видим, что из одной пары уже прошел Аякс, а из другой пары, по крайней мере, на данную секунду пока проходит Тоттенхэм. // ТЖ: Ну, **с двенадцатого года** (пауза) Пеп Гвардиола не может даже преодолеть полуфинальную стадию в Лиге Чемпионов и добраться до трофея само собой.

(70) **ФУР2** ММ: А мы говорим о том, что великолепный навык отбора мяча у Фернандиньо, бойцовские качества, но и созидательные великолепные. У него и удар, и пас, и видение поля – все в порядке. (пауза) // ТЖ: **В**

последний раз Тоттенхэм выбивали из плей-офф еврокубков при том, что Тоттенхэм выигрывал первый матч домашний один-ноль, аж в двухтысячном году это было в матче с немецким Кайзерслаутером.

(71) **ВР1** Пока что, естественно, старт неофициальный, пока что секундомеры не включены, и мы можем вспомнить, что происходило вчера. // А **вчера** первым, кто действительно увесисто опустил молоток на стол при раздаче лучших результатов, оказался экс-чемпион мира, Василий Кириенка.

(72) **ВА2** SK: When there is a crash, er, then after that a lot of the riders, y'know, are being very, very careful and not surprising because a number of riders there went down, it was a big one. // CK: I just looked at the gap to the breakaway **now**, it's back up to fifty seconds, just nudging back down.

В примерах 69-71 новые эпизоды отсылают зрителей к событиям прошлого: контексты 69 и 70 содержат статистическую информацию, актуальную для текущих событий и показывающую некий тренд; в контексте 71 рассказывается о результатах предыдущей гонки на случай, если зрители ее пропустили.

Три проанализированных типа сдвигов в структуре эпизодов спортивного комментирования (референциальный, локативный и темпоральный) так или иначе используются с целью переключения внимания слушающего на новый аспект соревнования. Иллокутивная сила таких переходов заключается в том, чтобы аудитория зарегистрировала новый факт через нахождение макропропозиции, посмотрела на экран, оценила важность нового события. Однако такой иллокутивный акт можно эксплицировать с помощью прямого обращения.

Призыв – еще один тип дискурсивного маркера, отличающийся разнообразием формы. Зачастую адресатом нового дискурсивного эпизода является телеаудитория, слушающая речь комментаторов:

(73) **ФОР1** Делаются специальные механизмы, чтобы как можно быстрее можно было завернуть, но опять-таки здесь есть дополнительная безопасность, дополнительные фиксаторы, которые сейчас встают, чтобы потом колесо не отлетело, и все равно оно отлетает, поэтому в общем хорошая команда тем и отличается, что климат в ней в общем позволяет… // **Слушайте**, какие классные кадры. Вот очень часто спрашивают, очень часто спрашивают, почему…

(74) **ФУР2** ММ: Вроде бы успели переместиться, но Стерлинг был уже в движении и очень быстро раскидал ложными дв-, ложными финтами защитников. Ну а здесь еще и Тоби Альдервейрелд просто нагнулся. // ТЖ: Но, я **вам** напомню, что год назад Манчестер Сити вылетал на этой же стадии из Лиги Чемпионов, и тогда задача была посложнее, чтобы отыграть фору ноль-три первого матча с Ливерпулем.

(75) **BP1** Как всегда, это ужасно обидно, но в то же время сегодняшний побег был вдохновляющим для Тэйлора Финни, мы убедились в его потрясающих физических возможностях, которые рано или поздно он задействует, для того чтобы выиграть этап на Тур де Франс. Я думаю, в этом можно быть уверенными… // И **посмотрите**! Группа пошла вместе, и как отлично сидит Кэвендиш!

(76) **BA2** RH: …things can change, it just gets a little more lumpy towards the end, we've got the Côte d'Olne, the final climb, one point three kilometers, four point seven percent, then the descent into Liège itself. We're heading to Belgium on stage two. (рекламная пауза) // **Welcome back, everybody!** Stage two of the Tour de France twenty-seventeen. Started in Germany yesterday; in fact, we are taking four countries in the first three days…

В контекстах 73 и 75 комментаторы избирают формы повелительного наклонения глаголов *слушать* и *посмотреть*. В обоих случаях говорящие привлекают внимание зрителей к изображению: комментатор гонки «Формулы-1» восхищается операторской работой, передающей тонкую работу болидов; комментатор велогонки впопыхах подчеркивает важные моменты развязки этапа (данный текст был произнесен на последнем километре дистанции, когда борьба шла на каждом участке дороги).

Пример 74 показывает, что обращение к зрителям как дискурсивный маркер может включать в себя референцию самой аудитории с помощью местоимения *вы*. Речь комментатора по своей интенции уже направлена на зрителей, однако говорящий периодически считает необходимым упомянуть их эксплицитно. В отрывке 76 комментатор вообще использует слово *everybody*, встречая зрителей после рекламной паузы.

Если в студии комментатор находится не один, призыв также направляется в адрес коллег. Иногда эти обращения используются не просто внутри эпизодов, а в качестве дискурсивных маркеров, чтобы начать новый эпизод:

(77) **ФУР2** ММ: И назад играет Компани. Эмерик Лапорт – уже, я думаю, страшно болельщикам Манчестер Сити. // ТЖ: **Представляешь**, кто-то припозднился и включил сейчас телевизор. Что они подумали? ММ: Да, а что они подумают сейчас – это Сон, он рвется к мячу…

(78) **ФУР2** ТЖ: Да, лучше бы здесь не было Льоренте вот так обороняющегося. Уже одна потеря, тут неловкий… // ММ: Еще раз **давай посмотрим** вот этот момент. ТЖ: Красиво, что уж тут говорить.

(79) **BA2** JHB: So, there's plenty of information available there. It'll give you just a little bit extra whilst you're watching as if you needed any extra where you're listening to Carlton and Brian. CK: Aww, thank you, Jon. // We've been

very much enjoying seeing the retweets rate of **your** chocolate truffles. Ever popular, it seems. Always sweet nibbly, **Jon**. They seem to get the biggest response **for you**. JHB: They absolutely do.

(80) **BA2** RH: He's alongside Christian Knees, on the right-hand side, taller rider, and of course with the more traditional Sky colouring gilet on is the Basque rider Mikel Nieve. // **I'll tell you what, Brian.** I don't know what **you thought** about the Grand Depart so far, but the crowds have been far greater than I expected.

Контекст 77 – частотный пример обращения к коллеге на *ты* с использованием глагола в повелительном наклонении. Сообщение направлено исключительно ко второму комментатору, так как они обсуждают возможные чувства, переживаемые телезрителем. В данном контексте не может быть произнесен глагол *представляете*, так как среди аудитории действительно могли быть зрители, поздно подключившиеся к трансляции.

В то же время в примере 78 избран императив в единственном числе, хотя видеоповтор момента наблюдают не только комментаторы, но и зрители. По какой-то причине Михаил Моссаковский ограничивает зону адреса своего сообщения до своего коллеги.

Отрывок 79 из велоспортивной трансляции интересен тем, что в изоляции от остального текста его трудно классифицировать как спортивное комментирование. Репортеры не говорят о гонке и общаются друг с другом на отвлеченные темы. Фраза с обращением по имени *Aww, thank you, Jon* не входит в выборку, так как не является инициатором нового эпизода. Однако данный отрывок служит ярким примером сдвига темы и эпизода в рамках диалога спортивных комментаторов.

Джонатан Харрис-Басс рассказывает о приложении телеканала «Eurosport», советует зрителям загрузить его для получения дополнительной информации. Далее он делает комплимент своим коллегам: и без приложения Карлтон Кирби и Брайан Смит рассказывают достаточно. Кирби благодарит Харриса-Басса за комплимент и в ответ начинает новый эпизод, касающийся кулинарных навыков последнего. Он использует местоимения 2 лица (*your* и *for you*) и, безусловно, ожидает ответа, который бы продолжил не только смежную пару «комплимент –

принятие комплимента», но и текущий эпизод. Между местоимениями также звучит обращение по сокращенному имени – *Jon*.

В контексте 80 произносится разговорная фраза *I'll tell you what*, подталкивающая собеседника к высказыванию собственного мнения по поводу того, о чем говорится после фразы. Роб Хэтч восхищается поддержкой многочисленных болельщиков и спрашивает мнения Брайан Смита, скорее всего, ожидая подтверждения своим словам. Он также использует прямое обращение (имя коллеги – *Brian*) и использует изъявительное наклонение (*you thought*), чтобы заявить о том, что не знает, что думает Брайан.

Более привычными примерами дискурсивных маркеров являются вводные слова и конструкции. Они часто используются в письменной речи в качестве средств связности и логической аргументации. Как оказалось, в дискурсе спортивного комментирования они появляются реже:

(81) **ФОР1** Слушаем Шуми. (пауза на радиопереговоры) // **В общем**, ситуация изменилась. Температура растет, двадцать семь градусов уже сейчас, так что вот эти прудики английские, вы видим, остаются здесь, но может быть, может быть дождя мы даже и не увидим.

(82) **ФУР2** ММ: Рахим Стерлинг как одно из главных действующих лиц этого противостояния равно как и Сон Хён Мин. // **Итак**, сумасшедший первый тайм принес нам… ТЖ: …принес нам счет три-два. И при этом счете дальше идет Тоттенхэм…

(83) **ВА2** RH: Dylan Groenewegen just went past there. This is Vasil Kiryienka, that's John Degenkolb. Ten stage wins in Vuelta a España, who's had a win at the Giro d'Italia, he's never had a stage win in the Tour de France. His only victory so far in twenty-seventeen for his new team came at the Dubai Tour. // Talking about sprints **then**. Let's go and see Juan's analysis. Here's the Juan & Only on the sprint for stage two.

(84) **ВА2** JAF: And we saw that, there were so many wide paint roads and many crashes, unfortunately. // RH: **That begs the question**, of course, if we're doing our due diligence as journalists, some saying, well, y'know, nothing could be done, it was the heavens that opened, but could the organization have done more baps on those barriers to maybe put some pads down…

В диапазон вводных слов и конструкций входят фразы, обобщающие вышесказанное или генерализирующие текущие условия (*в общем* – 81); подводящие итоги (*итак* – 82); отражающие последовательность действий (*then* –

83). В некоторых случаях используются разговорные фразы вроде *that begs the question* (84), когда один эпизод логически вытекает из другого.

Еще одним эксплицируемым началом нового эпизода является возвращение к ранее не завершенным эпизодам. Если речь комментатора прервана важным событием, эпизод обрывается и может не получить продолжения в течение всего репортажа, как случилось в следующих примерах:

(85) **ФОР1** Это была его единственная победа по ходу сезона, но тогда было единственной гонкой, где запретили вот этот дожиг топлива, когда приподнятой педали, мы помним, с… приподнятой ноге с педали газа… // А теперь смотрите: времена пит-стопов. Самая лучшая работа – в Макларене: две и восемь и у того, и у другого.

(86) **ВР1** И-и-и в общем-то с тех пор, с тех пор споры не утекают и-и-и не утихают, и причем периодически они вспыхивают с новой сти-, с новой силой, и-и-и в середине… // Тут у меня одновременно в ушах, э-э-э, идет, э-э, парижского продюсера, который нам обещает сфокусироваться на вчерашних потерях гонки, на падениях, на травмах, и это, конечно да, это большое событие со знаком минус.

(87) **ВА2** RH: Edvald Boasson Hagen is no longer in the Norwegian champion's jersey, he remains the champion in the time trial... // As there's Mark Cavendish! JAF: Mark, looking anxious already. (смеется) Look at him!

В контексте 85 комментатор приводит в пример события прошлогодней гонки, пока на экране не появляется статистическая информация о продолжительности пит-стопов (остановка болида во время гонки с целью смены шин или других технических изменений). В примере 86 комментатор хочет рассказать о теориях по поводу неандертальцев, но его прерывает дирекция операторов гонки. Отрывок 87 изначально фокусируется на результатах Эдвальда Боассона Хагена, пока на экране не появляется Марк Кэвендиш – одна из ключевых фигур этапа.

Какой бы ни была причина перехода с одного эпизода на другой, дискурсивный выбор остается за комментаторами. Любой из них может продолжить заявленную тему и поговорить об отвлекающем факторе (статистике пит-стопов, сюжете, гонщике) позже. Исключение составляют случаи, когда во время трансляции происходит техническая неполадка. В примере ниже она сбивает речь комментатора, и он больше не может вернуться к эпизоду, чтобы закончить придаточное предложение, следующее за словами *еще раз повторюсь*:

(88) **ФОР1** Мало того, что с восьмого места не удалось серьезно отыграться на старте, так еще и не может он сейчас даже, ну то есть пока он следует вроде в этой же самой группе, смотрите, но действительно не так и близко позади своего обидчика двухнедельной давности на Гран-при Европы в Валенсии, Пастора Мальдонадо, и, судя вот по этому радиообмену, дальше проблемы могут только увеличиваться. Еще раз повторюсь (пауза), еще раз повторюсь, что… (пауза) // Простите, небольшие проблемы здесь у нас возникли, но будем надеяться, что все будет сейчас нормально. // Так вот, а… Шесть кругов уже позади. Алонсо/Уэббер – одна и восемь.

Второй эпизод в рамках контекста 88 адресован зрителям в форме извинения. Начало третьего эпизода потенциально может быть классифицировано маркированным вводной конструкцией *так вот*, но он не вытекает из эпизода, прерванного ранее. Комментатор всего лишь перечисляет параметры соревнования, а именно пройденную дистанцию и отрыв между лидерами гонки.

Однако, если комментаторы вспоминают о ранее прерванном эпизоде, они могут использовать дискурсивные маркеры возвращения. Таким образом, нарратив спортивного комментирования связывается нелинейно. В таких случаях слушающим необходимо вспомнить одну из ранее выведенных макропропозиций для обработки новой информации. Дискурсивные маркеры возвращения сильно варьируются в свой форме:

(89) **ФОР1** Лучший для себя круг у Хэмильтона – тридцать шесть и семь. (пауза) // **Решил я говорить,** почему очень часто спрашивают, почему не переходят на низкопрофильную резину. Ну, это требования команд – команды, у них все (пауза), все их данные, которые они собрали за последние десятилетия…

(90) **ФУР2** ТЖ: Ну, с двенадцатого года (пауза) Пеп Гвардиола не может даже преодолеть полуфинальную стадию в Лиге Чемпионов и добраться до трофея само собой. Но и в прошлом сезоне он споткнулся на Ливерпуле. А в свой первый сезон в Баварии споткнулся на лондонском Челси. <...> ММ: Из-за боковой Менди будет бросать этот мяч, как только найдет адресата. Пока его нет, очень плотно футболисты Тоттенхэма действуют здесь по позиции. И еще один аут. // ТЖ: **Поправлю сам себя.** В постчемпионский сезон еще с Барселоной проигрывал Пеп Гвардиола лондонскому Челси, и вообще английским клубам он как-то слишком часто в этом турнире уступает, кого бы он ни тренировал.

(91) **ВР1** Ну, это тема отдельная и-и довольно-таки неприятная, касающаяся современного (пауза) многоликого, похлеще Януса века. (усмешка) // **А если вернуться** к каким-то более мирным моментам, то-о да, конечно, они чувствуют себя, и-и Герэйнт Томас, и Крис Фрум чувствуют себя именно в своем окружении…

(92) **ВА2** RH: Flecha means arrow in English. JAF: Exactly. Yeah, but Nieve's pretty much well-integrated, I think. // RH: Well, **Juan said** it was unfair. It carries on to be unfair because look at this, everybody in one long line in the peloton, the pace is really on here – two minutes and six seconds.

В контекстах 89 и 90 используются личные формы (1 лица единственного числа), причем форма прошедшего времени *решил я говорить* как бы возвращается к ранней коммуникативной интенции комментатора, а форма настоящего времени *поправлю сам себя* – к текущей интенции. Во втором случае это необходимо, чтобы исправить фактическую ошибку, произнесенную ранее, чтобы не дезинформировать аудиторию.

В парном/групповом комментировании маркер возвращения может отсылать не к эпизоду, созданному самим говорящим, а его коллегой (см. пример 92). Ранее в трансляции Хуан Антонио Флеча заявил, что пелотон (основная группа гонщиков) зря не отпускал отрыв дня (группу гонщиков, уехавшую от основной группы в начале гонки) и рассказал историю из своей карьеры. Роб Хэтч проявляет вежливость, вспоминая слова предыдущего оратора, и подтверждает их правоту, вновь обращая внимание на небольшое отставание пелотона от группы лидеров.

Дискурсивные маркеры возвращения используют и безличные конструкции вроде *если вернуться* (91), *так вот*, *по поводу* и даже отрицание *нет*, которое тоже служит самопоправкой в следующем примере:

(93) **ВР1** И Фрум! Фрум – не на своем велосипеде причем! Кто-то отдал ему велосипед… Это не его запаска, по-моему. Может быть, конечно, слетела у него – но как-то по посадке, по-моему, видно, что это не его велосипед. Возможно, конечно, отмело номер, но как-то не так он здесь в седле работает. <...> // С третьей позиции посыпались на проскальзывании, следом за португальцем полетел кто-то из Катюши, упустив переднее колесо на скользком участке, и не надо здесь винить ни-ни… // **Нет**, так-такая звезда, конечно, может быть только у Фрума, никто больше не использует настолько агрессивную геометрию, поэтому велосипед все-таки его. Но такое ощущение, что он сидит не по росту, слишком высоко, не знаю.

В напряженные моменты соревнования комментаторы находятся под давлением дефицита времени, и их высказывания сокращаются. В такие моменты, когда они хотят обратить внимание зрителей на ключевое событие соревнования, минимальной и ожидаемой единицей является междометие.

Несмотря на то, что комментаторов зачастую считают эмоциональными, междометия не так частотны в данном жанре устной речи и чаще проявляют себя в

маркерах смешанного типа, так как сами по себе не могут запустить макропозицию. Для начала посмотрим на три примера, где междометия выступают самостоятельными дискурсивными маркерами:

(94) **ФУР2** ТЖ: Он даже сейчас заткнул уши и не собирается подсказку видеоассистентов выслушивать, настолько он уверен в своем решении. ММ: Ну здесь можно ушей не затыкать – наушник выдернул, отбросил и побежал дальше. // **Ой-ёй-ёй.** ТЖ: Да, там уже, они и с самых первых секунд эмоции через край были, но сейчас.

(95) **ВА2** СК: Still a long way out, as we're looking further back down, erm, Sean, errr, still a long way out. Who is you pick for today? // **Ooooh!** That's disaster. Now, road furniture takes prisoners and especially in the wet, and frankly the pace that we've had on the approaches here has been terrible in these skittery conditions…

(96) **ВА2** SK: Well, of course, the timing in the sprint we could see, Kittel there, he was just holding off and that's what you've got to do because if you take it up too early, you cannot, y'know, keep that superfast speed going, and if there's somebody at the wheel, y'know, they can come over you very-very quickly and it's all about your experience, they know how to deal, they know when they have to take up, when they have to kick the sprints, and when they do that, if they get that right, a rider like Kittel very difficult to beat. (пауза) // СК: **Gosh**, what a day. Official result, Marcel Kittel. Demare, it was the French champion just edging Andre Greipel.

В контексте 95 операторы показывают массовый завал, в котором пострадало много гонщиков, в связи с чем мгновенная реакция комментатора выражена междометием с протянутым инициальным гласным звуком. В примере 96 комментатор выражает восторг по поводу прошедшей гонки непосредственно после ее финиша с помощью междометия *gosh.*

Контекст 94 интересен тем, что в данном эпизоде нет вербального описания произошедшего на поле. Зритель без опоры на изображение из междометия *ой-ёй-ёй* и ответной реакции Тимура Журавеля может понять, что на футбольном поле произошел эмоциональный момент. На самом деле в матче произошла стычка между игроками соперничающих команд вплоть до физического контакта. Наши многолетние наблюдения за спортивным комментированием наталкивают на мысль о том, что комментаторы намеренно не рассказывают об актах агрессии на поле – предположительно, чтобы не поощрять такое поведение. Таким образом, междометие может нести функцию эвфемизации сообщения и сокрытия информации.

Междометия чаще всего проявляют себя в дискурсивных маркерах смешанного типа, так как передают только эмоцию (удивление, смех) или апеллируют к реакции зрителя. Для начала нового эпизода нужна смена какого-либо параметра события. Например:

(97) **ФОР1** Льюис подарил Алонсо свой новый шлем для коллекции, кстати, сегодня. // **О-ох, а здесь Дженсон.** Дженсон продолжает сражение в пелетоне, атакует он Себастьяна Феттеля. Очень плотная борьба.

(98) **ФУР2** ММ: Тоттенхэм-Аякс! Кто мог поверить после жеребьевки, что такой будет полуфинальная пара? // **Бамос! Вот** он крик. И молчание Пепа Гвардиолы.

(99) **ВР1** Вот вы видите, что Ару сейчас общается с техничкой по радиосвязи – наверняка, ему, несущему на плечах правильный, как говорят, триколор, а вообще в этом году очень много разговоров, э-э, со знаком плюс оценивают итальянцы то, что, в отличие от Нибали, у которого триколор был гораздо скромнее и интегрирован в основные цвета Астаны, а-а-а классическую майку национального чемпиона получил Фабио Ару. Вы видели достаточно бесхитростный ее дизайн, а-а, естественно, постарались… // (показывают велосипедиста под номером 128 из команды Катюша-Альпецин, он поднял руки вверх) **Ха! Как вам нравится эта картинка?** И в этом случае и дождь совершенно нипочем. Решил Нильс Политт, баскетболист в седле из Катюши-Альпецин, увидев, возможно, кого-то из знакомых, возможно, просто заводя соотечественников, стал поднимать трибуны на выезде из этой круговой развязки. Сто двадцать восемь номер Катюши-Альпецин.

(100) **ВА2** SK: …it takes a little bit of time before the brakes really work fully and now you touch and bang into somebody and down they go with, you see there, there's a big stack of riders on the ground. // CK: **Uff**, looks like **Chris Froome**'s on the spare bike, can't see his number on the back, can't see his transponder hanging out of the back of it either, can't see his powermeter, so he's had a bike swap taken from the car, he's been relayed back in as well.

В контекстах 98 и 100 междометие дополняет сообщение о референте (*Дженсон Баттон* и *Chris Froome*). В первом случае эмоциональный всплеск в речи комментатора вызван опасной попыткой обгона; во втором – расстройством по поводу того, что один из фаворитов гонки (британский гонщик, т. е. соотечественник комментаторов) пострадал в завале и ездил в неудобных условиях.

Самым экспрессивным отрывком является пример 99, где комментатор сочетает междометие с вопросом, обращенным к зрителям. Референт *Нильс Политт*, являющийся протагонистом эпизода, появляется только в третьем высказывании. Междометие *ха* в данном случае выражает удивление

комментатора, так как велосипедисты нечасто взаимодействуют со зрителями, стоящими на тротуаре.

Последний тип самостоятельных эксплицитных маркеров – категория «прочих», в которую были отнесены дискурсивные маркеры, не вошедшие в группу «нулевых» и не соответствующие ни одной из вышеописанных категорий.

Например, явным маркирующим потенциалом обладает конструкция риторического вопроса, начинающая размышление комментатора:

(101) **ФУР2** ТЖ: Сейчас Эдерсон показал свой класс, рассчитал здорово все. // ММ: **Ну а что в сухом остатке?** Сити нужно забивать два и не пропускать.

(102) **ВР1** Все без исключения эти гонщики (пауза) – достаточно памятные фигуры именно по своей специализации, по своей способности ехать многие километры и сдерживать натиск пелотона. Конечно же, они тоже заслужили наше внимание. Конечно же, о них тоже необходимо сказать несколько слов. // **С кого начать?** Ну, наверное, с младшей команды, которая впервые появилась в рамках Тур де Франс по спецприглашению, по вайлд-кард – «Ванти – Груп Гобэр», бельгийская команда, которая сегодня возвращается на родину и особенно мотивирована, конечно, в ближайшие пару дней.

Контекст 101 можно представить и без риторического вопроса с мгновенной референцией команды «Манчестер Сити». Однако комментатор инициирует эпизод со вступительным вопросом, возможно, для драматизации момента. В примере 102 также можно обойтись референциальным сдвигом: *Начнем с обсуждения «Ванти-Груп Гобэр», бельгийской команды…* Сергей Курдюков задает себе вопрос о том, какая из четырех команд, находящихся в отрыве, достойна обсуждения на момент трансляции. Если бы он обошелся без этой артикуляции, в эфире могла появиться продолжительная пауза, во время которой это размышление осталось бы в рамках внутренней речи.

Отрывки 101-102 показывают, что риторические вопросы как бы откладывают референциальный сдвиг. Неудивительно, что такое средство выразительности встречается и в рамках смешанного маркера со сменой референта:

(103) **ФУР2** ММ: Не-е-ет, угловой, который сейчас для Тоттенхэма может быть даже важнее, чем гол. Ведь угловой – это возможность подержать мяч в углу поля, когда оставшиеся секунды. // **И вот что <u>сейчас</u> пытается**

донести до них Маурисио Почеттино? Куда вы пошли, говорит! ТЖ: Он говорит, все, что я говорил про видеоарбитра раньше, не считается. Я за него!

(104) **ВА2** RH: Thanks, Juan Antonio. Interesting to see who can come up with it at the end. // **There's Peter Sagan. Will it be his day?** Seven stage wins at the Tour de France in his career.

Следующим дискурсивным маркером, входящим в группу прочих, является глагол *посмотрим* и его английский эквивалент *we'll see*.

Одной из задач спортивных комментаторов так или иначе становится прогнозирование событий, чтобы подготовить зрителя к возможным сценариям соревнования. Эта информация зачастую содержится в побочных дискурсивных фрагментах «Аналитика», речь о которых велась в параграфе 3.1. Однако комментаторы часто отстраняются от своих прогнозов, так как в спорте может произойти что угодно. Рассмотрим примеры, встречающиеся в материале исследования:

(105) **ФОР1** Борются ли они с Хэмильтоном – не знаю. Хэмильтон на другой тактике, и я думаю, что Льюис здесь в данной ситуации и сам быстр, и Макларен – может быть, правильно как раз вот этот момент решился с коротким средним отрезком на более мягком типе резины. **Кто знает? Посмотрим. Цыплят по осени считают, поэтому посмотрим на финише.** Но вот мне представляется, что… Если вы вспомните достаточно беспомощный первый отрезок, где он шел на восьмом месте, и ну в общем не было даже предпосылок для улучшения поначалу…

(106) **ФУР2** ТЖ: Ну, и вот, забив четвертый гол, все равно в свой футбол продолжают играть, атаковать. И мне кажется, если суммировать впечатление от семидесяти минут, конечно, Сити сегодня выглядит сильнее. Надо это признать. ММ: **Посмотрим. Подождем.** ТЖ: Но нет, сложится-сложиться может как угодно. И сложится ситуация в сторону Тоттенхэма, если она такой будет, ну значит они смогут включиться, значит они найдут в себе ресурсы, как они нашли, например, в концовке первого матча у себя дома.

Используя такую фразу, комментаторы избегают возможной фактической ошибки, на случай если их прогноз не будет соответствовать реальности или итоговому результату. В диалогическом примере 106 Михаил Моссаковский такой фразой намекает коллеге, чтобы он не торопился с выводами и не давал слишком ранних оценок игре команд.

Оба контекста 105 и 106 содержат в себе один эпизод и не имеют переходов, а это значит, что фраза *посмотрим* в них не является дискурсивным маркером. Однако в англоязычном спортивном комментировании она (в форме *we'll see*)

используется в начале эпизода, как бы возвращает слушающих с обсуждения прогнозов на текущие события соревнования:

(107) **BA2** JAF: So, that's a- I think that the bunch can really let them go on and fight easily, and that'd be nice for everyone and for us, (два слова неразборчиво) as well, too, to see the breakaway getting some more time. // RH: **We'll see how it happens.** At the minute, it's staying fairly stable at three minutes and twenty. I can tell that Mönchengladbach is just over thirty kilometers further down the road. (пауза)

(108) **BA2** BS: And I think that was that mentality, you just go out there, do your best, be cautious in the corners, and I think it was the fact that we went in there with absolutely no pressure and he was relaxed, he delivered the perfect performance. CK: I think you're absolutely right. // **We'll see what it is today**. Lotto-Jumbo couldn't do precisely the same thing or mirror that with Dylan Groenewegen. You've been impressed with him, Brian. So have many others including myself, of course.

Глядя на примеры 107 и 108, можно сказать, что маркер «посмотрим» находится либо в конце заканчивающегося, либо в начале новоформирующегося эпизода. С одной стороны, фраза *we'll see how it happens* является продолжением текущей макропропозиции о недостаточном преимуществе группы отрыва. С другой стороны, эта фраза, потенциально имеющая имплицитное значение «может, так все и сложится, как говорит об этом Хуан Антонио», не несет в себе смысловой нагрузки, особенно с использованием безличной формы *it happens*, где не известно, к чему отсылает дейктическая единица *it.* К тому же перед представленными фразами с *посмотрим* делается пауза значительно дольше такой, которая бы была непосредственным ответом на реплику.

Какой бы ни была позиция маркера *посмотрим*, он служит «мостом» между двумя несвязанными эпизодами и заслуживает отдельного упоминания в категории «прочих» дискурсивных маркеров в спортивном комментировании.

Еще один нестандартный дискурсивный маркер в речи спортивных комментаторов получил в нашем исследовании название «маркер интереса». Как только на экране отображается значимая информация, в создающемся дискурсе вместо нулевого маркера появляется прилагательное *интересный* (*interesting*), относящееся к моменту соревнования:

(109) **ФОР1** В общем, очень возмущались этим болельщики в прошлом году, естественно. // **Интересный момент.** Мы видели, на жесткую перешли сейчас.

(110) **ВА2** SK: I think he's had that mountain one point for the first king of the mountain's and that was won by Taylor Phinney, we've got one before the finish and there will be another point, so if he doesn't win it, going count back in the general classification and got to see him finishing a very good time trial yesterday, he should be on the podium taking that jersey into tomorrow's stage. // CK: Well, sixty k's to go and **it's interesting to see** that the general classification men are starting to muster themselves. Safety first as far as they are concerned.

Примеры, приведенные в данном параграфе, содержат в себе контексты с одним дискурсивным маркером, указывающим на начало нового эпизода. Однако немалая часть вхождений характеризуется использованием маркеров не из одной категории, а из нескольких. Это логично, так как смена, например, места, о котором ведется речь, может повлечь за собой смену референта, находящегося в этом месте. Ниже представлены примеры смешанного маркера «локативный сдвиг + референциальный сдвиг»:

(111) **ФОР1** Тоже мы видим другой шлем у Феттеля. Немецкий флаг и сверху Юнион Джек. Вейл и Клаб. Его глазами была эта связка. // Ну а **вот Фелипе Масса**. Позади на этот раз другого Мерседеса Нико Росберга. В Бруклэндс на входе в комплекс, и гораздо легче по внешней траектории Масса на более свежей резине проходит Нико Росберга.

(112) **ФУР2** ТЖ: Пропущенный мяч, если Сити этого до-допустит, сразу уш-усложняет задачу, э-э, троекратно – тогда три мяча для прямого выхода Сити нужно забивать. // ММ: **Здесь Бернарду Сильва** вытолкнул соперника, это Данни Роуз. Извиняться пошел сразу же португалец, а Данни Роуз эти извинения не принял. Сити настроен на борьбу, Тоттенхэм – также.

(113) **ВР1** …и брат в благодарность ему за это его в очередной раз вывозит на звание чемпиона Словакии, сам тоже поднимаясь на подиум, но великодушно отдавая первое место в национальном чемпионате, которого у него было уже неоднократно в карьере. Брату это важнее. // **И во-от грозный Квикстеп.** Лефевровская гвардия впереди. Но где же Киттель? Киттель, наверняка, где-то поглубже.

(114) **ВА2** RH: The talk is that he's aiming for the Norwegian World Road Championship towards the end of the season. His classics campaign wasn't what he would have wanted. // **This was Christian Knees**, going back to rapid hommes, as the main domestique for Sky this year Tour de France. German in his native land as well. Good to see.

Комбинация локативного и референциального сдвига в любом порядке появления маркеров является самой частотной на проанализированном материале. Однако это связано с большим перекосом в сторону расшифровки ВА2, где такой смешанный маркер встречается 36 раз. По медиане (9 против 8 у «локативный +

референциальный сдвиги») самой частотной является комбинация темпорального сдвига с референциальным:

(115) **ФОР1** Ну и смотрите, какая потеря у Росберга – четыре, и девять – потеря у Мальдонадо. Опять начудил Пастор по ходу этого уикенда. // А тем временем Марк Уэббер на последнем круге дистанции. Вудкот позади. Коупс позади.

(116) **ФУР2** ММ: Ну и-и, если говорить про задачу Манчестер Сити в матче против Кристал Пэлас, выездном, на Селхерст Парк, не самом приятном стадионе, для того чтобы играть там на выезде, а-а, так вот, там задача была не только победить, не только взять важнейшие три очка… // Позже об этом, сейчас Стерлинг получает мяч. Будет удар по воротам. Удар по воротам и гол!

(117) **ВР1** Мачаду, который сегодня на-а последних десятках километров, пожалуй, впереди даже больше, чем Де Гендт – вот он сейчас тоже на первой позиции, португальский гонщик, обладатель очень хорошего индивидуального хода; и-и два молодых немца: Политт и Цабель-младший, Рик Цабель в составе. // Сегодня очень часто, очень часто оказывается Пино в хвосте. Обратите внимание на длину его посадки, на-а значительный наклон подседельной трубы…

Три типа сдвигов (референциальный, локативный и темпоральный) настолько частотны, что встречаются в одних контекстах. Особенно это касается англоязычного велоспортивного комментирования:

(118) **ВА2** СК: (смеется) Yeah, indeed. And in fact today I'm wearing a woolly jumper. // **These guys out front for much of today**, and in fact we're just passing the hundred kilometers done marker…

Смена референта в расшифровке ВА2 модифицируется большим количеством дополнительных маркеров: 36 раз со сменой места, 16 – со сменой времени, 11 – с вводной конструкцией. Это говорит о том, что в дискурсе спортивного комментирования часто называют участников соревнования, и это может запутать аудиторию. Не всегда понятно, является ли нововведенный референт частью текущего эпизода и, соответственно, связан с обсуждаемыми событиями, или комментатор начинает новую макропропозицию. Добавление дискурсивных маркеров других типов позволяет выделить референта как протагониста нового эпизода.

В таблице 3 присутствует отдельная графа с количеством смешанных маркеров. Помимо нее, в скобках для каждого индивидуального типа указано количество их вхождений в контексты со смешанными маркерами.

Таблица 3. Количество дискурсивных маркеров, обозначающих начало эпизода в дискурсе спортивного комментирования

Тип маркера	ФОР1	ФУР2	ВР1	ВА2	среднее
референциальный сдвиг	31 (29)	61 (22)	77 (28)	39 (60)	86,5
локативный сдвиг	18 (14)	17 (11)	19 (11)	22 (48)	40
призыв	7 (14)	13 (3)	20 (22)	29 (17)	31,25
темпоральный сдвиг	3 (15)	10 (14)	15 (17)	12 (25)	27,5
вводная конструкция	7 (7)	6 (4)	20 (5)	11 (21)	20,5
возвращение к прерванному эпизоду	5 (0)	6 (0)	18 (1)	4 (3)	9,25
междометие	0 (5)	1 (1)	0 (2)	2 (2)	3
прочие	3 (1)	5 (3)	3 (0)	7 (4)	6,5
нулевой маркер	17	29	82	45	
смешанный тип	*38*	*29*	*42*	*83*	
итого	**129**	**177**	**296**	**254**	

Осталось разобрать случаи, в которых переход от одного эпизода к другому не сопровождается известными нам дискурсивными маркерами. Зачастую эпизоды без эксплицитных подсказок порождаются после небольшой паузы, которая сама по себе акцентирует окончание предыдущей макропропозиции и вызывает в слушающем ожидание следующей. С паузой или без нее, с дискурсивным маркером или без него комментатор может также указывать на смену эпизода интонацией. Рассмотрим примеры:

(119) **ФОР1** Даже у Баттона больше, я бы сказал, Баттон по крайней мере близко к очковой зоне, даже если атака на Сенну так и не проходит, как и у Сенны на Хюлькенберга. // Все-таки мы видим человека, который справился с дистанцией, с одним-единственным пит-стопом.

(120) **ФУР2** ТЖ: Трижды он расстраивает, Миша, э, Манчестер Сити, потому что Сон забивал и в первой встрече. ММ: Да, если брать первую встречу, то трижды. // ТЖ: Десять голов последние в Лиге Чемпионов, не считая сегодняшней, Тоттенхэм забивал во вторых таймах.

(121) **ВР1** Вот Стас, например, свое мнение прислал на Твиттер. Говорит, что с его точки зрения это модный и, пожалуй, самый утонченный город Германии, ни много ни мало. Но во многих своих проявлениях, наверное, с

этим трудно не согласиться. Так оно и есть. // Удержать это преимущество сейчас немножко легче, чем на подъезде к городу, потому что там, э-э, этот встречный ветер все-таки более ощущался.

(122) **BA2** Thank you very much, Jonathan. I'm pretty sure we'll see that man on the side of the road when we come to the mountains. // Raining again, windy again, miserable everybody. The left-hand side on the road, Brian. Watch out!

В группу контекстов с нулевыми маркерами попали два аномальных типа, связанными с особенностями передаваемой комментаторами информации. Так, при комментировании гонки «Формулы-1» нулевой маркер сопровождает эпизоды с радиопереговорами между гонщиками и их командами. Как только на экране появляется соответствующий титр, русскоязычный комментатор заканчивает эпизод, слушает вместе со зрителями сообщение (переговоры происходят на английском языке) и переводит информацию на русский, чаще всего от лица участников разговора:

(123) **ФОР1** И всерьез Стелла уже просто примеряется, в какой именно момент лучше будет совершить пит-стоп, чтобы не убивать резину. Слушаем Михаэля. (пауза на радиопереговоры) // «Чего-чего ждать от этой резины?» И «Да, Михаэль, наша цель – это плюс восемь. Наша цель – это плюс восемь».

(124) **ФОР1** Теоретически они использовали и тот, и другой комплект и мы могли бы ехать до финиша, но понятно, что это не пройдет, момент, и большая часть из пилотов в любом случае поедет на пит-стоп. (пауза на радиопереговоры) // «Прекрасная работа. Машины, с которыми мы боремся в- реально вплотную, они позади нас сейчас»…

Такие случаи перевода встречаются и при экспресс-интервью на подиуме:

(125) **ФОР1** И он, во-первых, сохраняет свое второе место в общем зачете, а, во-вторых, еще приближается, приближается к Фернандо Алонсо. Тот долгое время лидировал. Может быть… О, Джеки Стюарт, мы видим, вышел сейчас на подиум, поздравил Марка. // «Спасибо, Джеки. Это была очень интересная гонка. На старте у Фернандо был очень хороший темп…»

Второй аномальный случай включения нулевых дискурсивных маркеров составляют эпизоды, которые начинаются с упоминания или перечисления важных параметров спортивного комментирования. В эти параметры входит информация о времени соревнования, о текущем положении спортсменов, о счете и т. д. Иными словами, эта информация передается при помощи языковых шаблонов. Некоторые из них функционируют в качестве дискурсивных маркеров (см. примеры 126-128). Данная гипотеза будет проверена в параграфе 3.4.

(126) **ФУР2** ТЖ: Стреляет тем более Агуэро, а не кто-нибудь. // **Четыре-два.** Плюс два – та разница, которая устраивает Сити, нарисовалась на табло. Ну что? Чем ответит Тоттенхэм? Он и так весь матч отвечает хорошими своими атаками.

(127) **ВР1** Тем временем, мы добрались до зоны передачи питания. Вы видели, что отрыв разгрузил карманы и готовится взять все. // **За восемьдесят восемь километров до финиша** сегодняшнего этапа в Льеже, в городе, безусловно, велосипедном, в городе, с которым связаны-ы незабываемые легенды велосипедного спорта, и мифическая, легендарная «Ля Дойэн» уже в сто двадцать пятый раз прошла там.

(128) **ВА2** RH: What everybody will want, regardless of objective for jerseys as a safe end to the stage. We had Valverde and Izagirre not finishing yesterday. Today we've had Durbridge having a pullout as well. (пауза) // Eighty kilometers to go on stage two of the Tour de France. We don't want one of those typically crashier weeks for the Tour.

Подводя итоги параграфа, нужно сказать, что дискурсивные маркеры являются неотъемлемой частью дискурса спортивного комментирования. Такая необходимость связана с двумя причинами: (а) такой продолжительный и спонтанный дискурс требует членения на смыслообразующие и связные единицы; (б) комментатор, следя за ходом соревнования, не может отставать от телевизионного изображения, из-за чего переключается с одного события на другое. Дискурсивные маркеры одновременно входят в коммуникативную стратегию спортивных комментаторов, которые хотят быть понятыми аудиторией, и являются результатом реакции на изменчивую природу спортивных событий.

Количественный анализ дискурсивных маркеров показал, что в подавляющем большинстве случаев смена эпизода происходит из-за смены референта. Референциальный сдвиг важен в футбольном комментировании, так как «возвращение на поле» происходит с помощью номинации игрока, который на момент комментария владеет мячом. Смена референта также выделяется в комментировании велогонки, но дает больше простора для других типов маркеров.

Локативный сдвиг в речи комментаторов происходит чаще, чем темпоральный. Таким образом, они ориентируют аудиторию больше в пространстве, чем во времени. Более того, среди трех самых явных типов сдвига темпоральный оказался менее частотным по сравнению со сменой эпизода через призыв. Очевидно, что в парном/групповом комментировании призывов в начале

эпизода больше, так как репортеры обращаются не только к аудитории, но и коллегам.

Статистически представленные графы мало отличаются друг от друга за исключением расшифровки BP1, где намного чаще используется нулевой маркер и возвращение к прерванным эпизодам. Вполне возможно, что это идиостилевая черта речи Сергея Курдюкова. Он лучше чувствует композицию своей речи, более смело переходит от одного эпизода к другому, не используя для этого дополнительных прагматических подсказок в виде дискурсивных маркеров.

Спортивные комментаторы, сохраняя связность своей речи, используют не один изолированный дискурсивный маркер, а несколько. Смешанные маркеры не обязательно служат интенсификацией подсказки о том, что начинается новый эпизод. Референциальный, локативный и темпоральный сдвиги могут произойти одновременно, так как спортивные комментаторы активируют различные области знаний и предшествующие события и чередуют их в своей речи.

Помимо призыва, данное исследование выявило новые типы дискурсивных маркеров, присущих дискурсу спортивного комментирования. Достаточно известный комментаторский штамп *посмотрим* (*we'll see*) был обнаружен в качестве дискурсивного маркера. «Маркер интереса» также модифицирует вступление в сообщение о важном соревновательном событии.

3.4. Типовые языковые шаблоны в комментировании разных видов спорта

События спортивных соревнований отличаются повторяемостью. К примеру, командные виды спорта проходят по правилам игры с ограниченным количеством возможных действий, которые повторяются по ходу матча. За один футбольный матч может быть сделано множество передач и несколько десятков ударов по воротам. Каждое из этих событий освещается в речи спортивных комментаторов. Для выражения такой информации требуются повторяющиеся языковые формы,

или языковые шаблоны, отличающиеся краткостью, так как они передают типовое сообщение при дефиците времени.

Языковые шаблоны также используются при активации в речи таких ключевых параметров соревнования, как счет, временные отрезки и прочие показатели, отражающие текущее положение спортсменов. Такая информация служит контекстуальным ориентиром для комментатора и аудитории, чтобы приписать важность событию в той или иной ситуации. Например, отрывок, где комментатор указывает на обгон одного гонщика другим, будет менее акцентированным, если обгон происходит на раннем этапе гонки, нежели чем перед самым финишем. В данном случае на важность события влияет оставшаяся дистанция гонки.

В комментировании каждого анализируемого вида спорта были найдены как минимум четыре языковых шаблона: три уникальных для каждого и один универсальный для всех.

В комментировании гонки «Формулы-1» встречаются три языковых шаблона: «количество кругов», «разрыв» между гонщиками (отставание/преимущество) и «лучший круг». Все этим параметры являются существенными во время автогоночного соревнования. Шаблон «количество кругов» указывает на продолжительность гонки; шаблон «разрыв» отображает расстояние между гонщиками и намекает на возможность борьбы между ними; шаблон «лучший круг» используется с целью узнать самого быстрого гонщика на дистанции на данный момент.

Вхождения шаблона «количество кругов» можно поделить на две подгруппы»: те, что эксплицируют количество пройденных кругов (129-133), и те, что актуализируют информацию о количестве оставшихся кругов (134-135).

(129) **ФОР1** Простите, небольшие проблемы здесь у нас возникли, но будем надеяться, что все будет сейчас нормально. // Так вот, а… **Шесть кругов уже позади.**

(130) **ФОР1** Ну а Грожан уже на три секунды от них отъехал и подъехал к другой испанской машине, к Педро Де ля Росе, так что думаю, что вскоре… А вот все, **заканчи- закончили они восьмой круг**, и он уже впереди.

(131) **ФОР1** …все-таки отстает он от пары Торо Россо при том, что они ведут борьбу между собой, и при том, что их никто не блокирует от Мерседеса Росберга, они отстали уже на три секунды. (пауза) // Между Алонсо и Уэббером те же самые три сейчас **после уже девяти кругов**. У обоих лучшие для себя круги в этой гонке…

(132) **ФОР1** И в Ред Булле готовятся к пит-стопу. Феттель останавливается, Феттель останавливается первым, в то время как **после десятого круга** и Алонсо, и Уэббер еще сняли со своих предыдущих результатов…

(133) **ФОР1** Кстати, на последних кругах Марк, несмотря на то что у него была более мягкая резина, чем у Фернандо, перестал терять времени. Там вот было стабильно все те же самые четыре секунды, и **после четырнадцати уже кругов дистанции** они шли в одном темпе.

(134) **ФОР1** Так, все, значит дождя уже не ожидается сейчас. По крайней мере, в ближайшие тридцать минут, а, учитывая, что **нам остается одиннадцать кругов до финиша**, которые проходятся за одну тридцать пять, ну то есть где-то шестнадцать-семнадцать минут до финиша, по идее дождя быть не должно.

(135) **ФОР1** Опять начудил Пастор по ходу этого уикенда. // А тем временем Марк Уэббер **на последнем круге дистанции.** Вудкот позади. Коупс позади. Вход в Мэгготс. Левый-правый апекс.

Контексты 129-135 расположены в хронологическом порядке появления в эфире, а это значит, что в первой половине гонки сообщается о количестве пройденных кругов, а во второй – о количестве оставшихся кругов. Иными словами, комментатор выбирает число согласно его близости к началу дистанции в первой половине гонки и близости к концу дистанции – во второй. Единственным исключением является контекст 136, в котором языковой шаблон «количество кругов» объединяет оба подварианта:

(136) **ФОР1** Теперь посмотрим на Хэмильтона. Хэмильтон сейчас, **после двадцать первого останавливается. Останется ему тридцать один круг. Тридцать один круг.** При том, что он (пауза) по идее сейчас перешел на мягкую.

В данном случае использование обоих подвидов вызвано интересом к тактике команды Льюиса Хэмильтона. Фрагмент произносится при пит-стопе гонщика с сопутствующей сменой резины, которая может держаться только определенное количество кругов. Сначала комментатор называет порядковое числительное, соответствующее текущему кругу, так как прошло меньше половины гонки. Оставшуюся дистанцию он называет дважды, намекая на важность этого параметра гонки и сомневаясь в том, хватит ли этого комплекта

резины до финиша. В контексте 136 зафиксирован единственный случай эллипсиса, где выпало существительное *круг – после двадцать первого [круга] останавливается*.

Чаще всего языковой шаблон «количество кругов» реализуется в предложных фразах после предлогов *после* (131-133) и *на* (135). В качестве подлежащего именная группа, обозначающая само количество кругов, использовалась дважды (129, 134); в качестве дополнения – единожды (130).

Еще одним важным повторяющимся параметром гонки «Формулы-1» является смена обладателя лучшего круга. Чем дольше идет гонка, тем меньше топлива в баках болидов и тем быстрее гонщики проезжают круги. Эта информация зачастую показана на экранах в виде специального графического титра, однако может быть передана комментатором с опорой на данные так называемого «лайв тайминга», который видит перед собой репортер. Стандартный языковой шаблон «лучший круг» состоит из грамматической основы двусоставного предложения (где подлежащим является гонщик-автор лучшего круга, а сказуемым – форма глаголов *показать*, *отбирать*, *проходить*) с дополнением *лучший круг* и числительным, обозначающим время прохождения дистанции:

(137) **ФОР1** А вот все, заканчи- закончили они восьмой круг, и он уже впереди. Он уже впереди, и даже несмотря на обгон Де ля Росы **он показал абсолютно лучший новый круг среди всех и вышел из одной тридцати девяти даже Роман. Одна тридцать восемь и девять сейчас у него…**

(138) **ФОР1** И кстати **Кими**, как только он обогнал Михаэля, **он сразу же показал лучший круг в этой гонке – тридцать семь и три**. До этого был у Марка Уэббера лучший круг, сейчас — у Кими Райкконена.

(139) **ФОР1** Возвращается позади Росберга. Тем временем, **Грожан отбирает лучший круг – тридцать шесть и четыре** у Романа на свежей резине, мгновенно она прогревается.

(140) **ФОР1** Грожан сейчас штампует один круг за другим. **Следующий свой прошел еще быстрее – тридцать шесть и четыреста девяносто две у него было.**

(141) **ФОР1** Девятнадцать и шесть до Алонсо ему. **Райкконен отбирает лучший круг – тридцать пять и восемь. Восемьсот девяносто четыре** – на шесть тысячных, правда.

(142) **ФОР1** Кими, видимо, почувствовал угрозу со стороны Грожана и прибавил, три десятки отыграл у него обратно – **тридцать пять и три показал лучший круг**…

Существительные *секунда* и *минута*, фиксирующие шаблон «лучший круг», подвергаются значительному эллипсису. Например, вместо полноценной фразы *одна минута тридцать пять секунд и три десятых секунды* в контексте 142 имплицируется информация о том, что круг проходится минимум за одну минуту (это совместное знание комментатора и зрителя, что быстрее минуты круг проехать невозможно), что первое числительное *тридцать пять* означает количество секунд, прибавленных к одной минуте, а второе числительное *три* означает количество десятых секунд. Только в контексте 137 числительное *одна* относится к опущенной единице *минута*.

В большинстве из языковых шаблонов «лучший круг» (14 из 20) также выпадает глагол – осуществляется только номинация гонщика и времени лучшего круга:

(143) **ФОР1 Перес – лучший круг пока, тридцать девять и семь.** Серхио Перес.

(144) **ФОР1 Тридцать пять и девять – лучший круг этой гонки у Марка Уэббера.** Девятнадцать и шесть до Алонсо ему.

(145) **ФОР1** Но за первое место **Марк** может из этих двадцать больше трети, а именно семь, разом отыграть. Двадцать пять на восемнадцать. И **лучший круг** сразу же после того, как обогнал, – **тридцать четыре девятьсот пятьдесят три**. Первый из одной тридцати пяти.

В трех контекстах время прохождения круга вообще не упомянуто:

(146) **ФОР1 …лучший круг щас у Грожана**, который откатился на последнее место после своего пит-стопа, очень раннего пит-стопа…

(147) **ФОР1 Феттель – лучший круг** на свежей резине. Феттель на двенадцатом месте сейчас.

(148) **ФОР1 Лучший круг сейчас очередной был у Лотуса.** Я только сказал, что быстрее всех Уэббер на этом круге – нет, быстрее всех был Кими.

Языковой шаблон «разрыв» является самым частотным в комментировании гонки «Формулы-1». С помощью него комментатор рассказывает аудитории о возможной борьбе между пилотами, находящимися на соседних позициях, и подсказывает ей положение гонщиков относительно друг друга. Языковой шаблон «разрыв» также обладает двумя подвидами: «отставание» и «преимущество» в зависимости от положения пилота, выступающего в качестве значимого

референта. В подавляющем большинстве случаев шаблон «разрыв» подается с точки зрения догоняющего гонщика. Иногда в нем используется глагол *отставать*:

(149) **ФОР1** Сам **Картикеян на две секунды отстал** от Педро Де ля Росы.

(150) **ФОР1** Шумахер и Райкконен **на четыре секунды отстали** от Массы. Масса только что показал лучший для себя круг, тридцать восемь сто четыре…

В противном случае комментатор указывает на преимущество одного гонщика над другим с помощью глагола *отъехать* или соответствующей ремарки:

(151) **ФОР1** Ну а **Грожан уже на три секунды от них отъехал** и подъехал к другой испанской машине, к Педро Де ля Росе, так что думаю, что вскоре…

(152) **ФОР1** Масса и **Райкконен**, который по-прежнему пока идет на пятом месте, но **у которого не такое большое преимущество – одна и восемь – над Хэмильтоном.**

По той же логике, что и в шаблоне «лучший круг» слова *секунда* и *десятые (секунды)* имплицируются (см. пример 152). Причем, если отставание между гонщиками измеряется натуральным числом секунд без десятичных дробей, то экспликация существительного *секунда* более вероятна (149-151); в остальных случаях с десятичными дробями оно выпадает:

(153) **ФОР1** Но Уэббер сам подсократил от Алонсо чуть-чуть – **пять и четыре** – при том, что Алонсо щас свой лучший круг в этой гонке прошел…

(154) **ФОР1** Сейчас Себастьян Феттель на пит-стопе – **две и четыре** ему оставалось до Уэббера.

Если же разрыв между гонщиками составляет менее одной секунды, комментатор гонки «Формулы-1» прибегает к жаргонной фразе *на хвосте*:

(155) **ФОР1** Начинаются еще более плотные атаки. Серхио Перес не может ждать. **Серхио Перес на хвосте у Льюиса Хэмильтона.**

(156) **ФОР1** Росберг идет на четырнадцатой позиции, Риккьярдо и вовсе шестнадцать, еще Вернь между ними сейчас, но **Риккьярдо на хвосте у Верня, уже ноль-четыре**, то есть сначала он его пропустил, но потом начал приближаться.

Также в гонках «Формулы-1» существует правило: если гонщик находится менее, чем в одной секунде от соперника впереди, он имеет право воспользоваться системой DRS, дающей возможность получить прибавку в скорости и пойти на обгон. В дискурсе гоночных комментаторов возник термин «зона дэ-рэ-эс»,

который означает, что соперники находятся меньше чем в секунде друг от друга. Этот термин может быть найден в составе шаблоне типа «разрыв»:

(157) **ФОР1 Ноль восемь у Алонсо**, пока он еще **в зоне дэ-рэ-эс**, но останется ли он в ней после вот этого уже круга.

Языковые шаблоны типа «разрыв» также могут появляться друг за другом, когда комментатор называет отставание каждого гонщика от следующего, чтобы зритель понимал расположение гонщиков. Такие случаи сопровождаются повторами обозначений гонщиков, которые сначала находятся в позиции отстающих, а затем – имеющих преимущество:

(158) **ФОР1 Пик на хвосте у Картикеяна**, в его темпе идет. **Сам Картикеян на две секунды отстал от Педро Де ля Росы. Тот в двух секундах от Глока, Глок – в двух от Ковалайнена, Ковалайнен – три и три до пары Вернь/Риккьярдо**. Вернь прошел Риккьярдо, **Вернь – на хвосте у Росберга. Росберг – на хвосте у Баттона.**

Футбольное комментирование характеризуется тремя уникальными языковыми шаблонами: «счет», «время» и «микрособытие». Первые два шаблона касаются главных параметров футбольного матча, в то время как в группу микрособытий попадает номинация отдельных действий спортсменов, продвигающих ход матча.

Называние счета подразумевает произнесение двух числительных, отображающих количество голов, забитых обеими командами. Языковой шаблон «счет» можно поделить на две подгруппы в зависимости от его прагматического проявления: (а) комментатор использует его, чтобы зарегистрировать смену счета, т. е. когда забивается гол (159-161); (б) комментатор напоминает аудитории о том, какой счет в матче в момент речи (162-164).

(159) **ФУР2** Удар по воротам и гол! Уже на четвертой минуте забивает Манчестер Сити! Ничего не предвещало! Рахим Стерлинг – **один-ноль.**

(160) **ФУР2** А вот ответ. А вот ответ! **А вот один-один!** А вот тот самый гол, который может-может все перевернуть! **Один-один!**

(161) **ФУР2** А сейчас Моура, автор двух голов, трех голов в предыдущем туре, подхватил мяч, дальше пас налево, Сон, ударная позиция… Фантастика! Фантастика! **Два-один – Тоттенхэм впереди**, и Сити нужно забивать три.

(162) **ФУР2** Вот пожалуйста – два удара в створ с каждой стороны и **счет два-два**. Полное соответствие нижней нашей графики, да, информационной и той, что горит в верхнем левом углу.

(163) **ФУР2** Тридцатая минута, **три-два, Манчестер Сити впереди**. Очень кучно были забиты мячи в этой встрече.

(164) **ФУР2** Так что доверимся арбитрам, счет – **три-два по-прежнему**. Пенальти в ворота Тоттенхэма нет, и Тоттенхэм с мячом.

Помимо самого счета в контекстах 161 и 163 комментаторы уточняют, какая именно команда лидирует в матче. Это необходимо в случаях, когда они называют счет, начиная не с команды, которая является хозяином поля и стоит первой на табло, а ту команду, которая забила больше мячей. В таком случае нужно уточнять, кто именно имеет преимущество по голам.

Среди шаблонов «счет» в футбольном комментировании встречаются и перефразировки. Например, в отрывке 165 типичное сочетание *два-два* заменено на эксплицитное сообщение о том, сколько мячей было забито и пропущено, а в отрывке 166, напротив, указан только результат, но не точный счет:

(165) **ФУР2** Не устраивает игра в обороне главного тренера Тоттенхэма. Ну а как иначе, когда к одиннадцатой минуте **пропущено два гола. Но, правда, и забито тоже**.

(166) **ФУР2** Кстати, **победный счет горит на табло**, но Сити этого мало.

Интересно, что в матчах, в которых было забито много голов, комментаторы суммируют их в общее количество мячей, забитых обеими командами. Таких контекстов в анализируемой расшифровке было пять:

(167) **ФУР2** Фантастический матч. Семь минут прошло, и уже **два гола**.

(168) **ФУР2** Ну вот этим сейчас защитники не только Тоттенхэма, некоторые защитники Сити и занимаются… вот уже двадцать одну минуту – **пять голов** за двадцать одну минуту. Чудо.

(169) **ФУР2** Как они здорово и быстро распоряжаются мячом, чтобы развивать атаку. Эм, не задумываясь. И **вот эти голы, пять штук**, которые уже забиты, на самом деле не случайны, потому что сегодня ориентация команд на игру вперед…

(170) **ФУР2** ММ: Сколько добавит Чекир? Наверное, много, да? Учитывая всю вот эту историю с Муссой Сиссоко. ТЖ: Да и **пять голов** – это достаточный повод накинуть минуту как минимум только за это.

(171) **ФУР2** ТЖ: Здорово смотрится Тоттенхэм, если бы он не жался к воротам эпизодически. ММ: Да вообще отлично игра смотрится, и Сити тоже хорош. ТЖ: Да, и… ММ: **Пять мячей** уже сегодня увидели. ТЖ: Нет, то, что это качество футбола высочайшее – это очевидно.

В играх стадии плей-офф Лиги Чемпионов помимо счета текущего матча учитывается сумма забитых мячей за две встречи. Комментаторы ответных матчей также могут говорить о том, какая команда проходит дальше по сумме двух встреч, без упоминания счета:

(172) **ФУР2** Преимущество, кстати, по процентам для Сити может быть и нетипичное, минимальное. Тоттенхэм… **Пока этот счет**, я-мы вам напомним, **устраивает именно Тоттенхэм.**

(173) **ФУР2** Фантастика. И **на данную секунду дальше идет Манчестер Сити.**

В контекстах 163 и 168 шаблону «счет» сопутствует шаблон «время». Как правило, он передается порядковым числительным с существительным *минута* в роли подлежащего или обстоятельства времени:

(174) **ФУР2 Пятьдесят вторая минута заканчивается**, пока без голов после перерыва.

(175) **ФУР2** Уже **на четвертой минуте** забивает Манчестер Сити!

Естественно, чем ближе конец матча, тем более вероятно, что языковой шаблон «время» будет содержать информацию не о прошедших минутах матча, а об оставшихся:

(176) ФУР2 Ну что ж, **две минуты остается играть**, и штрафной довольно опасный здесь у штрафной площади Тоттенхэма.

(177) ФУР2 Учитывая то, как эта встреча начиналась, да, трейлер этой встречи мы увидели в первые одиннадцать минут, а, учитывая это, ты посмотри, вот они **те же одиннадцать минут с небольшим сейчас и остаются.**

Комментирование футбольного матча зачастую осуществляется короткими фразами, передающими информацию о небольших событиях, происходящих на футбольном поле. Комментаторы следят за положением мяча и рассказывают о каждом микрособытии вроде передачи, вброса мяча из-за боковой линии, удара по воротам. Из этих шаблонизированных фраз создаются непрерывные последовательности вплоть до того момента, когда ситуация на поле разряжается, а комментаторы могут начать новый эпизод. В данном исследовании такие языковые шаблоны были отнесены к категории «микрособытие». Представим пример с обычной номинацией момента:

(178) **ФУР2** ТЖ: (С) Да, сейчас именно таким выматыванием занимается Сити. **Передача на фланг!** Кевин Де Брёйне снова с правого фланга подает – **удар**!

Фразы *передача на фланг* и *удар* являются стандартными простыми единицами, фиксирующими «микрособытие» футбольного матча.

В некоторых случаях упоминание самого «микрособытия» опускается, но по контексту понятно, какой элемент футбольного матча имел место:

(179) **ФУР2** ТЖ: Ох, как изящно было! И это что? ММ: **Чисто-чисто.** ТЖ: **Чисто сыграно!**

(180) **ФУР2** И в обратную сторону все-таки. Стерлинг! **Слева есть продолжение!** Куда сам полез?

(181) **ФУР2** ММ: **Вот моментище** был у Гюндогана! Хватается за голову и сам футболист, и, конечно, Пеп Гвардиола, да полстадиона сейчас схватилось за голову. Тимур Журавель сейчас продолжает сидеть, схватившись за голову. **Моментище!**

В примере 179 наречие *чисто* обозначает качество выполненного отбора, прошедшего без нарушения правил. Фраза *слева есть продолжение* (180) означает, что на левом фланге скорость набрал один из игроков команды, владеющей мячом. В примере 181 к существительному *момент* (под которым может подразумеваться любая опасная ситуация вблизи ворот одной из команд) прибавлен усилительный суффикс *-ищ-*, добавляющий оценочный компонент к языковому шаблону. Иногда оценка действий спортсменов в рамках шаблона «микрособытие» явно выражается лексически:

(182) **ФУР2** ММ: Это Деле Алли. **Неудачный пас** от Сон Хён Мина, и вот уже в обратную сторону готова разжаться пружина.

(183) **ФУР2** ТЖ: Это аут, по-моему, в пользу Тоттенхэма. Уокер, возвращаясь назад, ничего не лучше не придумал, как просто мяч пульнуть за линию. ММ: **Это несчастный случай.** Ну, в любом случае все игроки Сити уже на своей половине поля.

(184) **ФУР2** ММ: Уокер. Возвращается к нему мяч. **Последний штурм ворот Тоттенхэма**. Сане, скидка!

В примерах 182 и 183 для характеристики микрособытия используются оценочные прилагательные. Завершающие атаки команды в контексте 184 обозначены с помощью военной метафоры *последний штурм*.

Очевидно, что языковые шаблоны типа «микрособытие» наиболее частотны в футбольном комментировании, так как матчи сотканы из десятков таких

небольших моментов, регистрируемых в речи комментаторов такими же короткими языковыми сообщениями.

Так же, как в комментировании автогонки, в велогоночных репортажах отслеживается количество километров до конца этапа. Однако комментатор почти не сообщает количество пройденных километров, за исключением трех контекстов из англоязычного эфира:

(185) **BA2** And this is the peloton that already trying to settle down **after just one and a half kilometers**, but, as Juan Antonio just mentioned, we've got a fourth category climb very early on…

(186) **BA2** And you can see that at the moment we are having a bit of a speed comparison, roughly the same speed between the two groups, three minutes and thirteen seconds, and **we're just over ten kilometers into this first road stage of the Tour de France**, the second stage this year.

(187) **BA2** These guys out front for much of today, and in fact **we're just passing the hundred kilometers done marker**, and there's still one hundred and three to go.

Контексты 185 и 186 возникают в эфире в самом начале гонки, поэтому отсчет от начала дистанции ведется чисто символический. А пример 187 иллюстрирует случай, когда гонщиками была пройдена дистанция, численный показатель которой является круглым – 100 километров. Интересно, что в контекстах 186 и 187 для ввода языкового шаблона «километры до финиша» использовано местоимение 1 лица множественного числа, как если бы сами комментаторы и зрители пересекали эту черту вместе с велогонщиками.

В остальном языковой шаблон «километры до финиша» содержит фразу с числительным, отсылающим к количеству оставшихся километров дистанции. Русскоязычный комментатор избирает в качестве сказуемого глагол *оставаться*; англоязычные комментаторы – фразы *remaining* и *to go.* Также русскоязычный комментатор варьирует фразу-модификатор, используя единицы *до финиша* и *до финишной черты*:

(188) **BP1 Пять километров остается до финишной черты**. Пять километров и еще несколько перегибов дороги. За три километра тоже будет поворот, но вроде бы как достаточно скоростной, посмотрим.

(189) **BA2 Hundred and thirty-five kilometers of today remaining.** And no chance of the yellow jersey swapping hands unless something untoward happens, so let's hope that everyone stays safe.

(190) **BA2** Peloton chasing behind. **Just under ninety kilometers to go.** Two twenty-nine's the gap.

Второй важный параметр велогонки, за которым необходимо следить комментаторам, – это преимущество отрыва от пелотона. В начале каждого этапа многодневной гонки небольшая группа гонщиков формирует так называемый «отрыв», который отъезжает от основной группы. В течение всей оставшейся гонки задача пелотона догнать уехавших гонщиков. Расстояние между этими двумя группами гонщиков измеряется в единицах времени. Шаблон, содержащий такую информацию, был назван нами «преимущество отрыва»:

(191) **BP1 Разрыв между тем для отрыва угрожающий: всего лишь чуть больше минуты**, и если группу кто-то заведет, но группе всегда не выгодно, особенно в сложную погоду, не выгодно отрыв дня поймать за пятьдесят километров…

(192) **BA2 Two minutes and twenty is the gap.** And this has been a proper holding pattern. All the sprinters' teams have managed to come up to the front and indeed show their face and buying the right to fight.

Русскоязычный комментатор часто называет расстояние между группами *разрывом* – это существительное появляется в качестве подлежащего. Английским эквивалентом является существительное *gap*.

Информация о точном расстоянии вплоть до секунды является лишней, так как зритель на экране может наблюдать за инфографикой самостоятельно. Поэтому комментатор может ограничиться репликами с приблизительными данными:

(193) **BP1** Несколько операций, затяжной процесс восстановления, и сейчас, разумеется, Финни не чувствует себя вправе рисковать, пусть даже **уходит постепенно его преимущество, которое он довел почти до минутного.**

(194) **BP1 Р-р-разрыв все ближе и ближе к трем минутам.** Гонка пока аккуратная. Ребята берегут друг друга.

Последним ключевым параметром в велоспортивном комментировании является состав лидирующей группы. Зрителям необходимо идентифицировать гонщиков, находящихся в отрыве, так как они часто попадают в объективы камер. Для этого комментаторы задействуют языковой шаблон «состав отрыва», в котором перечисляют гонщиков и дают им небольшую характеристику:

(195) **ВР1 Три француза и американец**, превосходящий их на голову с лишним и по успехам личным, если уж так, и-и сугубо по физическим данным, по росту. **Тэйлор Финни**, родители которого велосипедисты, и отец погонялся в профессионалах.

(196) **ВА2** …he's been out there and he could well be on the podium at the end of the day in the polka dot jersey, but remember: we have one more climb later on that is in Belgium. **He's with three other riders. Pichon is there, the Frenchman. In fact, two other Frenchmen with him as well. We saw Thomas Boudat, rider from Direct Energie**, one of the four invited teams to this Tour de France, three of those invited teams have managed to get themselves in the breakaway.

Являясь главными параметрическими опорами велогонки, шаблоны «километры до финиша», «преимущество отрыва» и «состав отрыва» часто формируют группы, которые ориентируют аудиторию в сложившейся ситуации. Нередко появляются контексты, где эти шаблоны используются друг за другом:

(197) **ВР1 Меньше двух** – запас, оставшийся **у Финни и его трех французских попутчиков**. Очень дружный получился побег, не всегда идеально эффективный, иногда друг друга по ритму поправляют гонщики.

(198) **ВА2 A hundred and twenty-six point three kilometers of today remaining. Two and a half minutes, just a little bit more than that.** The pace has just been knocked back.

(199) **ВА2 A hundred and fifty-two kilometers still to go on stage two of the Tour de France.** We're still in Germany at the moment, just left Düsseldorf after doing a loop around the city where we started this twenty-seventeen Tour de France. **Three minutes and seventeen for a breakaway of four riders that's away. Taylor Phinney won the first king of the mountains climb, the fourth category climb, the Grafenberg that was taking on early on. Pichon's with him, Boudat's with him, also Offredo.**

В контексте 197 за шаблоном «преимущество отрыва» следует информация о «составе отрыва». В паре также могут идти шаблоны «километры до финиша» и «преимущество отрыва» (198). А контекст 199 и вовсе объединяет все три шаблона – эта триада составляет короткое резюме гонки, которое позволяет недавно подключившимся зрителям войти в курс дела.

Характерным для комментирования всех видов спорта является шаблон «видеоповтор». У телевизионных технических бригад имеется возможность транслировать ключевые моменты соревнования или те, которые были упущены во время прямого эфира. В любой момент трансляции «живая» картинка может быть замещена видеоотрывком. Когда это происходит, спортивный комментатор обращает внимание зрителя на видеоповтор и с интересом наблюдает за ним, так

как он позволяет более точно описать произошедшее и дает основание для более глубокой аналитической работы.

Одним из частотных проявлений шаблона «видеоповтор» является использование дискурсивных маркеров места и глаголов в прошедшем времени:

(200) **ФОР1** ждет самого Эйнтри сейчас Фелипе, чтобы начинать открывать крыло, в то время как можно это делать раньше, вот здесь, а… нет, не увидим мы. // **А вот что произошло у Феттеля.** На самом деле, о Фелипе Массу он сломал свое крыло.

(201) **ФУР2** ТЖ: Ну, будет и еще шанс наверняка, но этот шанс превосходный… ММ: **Вот здесь, вот здесь, кстати, мне кажется, было положение вне игры.** Вот тут, в момент скидки на Гюндогана.

(202) **ВА2** Nervous-nervous finish with all the principal sprinters involved, but in the end it was Marcel who had that great time trial yesterday, nails it on the sprint, on the line here, in Liège. (пауза) // SK: Well, as we forecasted, y'know, **what a sprint there, we could see** Colbrelli, Matthews, of course, Kittel, we can see, Demare also very close there, and Greipel – all of the big sprinters…

Шаблон «видеоповтор» отмечается идиостилевым разнообразием в речи комментаторов и часто проявляет себя в личных формах глаголов, личных местоимениях:

(203) **ФОР1** Но вот несмотря на этот контакт и на то, что медленная машина Мальдонадо на трассе, пейс-кара пока нет. // **Смотрите**. По внешней пытался здесь Чеко Перес, и Пастора снесло на него. Но затем уже обоих развернуло – это понятно.

(204) **ФУР2** ММ: (одновременно) Пожалуй, все-таки да, офсайд. ТЖ: Все-таки был. // ММ: **А мы еще раз смотрим** голевую атаку. Опять же, очень много игроков рядом с Кевином Де Брёйне…

(205) **ВР1** К сожалению, то ли отравился, то ли инфекцию какую-то поймал – не помню точно – и это подпортило ему ситуацию. // **Ну вы видите**, говорю, Саган просто бросил даже, пропустив три-четыре человека по инерции. Как-то не очень привычно наблюдать это.

(206) **ВА2** Many didn't have a great start by thou (?) standards, but there he comes through and close at hand, **as you can see**, the French champion Demare. Mark Cavendish made a very good account of himself as well…

Алексей Попов обращается к зрителям, используя глагол *смотреть* в императивной форме (203). Сергей Курдюков в этом случае чаще всего избирает глагол *видеть*, но в форме изъявительного наклонения, обозначая действие, совершаемое зрителями (204). Примеру 204 эквивалентен английский вариант *as you can see* из контекста 206. Михаил Моссаковский в свою очередь объединяет комментаторов со зрителями и оперирует глаголами первого лица множественного числа (205).

Шаблон «видеоповтор» иногда служит подтверждением верности сообщения, сделанного комментатором во время эфира. Если содержание видеоотрывка соответствует изначальному описанию, комментаторы в начале шаблона используют слово *да* и *yes*, обозначающие согласие:

(207) **ФОР1** И что же Грожан? На торможении здесь, издалека начал тормозить и перетормозил в Бруклэндс. Не вынесет ли его широко перед Лаффилдом? Нет. **Да**, подготовил свою атаку и провел блестяще.

(208) **ФУР2** **Да**, грубо довольно сыграно. Но самое интересное, что судя по этому повтору так и не успел въехать в ногу Фернандиньо.

(209) **ВР1** Экс-чемпион мира Квято, Михал Квятковский, провел зубодробительную смену, но силы не беспредельные. // И снова нам показывают этот эпизод. **Да**, вы видите, даже бе-без наезда – там внутри была плитка кое-какая…

(210) **ВА2** СК: It was contested, it's not gonna be as brutal as the finale at the very end, but some good work there. // BS: **Yes**, and Kristoff just taking out Colbrelli in the right-hand side.

Обозначенные языковые шаблоны появляются в разных эпизодах и фрагментах дискурса спортивного комментирования. Каждый из них передает повторяющуюся информацию или обозначает для аудитории основной параметрический фокус трансляции и/или соревнования. К тому же было замечено, что некоторые языковые шаблоны располагаются в начале эпизодов. Есть основание полагать, что они служат в качестве дискурсивных маркеров, являясь семантической опорой для перехода к новому эпизоду, как это можно увидеть в следующих примерах:

(211) **ФОР1** И пока нельзя сказать, что у Хейкки высокий темп, все-таки отстает он от пары Торо Россо при том, что они ведут борьбу между собой, и при том, что их никто не блокирует от Мерседеса Росберга, они отстали уже на три секунды. // Между Алонсо и Уэббером те же самые **три** сейчас **после уже девяти кругов.**

(212) **ФУР2** ТЖ: Но это тот трейлер, после которого ты бросаешь все и идешь смотреть сам фильм. ММ: А мы его и продолжаем смотреть. // **Удар по воротам.** Но здесь без опасности.

(213) **ВР1** Ни разу они никаких лавров не добивались больших по итогам этих отрывов, но всякий раз все равно выполняют эту свою непременную миссию. // **Финни и Оффредо в пятидесяти секундах впереди.** Хвосты после завала продолжают собираться, постепенно.

(214) **ВА2** SK …but he's coming to this Tour de France, he's talked about stage victories, of course, and maybe that's the reason he just wants, y'know, to play it safe and not take any danger and go for stage victories later in this Tour. // CK: **Thirteen point four kilometers** out, **it's fifty seconds gap** and there's a lot of chit-chat going on at the moment, as you can see.

В примере 211 говорящий переходит от комментирования борьбы гонщиков за далекие позиции к соперничеству двух лидеров – Алонсо и Уэббера, используя при этом все два языковых шаблона в комментировании гонки «Формулы-1»: «разрыв» и «количество кругов». Неудивителен переход к новому эпизоду в контексте 212, где отвлеченный разговор комментаторов прерывает опасный момент, который отражен в языковом шаблоне «микрособытие».

В комментировании велогонки (213, 214) любой шаблон в начале эпизода является исключительно ориентировочным, т. е. служит плавным переходом от одной темы к другой вместо привычной хезитации. В обоих примерах комментаторы могли сразу сообщить о том, что группа собирается вновь и догоняет группу лидеров (*хвосты после завала продолжают собираться*), или о том, что на экране сейчас показывают, как общаются гонщики (*there's a lot of chit-chat going on at the moment, as you can see*).

Таким образом, языковой шаблон в начале эпизода – это продуктивный способ речевого перехода с одной темы на другую, без использования эксплицитных средств связности – например, дискурсивных маркеров. При этом, в отличие от дискурсивных маркеров, языковой шаблон еще и сообщает нужную информацию о параметрах соревнования, которая будет актуальна вплоть до его завершения. При использовании языкового шаблона клишированные выражения повторяются и не требуют дополнительной стилистической работы комментатора. В итоге это время и усилия используются, чтобы изыскать новую тему разговора.

Количество зафиксированных языковых шаблонов отражены в таблице 4. В скобках указано количество тех шаблонов, которые стоят в начале эпизодов.

Таблица 4. Количество языковых шаблонов в изученных расшифровках спортивного комментирования

ФОР1		ФУР2		ВР1		ВА2
разрыв	65 (8)	микрособытие	147 (18)	преимущество отрыва	26 (18)	63 (19)

лучший круг	20 (5)	время	38 (11)	состав отрыва	11 (7)	28 (12)
количество кругов	8 (3)	счет	38 (10)	километры до финиша	9 (7)	58 (19)
видеоповтор	*28 (19)*	*39 (17)*		*6 (4)*		*8 (3)*
итого	**121 (35)**	**262 (56)**		**52 (36)**		**157 (53)**

Статистика показывает, что использование языковых шаблонов особенно важно в комментировании велогонки – самого продолжительного и медленного. 69 % языковых шаблонов в речи С. Курдюкова используются в начале эпизода (результат по всему материалу – 30 %). В то же время большинство нулевых маркеров в англоязычном комментировании велогонки – это на самом деле языковые шаблоны, в которых нет общепринятых дискурсивных маркеров, оповещающих о начале нового эпизода. Более того, эти повторяющиеся единицы встречаются тем чаще, чем ближе велогонка к своему завершению.

Языковые шаблоны в целом сопровождают речь спортивных комментаторов и решают ряд прагматических задач: от общего информирования аудитории о параметрах события до заполнения хезитации перед началом нового эпизода. Большинство языковых шаблонов следуют определенным структурам и правилам, описанным в данном параграфе. Зачастую они сопровождаются эллипсисом, так как при восприятии шаблона аудитория понимает его тип и дополняют недостающие элементы самостоятельно. Самым ярким примером является шаблон «лучший круг» в комментировании автогонки, где при назывании времени прохождения круга выпадают слова *минута*, *секунда* и даже некоторые числительные.

Анализ показал, что языковые шаблоны используются в качестве дискурсивных маркеров. Этот факт подтверждает их место в стратегически оправданном построении дискурса спортивного комментирования. Они

необходимы для членения текста на самостоятельные единицы, чтобы переключить зрителя на обработку новой макропропозиции. Данный инструмент отсутствует, например, в арсенале университетских лекторов, которые обходятся только лишь дискурсивными маркерами и сменой интонации, тона голоса и других фонетических показателей. Однако языковые шаблоны могут быть зафиксированы и в других типах дискурса, в которых говорящие передают часто сообщают повторяющуюся информацию.

3.5. Синтаксические особенности спортивного комментирования

В параграфах 3.1-3.2 были освещены основные единицы глобальной структуры дискурса спортивного комментирования – дискурсивных фрагментов и эпизодов. В последующих двух параграфах (3.3-3.4) были идентифицированы локальные единицы, обеспечивающие формацию таких сегментов, – дискурсивные маркеры и языковые шаблоны.

Сейчас фокус исследования направляется на дискурсивные стратегии локального уровня, не влияющие на макроструктуру дискурса. На уровне синтаксиса нас интересуют высказывания, обеспечивающие локальную связность внутри макроединиц.

Спортивные комментаторы, воспринимая быстро сменяющиеся события и пытаясь обсудить наиболее значимые, не только часто переходят от одной темы к другой, но и нарушают логико-стилистические нормы. Иногда они не могут подобрать нужное слово, допускают логические ошибки, обрывают предложения. Все это происходит из-за необходимости разграничения важной и фоновой информации, особенно когда при произнесении незаконченной фразы необходимо вставить в нее контекстно важную информацию.

Несмотря на то, что использование сложноподчиненных предложений нехарактерно для сравнительно незапланированного дискурса [Johnstone 2008, p.

213], комментаторы часто порождают фразы с определительными придаточными и союзным словом *который*. С точки зрения теории речевых жанров такая синтаксическая особенность может быть обусловлена требованиями публицистического стиля.

В случае со спортивным комментированием раскрывается примечательный принцип разговорной грамматики. Придаточные с союзным словом *который* в мгновенных высказываниях функционируют несколько иначе, чем в заготовленных или написанных предложениях. Здесь может сказываться разговорная категория *headers/tails* — элементы, сдвинутые влево или вправо в зависимости от доступности активируемой информации [Carter, McCarthy 2017, p. 8]. Чаще всего важная (новая) информация из спортивного события помещается в конец, потому что комментатор сначала актуализирует ту информацию, которую проще вспомнить. Приведем примеры:

(215) **ФОР1** А вот как раз Пастор, **который** продолжает свой прорыв, до Тимо уже доехал.

(216) **ФОР1** Лонгони, Гутьяр и Найджел Мэнселл как раз, **которого** мы видели на стартовой решетке, будут принимать решение.

В обоих случаях важная информация — результат погони в контексте 215 и судейская обязанность участников в 216 — расположена в главном предложении. Также сходны эти высказывания тем, что определительное придаточное относится к референту-подлежащему.

На больших объемах текста заметно, что слово *который* чаще всего прилагается к дополнению (321 из 668 вхождений – ≈ 47 %). Это логичное риторическое решение, так как в главной клаузе заключается о «главном» референте, т. е. подлежащем. Например, в предложении 217 в главной клаузе вводится информация об игроке Сон Хён Мине, а именно его позиция, а человек, которого он замещает на этой позиции (Харри Кейн) вводится через дополнение, к которому примыкает клауза, описывающая причину его отсутствия. Более

классический пример представлен в контексте 218: там союзное слово *который* определяет размер бюджета команды.

(217) **ФУР2** Ну и конечно же, Сон Хён Мин, он на острие атаки в отсутствие Харри Кейна, **которого** мы не увидим до конца сезона…

(218) **ВР1** И, безусловно, как состав – все это признают, все без исключения соперники признают, что Скай – это не просто команда с бюджетом, **который** превосходит в ря-, в разы все бюджеты команд высшей лиги: это тридцать пять миллионов.

Велоспортивное комментирование является кладезем предложений с союзным словом *который*: ВР1 – 269 контекстов и ВА2 – 317 контекстов по сравнению с ФОР1 – 46 контекстов; ФУР2 – 56 контекстов (расшифровки ВР1 и ВА2 в два раза больше остальных двух). Скорее всего, это связано с тем, что течение велогонки медленнее остальных видов спорта. У комментаторов есть больше времени для подробных описаний гонщиков и параметров мероприятия, закладывающихся в распространенные предложения и чаще всего – к дополнениям.

Параметр, по которому сравнивалось использование определительных придаточных в речи спортивных комментаторов, касается их местоположения в высказывании. Они могут быть расположены перед основным глаголом клаузы (как в случаях 215 и 216), после него (219) и даже без него (220), а также в качестве определителя второстепенного члена предложения (221):

(219) **ФОР1** К сожалению, к сожалению, в этой гонке так уж с большой долей вероятности не примет участие Виталий Петров, **который** вчера хорошо квалифицировался, **который** вчера во второй раз за сезон опередил своего партнера.

(220) **ФОР1** Дэймон, **в которого** никто не верил, **который** в тридцать с лишним лет дебютировал и все-таки смог взять в итоге в девяносто третьем титул.

(221) **ВР1** Крис Фрум, рядом с Буркхардтом, **который** наконец-то выиграл чемпионат Германии и уже ветеран, но вот за свою долгую карьеру это в первый раз, когда ему удается покорить такое достижение.

Ключевым результатом анализа стало то, что в некоторых случаях положение придаточных не столь важно, так как они в речи спортивных комментаторов следуют за объектом, который они модифицируют, и заканчивают высказывание.

Такие контексты составили 16 % материала исследования (113 из 688 вхождений придаточных с союзным словом *который*). Например:

(222) **ФОР1** Дженсон, **который** начинал с лидерства, то есть он за первую гонку в Мельбурне набрал двадцать пять очков и за следующие восемь гонок подряд набрал столько же – двадцать пять очков, это конечно не самая приятная для него ситуация.

(223) **ФУР2** Здесь же тоже интрига: Кирану Триппье нужно доказать, что потеря Кайла Уокера, **которая** в свое время была так ощутима и в первую очередь для болельщиков Тоттенхэма. Маурисио Почеттино сразу говорил, что нам есть кого- кем заменить этого парня.

(224) **ВР1** Четверка, **которая** также теряет свою компактность на глазах.

(225) **ВА2** The crash **that** happened today taking down around twenty riders. Twenty-five kilometers from the finish.

Наиболее типичными примерами являются контексты 222 и 224, когда за референтом следует его характеристика, которую можно было ввести и без союза или союзного слова *который*. Возникают и случаи, когда вся информация, которую хотел передать комментатор, уместилась в придаточном:

(226) **ФОР1** Лотус, **для которого** тоже это домашняя гонка – Энстоун чуть дальше от Сильверстоуна, чем Бракли, чем Милтон-Кейнс, не говоря уже о Форс Индии, которая расположена прямо здесь.

При порождении спонтанной речи спортивному комментатору гораздо проще назвать команду в начале предложения, в роли подлежащего, в именительном падеже. Более стандартное письменное или заранее подготовленное предложение звучало бы как *для Лотуса это тоже домашняя гонка*. Были выявлены похожие контексты, в которых говорящий мог бы обойтись и без придаточного:

(227) **ФУР2** А вот тот самый гол, **который** может-может все перевернуть!

Контекст 227 выглядит именно так, а не в форме простого предложения *этот гол может все перевернуть*, так как здесь используется усилительная конструкция с наречием *вот*. Это риторическое средство используется не только для акцентирования важности события, но и для внесения эмоциональной окраски.

Таким образом, если форма слова *который* была сказана сразу после референта-подлежащего, есть вероятность, что глагола в главном предложении не будет: в 113 из 171 случаях (≈ 66 %) произошло именно так. Скорее всего, комментаторы действительно используют определительные придаточные для

подачи фоновой информации, а отсутствие глагола в главном предложении связано с тем, что новое событие не наступило или комментаторы еще не успели оформить мысль о результате такого события. Показательными в этом вопросе стали аномальные высказывания, в которых глагол отсутствует уже в подчиненной клаузе:

(228) **ФОР1** Уступил девять секунд Пастору Мальдонадо, **который**, несмотря на все свои вот эти проблемы, столкновения и так далее, но его еще могут наказать.

(229) **ФУР2** Может выйти Санчес, может выйти Фойт, например. Ну, скорее Санчес. И тогда будет переход просто на другую схему, **которая**, учитывая нынешний счет и учитывая то, что сейчас проходит Тоттенхэм дальше…

В некоторых случаях отсутствие глагола компенсируется в следующем предложении или откладывается:

(230) **ВР1** Тридцатилетний бельгиец, **который** в этом году сумел возродиться, **который** в этом году сумел возобновить свое победное шествие, **который** лидировал на Критериуме Дофине и выиграл сенсационно из отрыва первый этап, о чем мы напоминали вчера. Вчерашнюю разделку **он проехал** очень далеко от своих лучших кондиций...

В контексте 230 комментатор использует три относительных придаточных подряд, включая одно, распространенное еще одной подчиненной структурой, после чего его высказывание завершается. Однако следующее предложение, относящееся к изначальному референту *тридцатилетний бельгиец*, уже содержит глагол *проехал*, а в качестве подлежащего вместо именной группы выступает местоимение *он*. Такие вспомогательные местоимения помогают компенсировать недостаток в объеме кратковременной памяти, не способному объять в себе длинные подчинительные конструкции в устном спонтанном дискурсе:

(231) **ВР1** И-и-и те, **которые** на шатунах, вот у «Стэйджес» **они** там стоят, да, и-и «Кварки» те же самые, и-и-и миллион еще всего.

(232) **ВР1** Промежуточный спринт был разыгран практически всеми звездами этого упражнения, и-и Александр Кристофф, **которого** подвезли очень четко, четыре человека участвовало от Катюши в этом развозе, **он** подрезал Мэттьюза, подрезал Колбрелли.

(233) **ВА2** I guess some of his powers **that** we were saying for some time, maybe, some saying **they're** diminished, Brian, but particularly on days like this you can never count out Andre Greipel, particularly with Germany so close to home, I guess.

(234) **BA2** You can almost live where you like, and that is why they are a disparate group, but those **who** have to be trusted to train, **it's**, to my mind anyway, I think it's quite a shortish list…

Таким образом, спонтанная речь спортивных комментаторов интересна с психолингвистической точки зрения. В условиях дефицита времени придаточные предложения с союзным словом *который* используются не с целью дать фоновую информацию, а облегчить передачу сообщения. Причем, судя по контекстам 230-234, комментаторы понимают, что в их высказывании отсутствует глагол, а референт, к которому относится придаточное, находится далеко от текущего контекста, поэтому повторяют его в краткой форме.

Менее систематичной синтаксической особенностью дискурса спортивного комментирования является синтаксический повтор, или параллелизм. Он вызывается незамысловатым механизмом. Вокруг какого-либо слова меняется окружение с совпадающими грамматическими ролями. Чаще всего этими словами оказываются союзы. За счет этих двух факторов повторяются синтаксические модели соединяемых ими простых предложений. Например, именная группа *на трассах* вызывает два однородных придаточных места с помощью союза *где*:

(235) **ФОР1** Не так часто жесткий тип **на трассах, где** высокие боковые перегрузки, **на трассах, где** много скоростных поворотов…

Контекст 236 с синтаксическим повтором отличается стилистическим потенциалом и включает в себя сразу три средства выразительности: синтаксический параллелизм, антитезу (благодаря предлогу *против*) и перифраз, ведь за наименованием команд следует наименование стран, в которых они базируются.

(236) **ФОР1** Мерседес против Заубера. Германская машина из Британии против стопроцентно швейцарской.

В комментировании автогонки (расшифровка ФОР1) было найдено 26 случаев синтаксического параллелизма. Однако в других, даже более объемных текстах данный прием был использован настолько редко, что результатами можно пренебречь. Сфокусируемся на возможных функциях синтаксического повтора и причинах его появления из стратегических соображений участников дискурса.

Как показало исследование, футбольные комментаторы используют самый простой механизм повторения – анафору союзов и дискурсивных маркеров – при описании момента с забитым голом: *а вот* (контекст 237); *это (не)* (контекст 238); *и* (контекст 239). Краткие и даже назывные клаузы в моменты эмоционального напряжения добавляют речи комментатора элемент воодушевленности и акцентируют внимание на важности события, меняющего ход матча.

(237) **ФУР2 А вот** ответ. **А вот** ответ! **А вот** один-один! **А вот** тот самый гол, который может-может все перевернуть! Один-один!

(238) **ФУР2 Это не** футбол, **это не** хоккей, **это не** гандбол, **это** пинг-понг, друзья. Два-два на одиннадцатой минуте.

(239) **ФУР2 И-и** три-два! **И** дубль Рахима Стерлинга, **и** всего один гол остается до полуфинала Лиги Чемпионов.

Анафорические структуры встречаются и при комментировании опасных моментов, не приведших к изменению результата. Эта функция прослеживается и в велогоночном репортаже, где повторяется глагольная форма времени Present Continuous с подлежащим *it* (контекст 242). Ее использование вызвано борьбой на последнем километре дистанции между спринтерами-фаворитами гонки.

(240) **ФУР2 А вот** момент! **А вот** удар! И без всякого офсайда! Эдерсон спасает!

(241) **ФУР2 Вот** он, Льоренте. **Вот** его игра. **Вот** его мастерство. **И вот** его шанс, который испанец не реализовал.

(242) **ВА2 It's jinking and diving** all over the place, **it's getting** a little bit rough…

В связи с фрагментарностью событий, происходящих на футбольном поле, их комментирование отличается прерывистой речью. В таких случаях может использоваться анафорический союз *и*, устанавливающий порядок событий, которые могут привести нарратив к логическому завершению:

(243) **ФУР2 И** ошибка. **И** вперед на Агуэро. **И** бежать. Есть свободные зоны! **Справа** Де Брёйне, **слева** Стерлинг.

В примере 243 представлено два различных примера синтаксического повтора: первый используется в отношении кратких действий футболистов во время розыгрыша; второй служит контрастом между двумя клаузами, регистрирующими положение футболистов (Кевина Де Брёйне и Рахима

Стерлинга) относительно мяча или игрока, владеющего им. Похожий пример отражен в контексте 244, в то время как пример 245 из велоспортивного комментирования представляет собой две пары противопоставленных клауз. В них присутствует прилагательное с нейтральным и негативным значениями, причем второе из них выражено префиксом (*организованный* и *неорганизованный*); антонимизируются прилагательные *парадный* и *страшный*; во второй части клауз повторяется грамматическая основа *выигрывает Киттель*. В данном случае синтаксический параллелизм указывает на постоянство действия в любых, даже противоположных условиях.

(244) **ФУР2** Ну, а вот здесь Кевин Де Брёйне и снова рядом с ним Давид Сильва, опять те же на манеже. **Один с левой, другой с правой.** Де Брёйне, удар по воротам! Выше.

(245) **ВР1 Организованный** спринт (пауза), **парадный** практически, и с поездом **выигрывает Киттель. Неорганизованный** спринт, **страшный**, давка все против всех – все равно **выигрывает Киттель.**

Синтаксический повтор используется также в стартовых объявлениях:

(246) **ФУР2 Это** Этихад Стэдиум, **это** Лига Чемпионов, **это** Манчестер Сити против Тоттенхэма.

Однако главной причиной использования синтаксического параллелизма в дискурсе спортивного комментирования является его функционирование в качестве фасилитатора перечисления:

(247) **ФУР2 Да, несчастный случай – то, что** мяч попал в ногу Роузу; **да, несчастный случай – то, что** Льорис уже завалился и не мог ногой вытащить этот мяч, но как опять провалился фланг у Тоттенхэма.

(248) **ФУР2** Ну вообще **было б** как-нибудь **странно, если бы и** второй тайм стартовал так же рьяно. **Было бы странно, если бы и** после одиннадцати минут второго тайма здесь тоже было забито четыре мяча.

Примеры 247 и 248 интересны тем, что в синтаксический повтор включаются не только значимые единицы *несчастный случай* и *было б(ы) странно*, но и служебные слова, оформляющие последующую клаузу – *то, что* и *если бы и*.

Разновидностью перечисления при синтаксическом повторе также является некая градация – повтор с целью добавления недостающих членов предыдущей клаузы. В контексте 249 добавляется определение с интенсификатором *очень*; в контексте 250 уточняется диапазон фразы, выступающей в роли подлежащего; контекст 251 через повтор вводится альтернативное определение для

подлежащего; в контексте 252 перечисление трех фактов о команде отражает напряженность момента.

(249) **ФУР2** А пока Агуэро, прострел, а точнее **подача на дальнюю штангу. На очень дальнюю штангу.**

(250) **ВР1 Пять километров** остается до финишной черты. **Пять километров и еще несколько перегибов дороги.**

(251) **ВР1 Конечно же, колоссальный успех, и, конечно же, предсказуемый успех**, и, разумеется, ни у кого нет второстепенного вклада в это достижение.

(252) **ФУР2 Они еще не собираются** вылетать. **У них еще есть** время. **Они еще поборются**.

В данном параграфе было заявлено два синтаксических средства, благодаря которым спортивные комментаторы выстраивают новые высказывания, дополняющие информативную часть репортажа, а именно определительные придаточные с союзным словом *который* и синтаксический повтор.

Определительные придаточные в большинстве случаев примыкают к дополнению главной клаузы, зачастую отсылающему к одному из участников соревнования. В таком случае комментатор в одном высказывании может сразу рассказать о двух, например, спортсменах, и заключить две макропропозиции в один эпизод. В комментировании различных видов спорта в определительном придаточном обычно фигурирует информация о событиях, предшествующих текущим. Однако на больших текстах и в репортажах о более медленных видах спорта дополнительная информация касается описаний и рассуждений о настоящем.

Синтаксические повторы в речи комментаторов служат как стилистическим приемом создания напряжения в эфире, так и опорой для перечисления фактов. Во втором случае более удобным становится и порождение речи (комментаторы используют повторяющиеся единицы вроде анафорических наречий, союзов или дискурсивных маркеров), и восприятие речи, так как зрители легко распознают повторяющиеся единицы и готовятся к считыванию новой, зачастую контрастирующей информации.

3.6. Лексико-грамматические категории в спортивном медиадискурсе и социокогнитивные предпосылки их использования

В данной диссертации уже была сформулирована мысль о том, что дискурсивная стратегия не существует в разрыве от образа гипотетического слушателя. Построение дискурса спортивного комментирования на уровне фрагментов и эпизодов происходит в связи с учетом информационных запросов и когнитивных усилий телезрителей, что приводит к эксплицитному или имплицитному членению устной спонтанной речи. Таким образом, в дискурсивную стратегию встраивается и коммуникативная адаптация, в том числе и адаптация комментаторов к речевому поведению коллег.

Когда комментатор работает в одиночку, он в одностороннем разговоре вместе с первичным собеседником (телевизионной аудиторией) наблюдает за ходом спортивного соревнования. Помимо аспектов связности и маркировки, изложенных ранее в данной главе, на структуру дискурса влияет этот совместный процесс смыслоообразования в течение эфира. На уровне локальных структур комментатору приходится использовать лексические единицы, способствующие нацеливанию на аудиторию, облегчению производства и восприятия сообщения.

В этом параграфе рассмотрим три лексико-грамматических момента, вписывающихся в спортивный медиадискурс: использование глагольных форм и местоимений 2 лица множественного числа (*вы*); использование форм 1 лица множественного числа (*мы*); различные виды повторов (лексический, фразовый и – наиболее интересный с точки зрения когнитивно-дискурсивной парадигмы – референциальный).

Одним из эксплицитных доказательств того, что спортивный комментатор помнит про своих адресатов, является обращение по ходу трансляции. Например, Алексей Попов, начиная освещение автогонки, избирает доброжелательный тон и называет своих «собеседников» друзьями: *Здравствуйте, друзья!* Чтобы и в

дальнейшем задействовать зрителей в репортаже и закрепить их присутствие в формирующемся дискурсе, комментатору необходимо использовать личные местоимения второго лица и другие формы, грамматически оформляющие их причастность к спортивно-медийному мероприятию.

Самым очевидным грамматическим приемом для вовлечения аудитории является повелительное наклонение. В основном императивные формы глаголов второго лица множественного числа апеллируют к задействованию органов чувств: *посмотрите* (253; глагол *look* в 254), *слушайте* (255). В целом их можно характеризовать как просьбы обратить внимание, в случае если зритель потерял концентрацию или отвлекся от действий, происходящих на экране. Отсюда возникает еще одна повелительная форма *обратите внимание* (256).

(253) **ВР1** И **посмотрите**! Группа пошла вместе, и как отлично сидит Кэвендиш!

(254) **ВА2 Look** at the crowd! It's completely packed!

(255) **ФОР1** А теперь **слушайте** внимательно. Вот прямая перед Стоувом.

(256) **ФУР2** Вот по движению, да, Льоренте, по его шагу сейчас очевидно для тех, кто внимательно не следит за Тоттенхэмом, что игрок совсем другой стати и совсем другой динамики, нежели Сон, и вот он, быстрый Сон, **обратите внимание**, по ближней бровке сейчас несется назад.

Формы второго лица множественного числа также возникают в изъявительном и условном наклонениях, где зрители фиксируются в качестве активных участников трансляции и отмечаются в предложениях референтами, выраженными подлежащими, с соответствующими сказуемыми. Их действия также относятся к чувственному восприятию (257, 258), однако дополняются глаголом *помнить* (*вспоминать*), в особенности вводимым в побочном дискурсивном фрагменте типа «Ретроспектива» (259, 260).

(257) **ВА2** They are similar. There are so many mistakes obviously when **you see** them.

(258) **ВР1** Пока же **вы видите** то, что происходит именно в данную минуту, то есть в Дюссельдорфе вновь выстраиваются гонщики.

(259) **ФОР1** Если **вы вспомните** достаточно беспомощный первый отрезок, где он шел на восьмом месте…

(260) **ФУР2** Ну **вы помните**, что была крупная победа над Шальке семь-ноль, но тем не менее Сане – это грозное оружие.

Эту группу глаголов второго лица множественного числа отличает то, что после сказуемых, которыми они являются, стоит дополнение или придаточное предложение. Это важно, чтобы не спутать их с грамматикализированными дискурсивными маркерами, также состоящими из подлежащего и сказуемого – вроде *you know* в английском языке и *вы знаете* – в русском. Эти маркеры имеют не грамматический, а прагматический вес и не могут быть синтаксически сопряжены с другими членами предложения, выполняя роль вводных конструкций.

Во время анализа мы опирались на определение из справочника по литературной правке Д. Э. Розенталя [2016, с. 130], в котором контекстам *(вы) знаете*, *(вы) видите*, *вы представляете*, *(как вы) понимаете* и *слушайте* приписана функция привлечения внимания к сообщаемому. Заметим, что в русском языке дискурсивные маркеры *слушай(те)* чаще всего выполняют функцию межличностной регуляции, а маркеры *смотри(те)* – функцию управления информации в разговоре [Tsoy 2022]. В материале исследования представлено несколько таких вводных конструкций с формой второго лица множественного числа:

(261) **ФОР1** С другой стороны, сломавшийся домкрат, **как вы понимаете**, это достаточно объективная вещь, которая к мастерству механиков и к слаженности их действий никакого отношения не имеет…

(262) **ВР1** Пока что, **вы знаете,** чего мне не хватает вот в этой картинке, это наличия, конечно, Ванти-Гобэр, наличия еще одной команды, которая приглашена по вайлд-кард, и впервые в своей истории, собственно говоря…

(263) **ФУР2** Вот этот жест, да, **вы видели**, ну, желтую ему дайте за симуляцию – нет, был толчок в спину.

(264) **ВА2** That’s the best warm-up anyone can do, but do you have (смеется) the nerve**, you know**, to jump in a car, I mean, with a reason that might, say, you might lose your start as well…

В некоторых случаях личное местоимение *вы* используется в качестве дополнения. Здесь зрители снова рассматриваются как неотъемлемые участники спортивного события или реципиенты спортивного комментирования. Например:

(265) **ФОР1** Я думаю, что оно [соревнование] **вам** понравилось, я думаю, что оно вышло на славу.

(266) **ФУР1** Но, я **вам** напомню, что год назад Манчестер Сити вылетал на этой же стадии из Лиги Чемпионов, и тогда задача была посложнее, чтобы отыграть фору ноль-три первого матча с Ливерпулем.

(267) **ВР1** Но сейчас вот как раз **у вас** был прекрасный шанс увидеть это все, не выходя из дому. И если бы не Тур де Франс, многие так бы и не знали о такой точке на карте, а так, может быть, маршрут свой проложит с заездом сюда тоже.

(268) **ВА2** It'll [Приложение телеканала «Eurosport»] give **you** just a little bit extra whilst you're watching as if you needed any extra where you're listening to Carlton and Brian.

Как и повелительные формы, ту же функцию привлечения внимания выполняют притяжательные местоимения (лексема *ваш*). Притяжательные местоимения составляют самую малочисленную категорию форм второго лица множественного числа. Как правило, они употребляются со словом *экран*, чтобы зрители посмотрели на происходящее:

(269) **ФОР1** Вот Марк на **ваших** экранах – там уже шесть секунд.

(270) **ВА2** And there's another Welshman on **your** screen, riding sides, nodding his head there, wants his riders to get on with it today.

Есть и более прямые обращения, например, призывающие к использованию дополнительной продукции телеканала. Например, ниже велоспортивный комментатор рекламирует мобильное приложение канала с дополнительным контентом и использует фразу *в вашем распоряжении*, т. е. намекает на потенциальные действия, которые могут быть предприняты аудиторией:

(271) **ВР1** А, не забывайте о том, что в **вашем** распоряжении-и довольно-таки инновационное приложение евроспортовское, которое позволяет следить за гонкой в режиме реального времени и-и очень часто позволяет получать разнообразные данные в текущем режиме, и-и кроме того, конечно же, не забывайте и о возможностях, которые предоставляет Евроспорт Плеер.

Используя местоименные формы *вы*, спортивный комментатор как бы отделяет себя от зрителя, разграничивает роли говорящего и слушающих. Роль первого — информировать; роль вторых — сопровождать и участвовать в совместном построении дискурса, хотя порождение речи и является прерогативой комментатора. Заметным проявлением такого деления становится пример из футбольного эфира, где после перерыва комментаторы представляются зрителям и используют притяжательное местоимение *ваши*, подразумевая то, что они работают для зрителя:

(272) ФУР2 **Ваши** комментаторы – Михаил Моссаковский и Тимур Журавель. Мы продолжаем наблюдать за этим удивительным матчем.

Контекст 272 интересен еще и тем, что во втором высказывании используется местоимение *мы*, объединяющее пару комментаторов, работающую в эфире и передающую информацию аудитории. Изучение форм с местоимением *мы* расширило данное исследование в сторону прагматического аспекта коммуникации между комментатором и аудиторией. Особо интересен референциальный выбор говорящего, когда от него требуется сделать отсылку к группе людей, к которой в том числе себя причисляет сам комментатор. Собирательный образ, вызываемый личным местоимением *мы*, воплощен четырьмя разными способами: «мы = комментатор + зритель», «мы = комментатор + комментатор / другие работники канала», «мы = спортсмен + комментатор + зритель», «мы = народ».

В большинстве контекстов спортивные комментаторы под местоимением *мы* объединяют себя со зрителями. Таким образом в дискурсе они закрепляются как равноправные участники/свидетели спортивного соревнования. За исключением вербализации событий, ответственность за которую несет только комментатор, комментатор и зрители совершают одни и те же действия, делятся одними и теми же знаниями. Например, *видят*, *слышат*, *говорят*, *смотрят*. Важно заметить, что совместную коммуникацию, несмотря на опосредованный канал передачи информации, подтверждает фраза *мы говорили* (275), хотя комментатор и является единственным говорящим.

(273) **ФУР2** …ну и конечно же, Сон Хён Мин, он на острие атаки в отсутствие Харри Кейна, которого **мы не увидим** до конца сезона…

(274) **ФУР2** Но главный здесь – Джунейт Чекир. И **мы слышим**, что общается сейчас Джунейт Чекир с итальянскими ассистентами, с Массимилиано Иррати и Марко Гуидой.

(275) **ФОР1** Хюлькенберг, **мы говорили**, вчера очень хорошо выглядел на квалификации.

(276) **ВР1** Пока что все это официального протокола гонки не касается, поэтому-поэтому **мы можем** (пауза) **продолжить любоваться** Дюссельдорфом.

Фраза *(мы) видим* не только начинает высказывание, но еще может стоять между подлежащим и сказуемым. Происходит это исключительно в комментировании автогонки. Это может говорить о характеристике игрока или обозначении текущего события. Например:

(277) **ФОР1** Температура растет, двадцать семь градусов уже сейчас, так что вот эти прудики английские, **мы видим**, остаются здесь…

(278) **ФОР1** О, Джеки Стюарт, **мы видим**, вышел сейчас на подиум, поздравил Марка.

Наравне с формами второго лица, примечательна форма повелительного наклонения. В русском языке частотен вариант с императивным глаголом *давайте*; в английском существует эквивалентный *let's*:

(279) **ВР1** Ну, **давайте дослушаем** Марсельезу все-таки, в живом исполнении.

(280) **ВА2 Let's take a look** at the standings, then. Overall, just a few changes atop.

Комментатор и зрители также конструируют совместное знание посредством форм глаголов *помнить, вспомнить/вспоминать, (у)знать*. В основном используется фраза *мы помним*:

(281) **ФОР1** Уступил он в квалификации, и в какой-то момент в гонке был быстрее, **мы помним**, незадолго до пит-стопа приближался.

(282) **ВР1** Пока что, естественно, старт неофициальный, пока что секундомеры не включены, и **мы можем вспомнить**, что происходило вчера.

(283) **ФУР2** …если бы матч состоялся на Уэмбли, вероятно, счет был бы совсем иным. Но это уже сослагательное наклонение, **мы** уже об этом никогда **не узнаем.**

В контексте 281 комментатор и зритель вспоминают недавние события текущего соревнования; в примере 282 комментатор приглашает зрителя к обсуждению событий предшествующего дня; контекст 283 вообще отсылает к действию в будущем. Некоторые структуры с местоимением *мы* являются ретроспективными, так как комментаторы активируют знания о давних матчах, гонках, событиях. Учитывая то, что одни и те же журналисты годами ведут трансляции, их спортивное комментирование раскрывает свой интертекстуальный потенциал. Поклонники вида спорта и творчества комментатора предположительно владеют информацией, высказанной в контексте 284. Что

касается новых зрителей, то, даже не обладая нужным знанием, комментатор как бы наделяет их этим знанием и рассказывает подробности освещаемого в прошлом события, что и придает его дискурсу ретроспективный характер.

(284) **ФОР1** …вот **мы вспоминали** то, что было два года назад – в прошлом году с первого ряда они стартовали, и в прошлом году в какой-то момент был быстрее в гонке Марк Уэббер…

Во вторую группу фраз со структурами первого лица множественного числа попали те, где под местоимением *мы* подразумевается объединение комментатора с его коллегами по каналу, которые ниже названы *технической бригадой*:

(285) **ФОР1** Вот есть у нас возможность, у **нашей** технической бригады, показать вам запись не столь давнюю…

С помощью того же личного местоимения *мы* комментатор может как объединиться со зрителем, так и указать на свой институциональный статус, обозначив себя представителем канала. В контексте 285 зритель не попадает в собирательный образ *мы*, так как не принимает участие в производстве телевизионного продукта. Более того, здесь и в примерах ниже прослеживается оппозиция «мы = канал» и «вы = зрители» через соответствующее дополнение:

(286) **ВР1** Об этом и о многом-многом другом **мы** обязательно **вам расскажем.**

(287) **ВР1** И еще раз я напомню **вам** о том, что-о-о (пауза) в первый раз **мы** за все времена **имеем** шанс показывать **вам** все этапы от начала и до конца.

(288) **ВА2** I mean, **we sit talking to you** at the finish line in Liège now, but yesterday in Düsseldorf I saw French flags being hung from windows, it’s absolutely wonderful.

В категории «комментатор + канал» также появляются притяжательные формы местоимения первого лица множественного числа:

(289) **ФОР1** Вот, поэтому естественно, что программы просто физически нет, поэтому **мы перед вами** извиняемся, но в данной ситуации это за пределами **нашей** компетенции.

(290) **ВА2** In this familiar position of the back there, there’s the brand new British champion Steve Cummings! And a colleague of **ours** at Eurosport after his work with…

В парном/групповом комментировании местоимение *мы* также может объединять двух или более комментаторов, когда их разговор как бы обособлен от трансляции на большую телевизионную аудиторию. Интересно, что в контексте 292, напоминая информацию зрителю, Тимур Журавель хотел использовать фразу

я напомню, чтобы повторить сказанную им ранее реплику, но передумал и выбрал форму множественного числа *мы напомним*, эксплицитно показывая, что он работает не один.

(291) **ФУР2** Но, Миш, **мы** бы это **смотрели**, если бы он забил. Так **нам** это не особенно интересно.

(292) **ФУР2** Пока этот счет, я-**мы вам напомним**, устраивает именно Тоттенхэм.

В группу «мы = спортсмен + комментатор + зритель» попали контексты, в которых комментатор и зрители как бы буквально являются участниками соревнования, а не просто его очевидцами. Под собирательным образом *мы* здесь понимается текущее положение события, разворачивающегося на «наших» глазах.

(293) **ФОР1** Лотусы, которые очень бережливы по резине, но все-таки не будем забывать, что **нам** достаточно долго еще до финиша и очень многое может измениться.

(294) **ФУР2 Мы возвращаемся** в восточный Манчестер. Это Этихад Стэдиум, это Лига Чемпионов, это Манчестер Сити против Тоттенхэма.

(295) **ВР1** Ну и, разумеется, **мы с вами находимся** в Германию (sic!), в Германии, поэтому продолжаем местным гимном.

(296) **ВА2 We have** a Welshman in the yellow jersey for the first time in the history of this race.

Во всех вышеперечисленных примерах референция отличается условностью: до финиша осталось несколько кругов гонщикам, а не зрителям (293); комментаторы и зрители возвращаются после рекламной паузы к эфиру, а не в британский город (294); комментатор и зрители физически не находятся в Германии (295); фраза *we have* (= *у нас*) отсылает к параметру соревнования, а не непосредственному отношению комментатора и зрителя к событию (296).

Единичный случай группы «мы = народ» был зарегистрирован в комментировании автогонки. Он связан с социокультурным контекстом данной трансляции. Гран-при Великобритании 2012 года прошло 8 июля, а в ночь с 6 на 7 июля в городе Крымск произошло наводнение, приведшее к большому количеству жертв. Алексей Попов обращает внимание на трагедию в начале и конце трансляции и для выражения скорби дважды использует форму *мы* для объединения не только себя со зрителями, но и со всей нацией:

(297) **ФОР1** …и **мы** все, естественно, **скорбим** вместе с теми, кто потерял своих родных и близких, в Крымске в том числе – это ужасно.

(298) **ФОР1** И жизнь продолжается – так надо думать всегда, но иногда это очень и очень сложно, так что **мы скорбим** вместе с вами.

Таким образом, формы первого лица множественного числа также являются результатом стратегического выбора спортивных комментаторов. В некоторых случаях им выгодно объединить себя со зрителем с целью их вовлечения в эфир и спортивное мероприятие. Иногда комментаторы отделяют роли говорящего и слушающего, производителя медиапродукта и его потребителя.

Как и любое дейктическое слово, местоимение *мы* и сопряженные с ним предикаты и объекты могут описывать разных субъектов. С точки зрения дискурсивного анализа примечателен тот факт, что через форму *мы* комментатор идентифицирует себя как один из зрителей, как участник спортивного соревнования, как работник телеканала и даже как представитель своей национальности.

Формы первого лица множественного числа могут также использоваться согласно теории приспособления к собеседнику. Для успешной коммуникации обе стороны должны обладать общим знанием. В непосредственной беседе коммуниканты могут узнать, имеет ли собеседник достаточное знание для понимания пресуппозиции и обработки дискурса. Спортивный комментатор лишен такой возможности, поэтому, чтобы оправдать свою реплику, он как бы наделяет зрителя этими знаниями через фразы *мы помним*, *мы видели*, т. е. разделили эти знания вместе.

Последней категорией, которую мы рассмотрим в данном параграфе, является референциальный повтор. В целом в дискурсе спортивного комментирования повторы на разных уровнях языка составляют большую часть прагматически и когнитивно обусловленных единиц для возможного анализа. О синтаксическом

повторе речь уже шла в параграфе 3.5. Лексические и фразовые повторы в речи комментаторов встречаются еще чаще:

(299) **ФОР1** Хотя дирекция автодрома сказала: «**Не приезжайте!** Для вашей же, для вашего комфорта, для вашей безопасности. **Не приезжайте!** Мы возместим вам потом деньги за потерянные билеты, за то, что не попали на трибуны»…

(300) **ФУР2** Ну а сейчас отправил Эдерсон далеко мяч. И посмотрите, **сразу** в атаку, **сразу** своим.

(301) **ВР1** Несмотря ни на что, что бы ни произошло и какие бы откровения там ни коснулись сэра Дэйва Брэйлсфорда, все равно команда будет и Фрум будет в ней выступать, потому что он **курица, несущая золотые яйца**. Я уже убедился много раз в том, что когда такая **курица** есть, то-о спонсоры деньги **кладут**, **кладут** и **кладут** все равно. Когда-а эта **курица** уже **снесла все яйца** и прошло какое-то время, тут можно, конечно, с этой **курицей**, как Лэнса Армстронга, еще дополнительно денежки взять тоже...

(302) **ВА2** Oof, looks like Chris Froome's on the spare bike, **can't see** his number on the back, **can't see** his transponder hanging out of the back of it either, **can't see** his powermeter, so he's had a bike swap taken from the car.

Эти виды повторов неизбежно появляются в трансляциях. Их многочисленность обусловлена хаотичностью употребления. Это может быть повтор актанта, подтверждение факта, усиление степени образа действия и т. д. Гораздо более интересными и систематически объяснимыми видами повторов являются самоповторы в диалоге между комментаторами, речь о которых пойдет в параграфе 4.4., и референциальные повторы. Например, в представленном отрывке можно зафиксировать два референциальных повтора:

(303) **ФОР1** О, **Джон Сёртис**! Смотрите, **Джон Сёртис** поздравил **Дженсона Баттона**, напутствовал его на хорошую гонку. **Баттон**, который здесь, увы, никак не может порадовать своих болельщиков.

В первом случае полная именная группа – имя и фамилия *Джон Сёртис* – задействована в идентификации референта. Появление этого именитого британского гонщика в кадре является неожиданным, поэтому комментатор прибегает к использованию междометия *о*. Затем референт повторно называется в полной форме (и в качестве подлежащего), чтобы внести в эпизод смысловую часть, т. е. установить действие референта. Похожий случай отражен в контекстах ниже:

(304) **ФОР1 Серхио Перес** не может ждать. **Серхио Перес** на хвосте у Льюиса Хэмильтона.

(305) **ФУР2** Но главный здесь – **Джунейт Чекир**. И мы слышим, что общается сейчас **Джунейт Чекир** с итальянскими ассистентами, с Массимилиано Иррати и Марко Гуидой.

(306) **BA2 Chris Froome** finished in sixth. **Chris Froome,** who, of course, had taken out on the course a little earlier, just to have a look at how Kwiatkowski was going…

Во втором случае референциального повтора в контексте 303 внимание привлекается к *Дженсону Баттону*. Сначала номинация выполняет функцию дополнения, а при повторе употребляется уже в качестве подлежащего. Референциальный повтор плана «дополнение → подлежащее» встречается и в следующих примерах:

(307) **ФОР1** Борются ли они с **Хэмильтоном** – не знаю. **Хэмильтон** на другой тактике.

(308) **ФУР2** А здесь Де Брёйне, пас **на Агуэро**! **Агуэро** еще дальше!

(309) **ВР1** Но пока-пока Де Гендту приходится выкладываться **на Грайпеля**, а никаких гарантий никогда нет. А **Грайпель** – уникальный человек в том смысле, что во всех супертурах, в которых он принимает участие, он берет хотя бы по одному этапу, уже на протяжении больше шести лет…

(310) **BA2** …he's got Leezer, Martens, Roosen, Rob Wagner as well – super leadout train for the man in yellow and black, so easy to spot **Groenewegen.** Will it be **Groenewegen** versus Kittel and Greipel with other parts being played by Demare, Bouhanni and Cavendish…

Как только комментатор вводит в дискурс нового референта, он считает необходимым предоставить описание или информацию о его действиях, ведь гонщик является активным участником спортивного события. Тенденцию к окончательному установлению актантов в качестве подлежащего доказывает тот факт, что обратных случаев перехода референта из статуса подлежащего в статус дополнения гораздо меньше:

(311) **ФОР1 Масса** – три и четыре, **к Массе** подъезжает Райкконен.

(312) **ФУР2** Снимает крайнего защитника с игры **Пеп Гвардиола**, Бенджамин Менди покидает пределы поля. Лерой Сане – один из важнейших козырей **Пепа Гвардиолы** – появляется на поле.

(313) **ВР1** Грайпель умеет тоже считать и тоже является чрезвычайно стабильным спринтером, но в рамках Тур де Франс не таким стабильным спринтером, как **Петер Саган**. То есть опять же простая арифметика, простая история напоминают о том, что в любом случае на четыре-пять этапов больше приносят очки **Петеру Сагану**…

Референциальные повторы «подлежащее → дополнение» появляются реже, так как требуют еще одного референта, который входит во взаимоотношение с изначальным актантом, выраженным подлежащим. В контексте 311 это догоняющий и догоняемый гонщик; в контексте 312 это футбольный тренер и игрок; в контексте 313 сравнению поддаются два велогонщика.

Примерно такой же частотностью обладают референциальные повторы «дополнение → дополнение»:

(314) **ФОР1** Даже у Баттона больше, я бы сказал, Баттон по крайней мере близко к очковой зоне, даже если атака **на Сенну** так и не проходит, как и **у Сенны** на Хюлькенберга.

(315) **ВР1 Сагана** не упоминал Хуан Антонио Флеча. **Петера Сагана**, который находится тоже на близкой позиции.

(316) **ФУР2** ММ: Конечно, мяч касается ноги **Бернардо Сильвы**… ТЖ: Но по-моему **от Бернардо Сильва** в положение вне игры летит мяч, разве нет?

(317) **ВА2** Valverde will be certainly sorely missed by his Movistar team, as really their strategist, chief strategist on the road whether it's for him or for **Nairo Quintana**, now, of course, the whole team will have to go behind **Quintana**.

Такой вид повтора обусловлен не только лишь совпадением ролей одного и того же референта в разных предложениях. В примере 315 повтор необходим, так как в его отсутствие будет казаться, что клауза относится к Хуану Антонио Флече, а не Петеру Сагану. Более того, при повторе комментатор добавляет имя гонщика, хотя обычно при референциальном повторе картина обратная: полная именная группа (имя + фамилия) переходит в сокращенную (только фамилия или только имя), как это наблюдается в контексте 303 и примерах ниже:

(318) **ВР1 Уоррен Баргий. Баргий** – человек, который может преподнести сюрприз.

(319) **ФОР1** …он на семнадцатом месте в семи секундах позади **Тимо Глока**, но он уже совершил пит-стоп в отличие от **Тимо.**

Таким образом, референциальные повторы также находятся под влиянием когнитивно-дискурсивных факторов порождения спортивного комментирования и сами влияют на структуру получившегося дискурса. Комментатор повторяет личные имена, заменяя полные формы на сокращенные и меняя их синтаксические роли, чтобы ввести новую информацию или указать на взаимосвязь между двумя референтами, являющимися агенсами и пациенсами вводимого действия.

В данном параграфе рассматривались лексико-грамматические особенности спортивного комментирования, обеспечивающие стратегические механизмы построения этого дискурса. Местоимения *мы*, *вы* и референциальные повторы функционируют на уровне локальной структуры дискурса. Они могут как влиять

на ход речи, сопровождая ввод новых дискурсивных эпизодов, так и быть результатом коммуникативных ограничений, когда их отсутствие приводит к неверному восприятию дискурса.

3.7. Сопоставительный анализ русско- и англоязычного дискурса индивидуального спортивного комментирования

Дискурсивные стратегии русскоязычных и англоязычных комментаторов ожидаемо расходятся по параметрам модели исследования. Различия могут быть вызваны языковыми особенностями, журналистской и комментаторской традициями, культурными и идиостилевыми факторами. Несмотря на то, что примеры в главе были представлены на обоих языках, были также установлены количественные и качественные различия в русско- и англоязычном дискурсах спортивного комментирования. Сопоставительный анализ в основном проводился на расшифровках ВР1 и ВА2 с комментированием одной и той же велогонки.

При анализе главных и побочных дискурсивных фрагментов (см. Таблицу 2) было обнаружено, что они более многочисленны в речи британских комментаторов из-за их меньшего объема. Зарубежные журналисты дают краткое резюме происходящих событий, помещают параметры и действия соревнования в контекст для более адекватного восприятия. Более распространенные фрагменты достигаются благодаря диалогическому формату дискурса, где комментатор-журналист задает вопросы комментатору-эксперту, таким образом вовлекая профессиональное мнение в репортаж. Однако такие обмены «вопрос – ответ» чаще всего не получают своего развития дальше двух реплик, из-за чего дискурс расчленяется на более мелкие фрагменты.

Англичане чаще задействуют главные дискурсивные фрагменты, касающиеся гонки, т. е. говорят «по делу», не отвлекаясь на отступления от темы. С одной стороны, это показывает их профессиональный подход, требующий

передачи точной и актуальной информации. С другой стороны, русскоязычный комментатор избегает семантической монотонности благодаря бóльшему числу побочных дискурсивных фрагментов (141 на 121): Сергей Курдюков (расшифровка BP1) рассказывает о разных аспектах велосипедного спорта и историях велосипедного мира, не ограничиваясь комментированием гонки.

Удивительно, что этот вывод подтверждается тем, что российский комментатор чаще включал в свою речь побочные фрагменты «Участник соревнования» (44 на 18), так как иностранные специалисты, в отличие от Сергея Курдюкова, знакомы со спортсменами и главами команд. Во-первых, это говорит о высокой степени готовности и компетентности русскоязычного комментатора, который до гонки читает интервью велосипедистов и осведомлен в вопросе их физической подготовки. Во-вторых, это значит, что британские комментаторы меньше внимания уделяют спортивным персоналиям, а их основной фокус направлен на фрагменты «Аналитика», где они размышляют о вероятном развитии соревнования и аргументируют причины наступления тех или иных событий.

Что касается маркированности дискурса (см. Таблицу 3), в англоязычном спортивном комментировании смешанные дискурсивные маркеры используются в два раза чаще, чем в русскоязычных трансляциях. Судя по всему, в английском языке задействованы сразу все эксплицитные средства. Особенно частотны смешанные маркеры с элементами референциального сдвига (с локативным и темпоральным сдвигом, с вводными конструкциями). Русскоязычным комментаторам зачастую хватает атомарных маркеров. Здесь вновь выделяется речь Сергея Курдюкова (расшифровка BP1), который использует почти столько же нулевых маркеров, сколько насчитывается смешанных в расшифровке BA2. Это говорит о его уверенности в своих риторических способностях, ведь без эксплицитных маркеров зрителям гораздо сложнее выявлять переход от одного дискурсивного эпизода к другому.

Самый значительный вывод был сделан при сопоставительном анализе языковых шаблонов в речи разноязычных комментаторов (см. Таблицу 4).

Во-первых, заметно расхождение по количественному показателю: в речи британских журналистов встречается в три раза больше языковых шаблонов, чем в речи российского комментатора (157 на 52). Например, британцы начинают пользоваться шаблоном «километры до финиша» уже за 200 километров до конца гонки, хотя сама трасса – длиной 203,5 км; Сергей Курдюков в свою очередь начинает использовать этот шаблон за 88 километров до финиша, т. е. по достижении гонщиками половины дистанции. Это в очередной раз доказывает, что англоязычные комментаторы больше говорят о гонке. Они начинают новые эпизоды и главные дискурсивные фрагменты типа «Ход соревнования» с помощью банальной информации о параметрах гонки, которая и так известна зрителям, видящим экран.

Во-вторых, в двух языках несколько различается структура и содержание шаблона «разрыв». Англоязычные комментаторы сразу приступают к номинации временного отрезка между лидирующей и догоняющей группы, в то время как русскоязычный комментатор откладывает ее с помощью вводной конструкции:

(320) **BA2 Two and a half minutes**, just shy of that is the gap.

(321) **BP1** Разрыв между тем для отрыва угрожающий: всего лишь **чуть больше минуты**...

Дополнительные конструкции позволяют Сергею Курдюкову варьировать речь и не обходиться исключительно вербализацией информации. Более того, российский комментатор чаще называет не время, указанное на экране, а говорит, на сколько секунд изменился «разрыв» между предыдущим и текущим шаблоном (контексты 322–323). Эта особенность говорит о его внимательности к изменяющимся параметрам гонки и к зрителю, имплицитно требующему новой информации, а не повтором той, которая видна на экране.

(322) **BP1** С преимущества отрыва Финни и компаньонов **слетело более полутора минут** тем временем.

(323) **ВР1** Ну вот, вы видите, подкорректировали этот разрыв и-и Финни и его компаньонам **дали дополнительные секунд двадцать**.

Неожиданным выводом при сопоставительном анализе определительных придаточных стал тот факт, что аспекты их использования в дискурсе спортивного комментирования почти идентичны в русском и английском языках, даже в количественном показателе (лексема *который* выпадает в ВР1 на каждое 122-е слово, в ВА2 – на каждое 114-е). Исключение составляют придаточные, которые находятся перед глаголом, а также придаточные, находящиеся после главной клаузы, – их больше в англоязычном комментировании. Второе различие вызвано тем, что в английском языке союзное слово *which* может относиться ко всей клаузе, находясь после нее, а главная клауза может быть выражена простыми структурами *it is, there is*:

(324) **BA2** It is quite a long and meandering route **that** they will be taking through the streets of Düsseldorf this morning…

(325) **BA2** …there's also Guillaume Van Keirsbulck as well **who**'s an interesting rider to follow on…

Сопоставительный анализ форм первого и второго лица затруднен тем, что, например, в императивной форме английского языка отсутствует эксплицитный маркер числа. Нельзя с точностью сказать, обращен глагол к комментатору-коллеге или к телезрителям. Также достаточно трудно понять, какая категория подразумевается под местоимением *we*. Однако можно с уверенностью сказать, что в русском и английском языке чаще используется форма первого лица. Англоязычные комментаторы передают ее в повелительных конструкциях с фразой *let's* (сокращение от *let us* = «позвольте нам») и предложениях с маркером будущего времени:

(326) **BA2 Let's have a look back** 'cause four riders out of the top eight in that time trial, and it seems crazy to say it so early, but it's already a very strong situation for Team Sky in the general classification.

(327) **BA2 We'll finish** in Liège, a couple of categorized climbs, one intermediate sprint and a probable sprint finish.

Форма второго лица множественного числа, обращенная к аудитории, почти отсутствует в англоязычном спортивном комментировании. В их трансляциях роли

комментатора и зрителя почти не реализуются, как если бы комментаторы сосуществовали отдельно. Этот вывод подтверждается статистикой по побочному дискурсивному фрагменту «Общение», где из 14 структур всего лишь половина была обращена к зрителям. Комментаторы не раз призывали аудиторию к общению в соцсетях, но их реплики задействовали всего единожды.

Выводы

Целью данной главы было проанализировать дискурсивные стратегии спортивных комментаторов в глобальной и локальной структуре дискурса. Каждый из шести аспектов анализа привел к дальнейшему разделению на значимые категории. Для наглядности анализа были представлены более 300 иллюстративных примеров.

Прежде всего, можно говорить о двоякости членения дискурса спортивного комментирования.

С одной стороны, комментатор выстраивает свою речь согласно принципу когерентности, или семантической связности. В дискурсе спортивного комментирования активируются главные и побочные дискурсивные фрагменты: в главных – рассказывается о ходе соревнования; побочные выступают в качестве отступлений от главной темы – эффективной дискурсивной стратегии, разнообразящей речь. Например, самым частотным типом побочного дискурсивного фрагмента является «Ретроспектива» из-за необходимости помещать текущие спортивные события в исторический контекст. Наибольшее разнообразие отступлений от темы представлено в комментировании велоспорта, что подталкивает к выводу о том, что комментирование медленных видов спорта порождает более качественно полный и разнообразный текст.

С другой стороны, в дискурсе спортивного комментирования прослеживается когезия, или структурная связность. В нем явно обнаруживаются

самостоятельные, пусть и не всегда завершенные макроединицы – эпизоды, объединенные одной темой или макропропозицией. На активацию нового эпизода в речи комментатора влияют смена коммуникативной интенции, смена изображения, появление статистической или технической информации на экране, наступление важных событий соревнования, вынужденная или рекламная паузы.

Дискурсивные фрагменты как единицы когерентности и эпизоды как единицы когезии могут пересекаться, но не совпадают полностью.

В такой витиеватой и сложной структуре дискурса большую роль играют дискурсивные маркеры как логико-прагматические связки эпизодов. Спортивные комментаторы пользуются девятью типами дискурсивных маркеров и смешанным типом, объединяющим атомарные типы: например, слияние локативного и темпорального сдвигов. Наиболее часто встречается референциальный сдвиг, когда герои одного эпизода сменяются на главные лица последующего. Нами также предложены два новых типа дискурсивных маркеров, присущих именно спортивному комментированию: маркер «посмотрим» и маркер «интереса».

Велика прагматическая функциональность языковых шаблонов – повторяющихся единиц, закрепляющих повторяющиеся факты и параметры соревнования. Они не только информируют аудиторию, не только возвращают повествование к главному дискурсивному фрагменту «Ход соревнования», но и, как было доказано в параграфе 3.4, зачастую функционируют как дискурсивные маркеры.

До сих пор языковые шаблоны были найдены только в комментировании бейсбольного матча [Ferguson 1983]. В данной главе они дополняются десятью новыми языковыми шаблонами: девятью в трех разных видах спорта (автогонки, велогонки и футбольного матча) и языковым шаблоном «видеоповтор», заявленным как универсальный для дискурса спортивного комментирования любого вида спорта.

Обнаруженные дискурсивные стратегии спортивного комментирования на уровне синтаксиса позволяют говорить о психолингвистических предпосылках использования определительных придаточных и синтаксического параллелизма. Оказывается, в условиях дефицита времени спортивным комментаторам проще назвать действующее лицо и приписать к нему факт через союзное слово *который*, тем самым начав определительное придаточное. В свою очередь синтаксический повтор облегчает перечисление фактов и процесс аргументации.

Дискурсивные стратегии наблюдаются и на лексико-грамматическом уровне. Формы второго лица множественного числа разделяют роли комментатора и зрителя, а формы первого лица множественного числа, напротив, объединяют членов этих групп, состоящих из латентных участников спортивного соревнования – комментаторов, работников телеканала и зрителей.

Удивительным может показаться вывод о том, что структурно речь спортивных комментаторов России и Великобритании почти не отличается, даже по количественным показателям. Однако британские комментаторы избирают более аналитический подход к повествованию о спортивном соревновании. Они меньше общаются со зрителями, чаще говорят о ходе соревнования, реже отступают от основной дискурсивной цели. Также их речь обладает более строгой формой и малой вариативностью, в частности из-за использования большого количества языковых шаблонов.

Глава 4. ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ ПАРНОГО/ГРУППОВОГО СПОРТИВНОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ

В Главе 3 речь шла о дискурсивных стратегиях, так или иначе проявляющих себя в речи спортивных комментаторов вне зависимости от вида спорта, количества говорящих, их статусов и ролей. Связность дискурса рассматривалась внутри одного большого текста, который мог быть создан одним или несколькими авторами. Однако диалогический дискурс требует формирования связной беседы, а в случае спортивного комментирования должен также представлять собой поток речи, понятный телезрителю. Диалогический дискурс характеризуется условиями, согласно которым последующая реплика собеседника может считаться ожидаемой, нормативной и уместной [Макаров 2003, с. 19]. Этот параметр учитывается в анализе, описываемом в данной главе о дискурсивных стратегиях спортивных комментаторов, если они работают вдвоем или в группе.

В данной главе выполняются этапы 6-8 и частично 9 модели исследования. Цель главы – обнаружить дискурсивные стратегии спортивных комментаторов с учетом диалогического строя их коммуникативного взаимодействия и принимая во внимание то, что они со-порождают единый дискурс, доступный для широкой аудитории.

4.1. Адаптация к парному комментированию на уровне реплик и эпизодов

В данном параграфе изучаются различия в механизмах построения дискурса спортивного комментирования одним говорящим и двумя говорящими на уровне реплик и эпизодов. Парное спортивное комментирование рассматривается и как целостный текст, порождаемый обоими участниками, и как развертывающийся диалог с его локальным развитием.

Ранее, работая в одиночку, спортивный комментатор ориентировался только на общее представление о зрителе. Теперь, в парном комментировании, к этому

прагматическому допуску добавляется ориентация на собеседника, а соответственно, и необходимость общаться с ним и создавать общий текст. Для наиболее полного и точного анализа были взяты расшифровки ФОР1, ФОР2а и ФОР2б, так как в них содержится репортаж автогонки на одном том же Гран-при Великобритании в разные годы: 2012-м, 2013-м и 2019-м соответственно. В первой трансляции Алексей Попов (АП) работал один; в остальных – с коллегой Натальей Фабричновой (НФ). 2013-й год ознаменовал начало ее работы в качестве спортивного комментатора. Более подробные исследовательские параметры представленного анализа изложены в Главе 2.

Сравнение логично было бы начать с количества реплик. В эфире от 2013 года Алексей Попов произнес 345 реплики за трансляцию по сравнению с 206 репликами, принадлежащими Наталье Фабричновой. По этому показателю речь первого комментатора составила 63 % эфира; оставшиеся 37 % реплик – авторства начинающего комментатора. К 2019 году показатели выравнялись: 320 на 256 реплик (56 % на 44 %). Этот переход означает, что Наталья Фабричнова со временем чаще находит точки возможного перехода коммуникативного хода и чаще пользуется паузами в речи коллеги, чтобы начать новый дискурсивный фрагмент или продолжить текущий.

Для сравнения можно предложить расшифровку ФУР2, где работают два комментатора, уже имеющих опыт работы в паре: Михаил Моссаковский и Тимур Журавель. Во время комментирования матча первый произнес 53 % реплик (337), а второй – 47 % (293). Эта пропорция, близкая к половинчатой, сохранялась как в комментировании первого, так и второго таймов футбольного матча.

Однако по показателю средней лексической плотности сообщений НФ значительно уступает АП: 7,49 против 18,88 единиц в 2013 году и 6,76 единиц против 15,18 – в 2019-м. Таким образом, начинающий комментатор вводит

дополняющие или поправляющие ремарки небольшого размера, в то время как опытный комментатор представляет развернутые высказывания и размышления.

Уже по приведенным данным складывается разделение на речь ведущего и ведомого комментатора. Например, в 2013 году НФ иногда начинала сообщение о происходящем событии, ее прерывал АП с целью дополнить ее высказывание, несмотря на эксплицитное согласие *да*:

(328) **ФОР2а** НФ: Ох, Фелипе Масса еще и заминка здесь. **[Смотрите, с тем же колесом, оно, видимо, повреждено, может быть. Диск…]** АП: **[Колесо, *да*, но оно, они проверяют левое, *да*, они]** прокрутили специально, чтобы проверить, потому что тут уж лучше еще пару секунд потерять, но не дай бог не выпустить пилота с какими-то повреждениями. Знаете, если не дай бог погнута полуось из-за этого и так далее.

В 2019 году АП все больше обходился согласием без дополняющих ремарок, а в случае таковой НФ находила возможность завершить или резюмировать свою мысль:

(329) **ФОР2б** НФ: Ну что, Себастьяна Феттеля ждут **[в боксах.]** АП: **[*Да*.]** НФ: У меня было ощущение, **что некоторая такая растерянность…** АП: **Но там большая разница** между ними, все-таки между ними было очень большой зазор на трассе – двадцать секунд. НФ: **Вот сейчас как раз точки мы видим**, что Себастьян Феттель, да, он все-таки в боксах, и Вальттери, естественно, проезжает.

Однако стоит заметить, что лексическая плотность реплик падает и у ведущего комментатора АП. При переходе с индивидуального спортивного комментирования на парное средняя лексическая плотность сообщений ожидаемо понизилась в три раза. Интересно, что показатель понижается и со временем работы в паре: 18,88 единиц на 15,18 через шесть лет. Судя по всему, комментаторы начинают работать как единый говорящий, дополняют речь друг друга фрагментированными сообщениями. Речь о дополняющих и расширяющих репликах пойдет в следующем параграфе.

Другим интересным параметром, изменение которого можно отследить от одной трансляции к другой, является количество наложений реплик комментаторов. С одной стороны, можно предположить, что пересекающихся высказываний будет меньше, так как комментаторы лучше адаптированы к

совместному порождению дискурса. С другой стороны, может сложиться и противоположная тенденция, согласно которой диалогическая речь комментаторов будет напоминать обычную беседу, характеризующуюся одновременным желанием говорящих дополнить диалог.

Тенденция развития этого параметра в расшифровках ФОР2а и ФОР2б соответствовала второму сценарию: реплики комментаторов накладывались 89 раз в 2013 году и 127 – в 2019-м, несмотря на меньший объем второй расшифровки из-за присутствия рекламных пауз. Комментаторы чаще говорят одновременно, так как со временем в их совместной речи расширяются границы функционирования точек возможного перехода коммуникативного хода – они начинают действовать как один говорящий. Например:

(330) **ФОР2б** НФ: Наверное, потому что не много… [наказаний…] АП: [Себ уже сам себя] наказал, мы видим, что машина серьезно повреждена и… НФ: [Да, к сожалению, он откатывается…] АП: [Он уже сейчас выпал] из очковой зоны, да, и… НФ: [Ц, ай, и новое переднее крыло.] АП: [Новое крыло. Ну я думаю, что] там проблема не только в крыле – он слишком медленно едет.

В первых двух наложенных репликах из примера 330 комментаторы дополняют речь друг друга, как если бы предшествующие реплики были их собственными. В третьем случае с ремаркой по поводу нового переднего крыла происходит одновременная номинация происходящего на экране, т. е. комментаторы так и не определились, кому принадлежит следующий коммуникативный ход, а важность события требовала мгновенного вербального вмешательства.

Стоит заметить, что тенденция к увеличению накладывающихся реплик в диалогической речи комментаторов сходится со сложившимся положением дискурса спортивного комментирования. Так, АП и НФ в 2019 году приблизились по этому параметру к расшифровке комментирования футбольного матча ФУР2: там ТЖ и ММ произнесли 66 одновременных реплик (122 у ФОР2б) при том, что расшифровка по сравнению с ФОР2б меньше объемом в два раза. Таким образом,

у сформированных пар спортивных комментаторов частые наложения реплик больше говорят о их сплоченности, нежели неорганизованности.

Последним параметром, изменившимся в парном спортивном комментировании на уровне реплик, является количество обращений к коллеге и зрителям. Было бы логично предположить, что при коммуникативной адаптации комментаторов они могут чаще обращаться друг к другу, чтобы оптимально выстраивать связный диалогический дискурс. Однако количество обращений в речи автогоночных комментаторов почти не изменилось: 108 обращений к зрителям в 2013 году и 92 в 2019 году; 25 обращений к коллеге в 2013 году и 11 в 2013 году при меньшем объеме второй расшифровки. При этом АП на правах ведущего комментатора обращается к зрителям наиболее часто: 93 на 15 обращений и 78 на 14 соответственно за два эфира.

Необычно малым в данном случае кажется показатель в 11 суммарных обращений АП и НФ к коллеге. Вполне возможно, что при долгой совместной работе исчезает необходимость в обращении к собеседнику для регуляции последовательности реплик. В футбольном комментировании наблюдается обратное: говорящие из расшифровки ФУР2 обращались друг к другу гораздо чаще (в сумме 54 раза), чем АП и НФ, и чаще, чем к зрителям (в сумме 38). Если считать, что для «сыгранной» пары комментаторов этот прагматический механизм необходим для наиболее плавного повествования, можно предположить, что повышение количества обращений к коллеге является дальнейшим этапом коммуникативной адаптации комментатора к работе в паре.

Перейдем к сравнению индивидуального и парного комментирования на уровне эпизодов. Первый показатель – средняя лексическая плотность эпизодов – должен быть измениться из-за присутствия двух языковых личностей с различающимися коммуникативными интенциями. Ожидаемо при переходе с монологического на диалогическое спортивное комментирование средняя

лексическая плотность эпизодов упала с 47,26 единиц до 28,2. После продолжительной совместной работы АП и НФ к 2019 году этот показатель незначительно увеличился до 30,5 значимых единиц, т. е. смысловой объем этих дискурсивных единиц практически остался прежним. Такой сдвиг проиллюстрирован следующими двумя примерами:

(331) **ФОР1** О, Джон Сёртис! Смотрите, Джон Сёртис поздравил Дженсона Баттона, напутствовал его на хорошую гонку. Баттон, который здесь, увы, никак не может порадовать своих болельщиков. Тринадцатый Гран-при Великобритании для него – это, как ни парадоксально, это самое большое число вообще среди всех английских пилотов за всю историю, а ведь сколько из них становились чемпионами мира, в том числе и Джон Сёртис как раз, сколько выигрывали и домашний Гран-при, но вот так много, так долго не выступал никто. Ну вот, Дженсона к сожалению, нельзя сказать, что эта серия преисполнена, преисполнена хороших чувств, потому как каждый раз что бы ни случалось, но каждый раз на подиум приехать он не мог. В том году уже близок был… (46)[1] // Вот Мишель Йео – это супруга Жана Тодта. И его бывший многолетний подопечный, Михаэль Шумахер. Вместе пять титулов чемпиона мира. Сейчас президент ФИА подошел напутствовать своего пилота. (13)

(332) **ФОР2а** АП: Алонсо после рестарта опять продолжает свое сражение с Сутилем за третье место. (5) НФ: Алонсо, который призвал свою команду спокойнее относиться к тому, что в квалификации у них был не лучший темп. Сказал, что мы поборемся за то, чтобы минимизировать потери относительно Себастьяна Феттеля, потому что было совершенно понятно, что Ред Булл далеко впереди по скорости. (18) // АП: Ну вот смотрите, я сейчас кстати внимательно смотрел за бордюрами: и тот, и другой, естественно, на бордюры заезжали. Да, может быть, где-то там вот на выходе из скоростных они будут стараться, но, с другой стороны, ну как вот гоночного пилота заставить, особенно в борьбе, в борьбе за позицию на подиуме… (22)

В индивидуальном комментировании АП переключался с одного эпизода на другого с опорой на изображение. Никто не мог «посоперничать» с ним за право на следующий коммуникативный ход. В примере 331 АП сначала обращает внимание на персону Джона Сёртиса; однако, не закончив эпизод о британских гонщиках, переходит к характеристике другого человека (*Мишель Йео*) и начинает новый эпизод. В примере 332 краткая ремарка АП о борьбе двух пилотов могла сразу перерасти в следующую его реплику, но НФ дополняет ее фактом об одном из гонщиков, о котором шла речь (*Алонсо*), в форме определительного придаточного. Таким образом, монологическое спортивное комментирование, как

1 В скобках указана лексическая плотность эпизода/реплики.

правило, подразумевает самостоятельное и пространное развертывание мысли, в то время как диалогическое состоит из более рваных фрагментов, фиксирующих мысль, и возможных дополнений со стороны второго комментатора.

Инициативность говорящего можно измерить через количество начатых им эпизодов. В трансляции от 2013 года АП начинал 74 % эпизодов – лишь четверть случаев пришлась на новые макропропозиции от НФ. Переходы вроде того, что показан в примере 332, чаще всего зависели от коммуникативной интенции ведущего комментатора. Однако к 2019 году НФ чувствовала себя более уверенно и начала 40 % эпизодов (87 по сравнению с 133 у АП). Это различие вполне обусловлено статусами ведущего и ведомого комментатора, так как даже в давно сформировавшейся паре футбольных комментаторов (ФУР2) ММ начинал 61 % эпизодов (123) по сравнению с 39 % у ТЖ (79), причем после первого тайма соотношение было 64 % на 36 %. Таким образом, за шесть лет совместной работы АП и НФ пришли к наиболее комфортному распределению коммуникативных ролей и их дискурсивной нагрузки.

Трансляции автогонок «Формулы-1» отличаются особым типом эпизода и разновидностью главного дискурсивного фрагмента «Ход соревнования» – радиопереговорами между гонщиком и командой. Во время гонки операторы трансляции выхватывают интересный момент из разговоров участников соревнования, показывают соответствующий титр, после чего комментаторы замолкают для прослушивания воспроизводимой записи и по ее окончании переводят ее на русский язык. Как бы ни был переведен этот отрывок, он ознаменовывает новый эпизод, начинаемый не вынужденно, а согласно задумке трансляции. Ниже представлен пример такого отрывка:

(333) **ФОР2б** АП: То есть сейчас все три типа, ну, кроме дождевых, конечно же, которые промежуточные по ходу этого уикенда были и в первой, и в третьей тренировках по несколько кругов буквально. Трасса смачивалась… (пауза на радио) // НФ: **«У Льюиса есть дэ-рэ-эс», – предупредили сейчас Вальттери**, что… АП: Он внутри

секунды, да. НФ: Внутри секунды. Что нужно взвинтить темп, если он хочет сбросить его с хвоста. Тем более, Льюис сейчас лучший круг поставил.

Здесь мы можем наблюдать, как во время эпизода, начатого АП, появляется титр с тем, что сейчас включится аудиозапись радиопереговоров между гонщиком Вальттери Боттасом и его командой. По окончании его воспроизведения перевод осуществляет НФ с последующим развитием мысли обоих комментаторов.

В трансляции от 2013 года АП перевел 32 из 33 радиопереговоров самостоятельно при том, что оставшийся контекст был переведен совместно. Однако к 2019 году картина радикально изменилась: НФ перевела 7 отрывков, АП – 5, совместно – 4. Совместный перевод также является доказательством коммуникативной адаптации, согласно которому каждый говорящий вносит вклад в дискурс, не мешая репликам собеседника. Иллюстративный пример:

(334) **ФОР2б** НФ: [То есть самые жесткие, самые жесткие из возможных.] (пауза на радио) // Ага… АП: Ландо недоволен, да. (пауза на радио) НФ: Он как раз недоволен тем, что… АП: [Стратегией, да…] НФ: […он потерял позицию] относительно Сайнца, когда ему сказали «мы пытаемся сейчас решить этот вопрос, но позади Риккьярдо, поэтому довольно сложно», на что Ландо сказал: «Да ладно, уже не важно, мне все испортили стратегией», поэтому намекает, что, мол, все было решено, предрешено вот этой остановкой и другим… АП: Да. НФ: …типом резины [относительно Сайнца…]

Самый большой текстовый отрывок на перевод достается именно НФ, в то время как АП резюмирует тему сообщения (*стратегия*) и подтверждает точность перевода словом *да*. Передача функции перевода от ведущего комментатора к ведомому является значительным изменением при переходе к парному комментированию. Это значит, что во время адаптации распределяются функции говорящих.

Таким образом, механизмы формирования парного комментирования значительно повлияли на речевое оформление трансляции. Комментаторы выравниваются по количеству произнесенных реплик, начатых дискурсивных эпизодов, разделяют когнитивный и дискурсивный труд для того, чтобы сформировать связный дискурс без коммуникативных конфликтов и накладок.

Несмотря на это, количество одновременно произнесенных реплик и обращений к коллеге может повышаться с целью наиболее точной передачи информации путем расширения или продолжения реплик.

4.2. Конструкции расширения и продолжения реплик

При осуществлении индивидуального комментирования говорящий руководствуется своими когнитивными надстройками, коммуникативными интенциями и представлением о связности дискурса. Как только происходит когнитивная перегрузка, или новое значимое событие, или комментатор понимает, что далеко ушел от главной дискурсивной цели, может быть введен новый дискурсивный фрагмент или эпизод.

В парном комментировании процесс формирования связного дискурса усложняется тем, что теми же самыми настройками руководствуется и другой говорящий. Более того, к ним добавляется и осознание коммуникативных ролей участников дискурса, которые определяют степень уместности начала реплики или другого коммуникативного хода: один комментатор не должен перебивать коллегу без веской причины.

В параграфе 4.1 уже были рассмотрены моменты, когда комментатор начинает новый эпизод. Такая инициатива может быть вызвана рядом факторов: комментатор 1 может завершить собственный эпизод и начать новый, как если бы генерировался индивидуальный дискурс; комментатор 1 может приостановить эпизод комментатора 2 в связи с более высокой важностью собственной пропозиции; комментатор 2 может логически завершить собственный эпизод и, в случае если тому предшествовал продолжительный отрывок текста, передать комментатору 1 право на смену реплики.

Однако в парном комментировании наблюдается и обратный процесс, предполагающий продолжение эпизода другим участником дискурса. На уровне

самостоятельных реплик он проявляется как минимум двумя разными способами: 1) комментатор 1 сталкивается с когнитивным ограничением, не дающим возможность продолжать реплику (забывает слово, не может идентифицировать участника соревнования, избирает неверную форму для продолжения синтаксически верного высказывания и т. д.), в то время как комментатор 2 осознает это и подсказывает комментатору 1 или продолжает его реплику, как если бы предыдущая была произнесена им самим; 2) комментатор 1 завершает реплику (и иногда эпизод), а комментатор 2 решает продолжить его дополнительной информацией, тем самым значительно продлевая эпизод, который мог бы завершиться, будь это индивидуальное комментирование.

Конструкции первого типа получили название конструкции завершения; конструкции второго типа – расширения [Гренобль 2008]. В первом случае завершение реплики собеседника согласуется с синтаксическими правилами языка; во втором – конструкция расширения семантически и логически добавляет недостающую информацию, предположительно необходимую аудитории.

Начнем с более частотных конструкций – расширений реплики. Они чаще встречаются в речи комментаторов, так как требуют исключительно нарративной связности новой реплики с предшествующей, в то время как конструкции продолжения требуют сложного синтаксического встраивания и могут появляться в тех случаях, когда комментатор 1 по каким-то причинам не может завершить высказывание.

Конструкции расширения чаще всего несут в себе функцию уточнения, т. е. комментатор 2 дополняет эпизод недостающей информацией, упущенной комментатором 1:

(335) **ФОР2б** АП: Это важно для Боттаса, потому что **если больше секунды**, то Льюис не сможет открывать больше крыло. НФ: **Похоже, что секунда и две десятых сейчас уже между ними**, так что сделал важный отрыв сейчас Боттас от Льюиса.

(336) **ФОР2б** НФ: Новый рекорд трассы ставит Льюис Хэмильтон – **одна двадцать девять девятьсот семьдесят три**. АП: Впервые **выходит из одной тридцати** по ходу сегодняшней гонки.

(337) **ФУР2** ТЖ: Это было здорово сыграно в отборе, но и тут же обратно **Тоттенхэм вернул себе мяч**. ММ: **Ему подарили его**, это была очень грубая ошибка в передаче, и действительно снова Тоттенхэм с мячом.

В контекстах 335 и 336 уточнения касаются количественных показателей. В первом случае АП не знает точного разрыва между гонщиками, что вызывает конструкцию расширения реплики, содержащую языковой шаблон «разрыв». Во втором случае НФ использует языковой шаблон «лучший круг», а АП подчеркивает, что планка по прохождению круга была впервые преодолена одним из гонщиков. Контекст 337 содержит конструкцию расширения, подразумевающую под собой поправку: субъект высказывания (*Тоттенхэм*) не совершал действия, так как ответственность лежит на команде соперника, «подарившей» ему мяч.

Сходными по функции являются конструкции расширения, содержание пояснения тому, что было сказано комментатором 1:

(338) **ФУР2** ММ: Ну вы видели, **футболисты команды Пепа Гвардиолы уже даже предъявляли претензии** Чекиру, мой дал-, мол, дай продолжить. ТЖ: **Ну, а это английские привычки**. Наверное, такой фол и в Англии бы засчитали, но известно, что судейство на острове более либеральное такое к жесткой игре.

(339) **ФУР2** ММ: Понятно, что это не подача, но **шансов было немного**. ТЖ: **Да и вообще редко играет верхом Манчестер Сити.** Если только какие-то прямо явные стандартные положения за это- на это заточенные, как угловые.

(340) **ФУА2** DF: There's Kevin De Bruyne. Looking to burst away from Danny Rose, but he's just run out of room there and **he was hoping for the corner**, but the decision has gone here to Tottenham. (пауза) JJ: **He's saying it's hit somebody's hand**, maybe he thinks it clipped Danny Rose's hand on the way through. Couldn't really see it from the angle we just had.

(341) **ВА2** RH: **There was a surprise** as well with Roglic, a pre-race contender for victory yesterday. JAF: **He crashed.** RH: He did crash.

В первых двух примерах ТЖ поясняет утверждения из предшествующей реплики коллеги: почему футболисты «предъявляли претензии» судье (338) и почему у команды почти не было шансов при выполнении стандартного положения (339). В контексте 340 комментатор 1, описывая недовольство футболиста, обходится фразой «надеялся на угловой» (*was hoping for the corner*), а

комментатор 2 поясняет, что под этим подразумевается подозрение футболиста, что мяч коснулся руки соперника.

Завуалированная фраза *был сюрприз* (*there was a surprise*) присутствует и в контексте 341, однако из нее зритель, не посмотревший велогонку днем ранее, не может понять, в чем заключался *сюрприз*, был ли он со знаком «плюс» или «минус». Комментатор 2 поясняет эту фразу, говоря, что гонщик попал в аварию. Интересна реакция комментатора 1 на конструкцию расширения – речевой акт согласия через эмфатический глагол *do* в форме прошедшего времени (*he did crash*). Таким образом он принимает во внимание пояснение коллеги и, вероятно, понимает, что его предыдущая фраза отмечалась недосказанностью.

Расширение реплики собеседника может иметь и эксплицитную форму, если комментатор 2 произносит связующую или вводную конструкцию, продолжая отрывок собеседника. В примере ниже используются конструкции перечисления *во-первых* и *во-вторых*:

(342) **ФУР2** ММ: Ну, третья серия совсем скоро, уже на этих выходных, но это Английская премьер-лига, и там свои интриги. Одна из команд здесь же на поле Этихад выйдет на матч чемпионата Англии, с той же вывеской, уже не будучи участником плей-офф Лиги Чемпионов. ТЖ: **Это во-первых, а во-вторых,** вот этот счет три-два, если бы он зафиксирован был в пользу Сити, например, в матче чемпионата, Пепа Гвардиолу абсолютно бы устроило. Сегодня этого Манчестеру мало.

Конструкции расширения могут сопровождаться повтором, служащим опорой для связного дополнения речи комментатора 1:

(343) **ФОР2б** НФ: [Ц, ай, и **новое** переднее **крыло**.] АП: [**Новое крыло**. Ну я думаю, что] там проблема **не только в крыле** – он слишком медленно едет.

(344) **ВА2** JAF: It is. Everyone, many people watching it, and there's none other like Tour de France, **and it's not just about sport.** RH: **And it's not just about sport**, it's about a cultural exchange if you've seen with the anthems, the flags, the people on the road.

(345) **ВА2** JAF: …and-and look at him, he gets to Tour de France, with two, with both British champion titles, **which is a wonderful thing.** RH: **A wonderful thing,** the first time it's been done in Great Britain since two thousand seven.

Во избежание повтора комментатор также может прибегнуть к перефразировке:

(346) **ФУР2** ТЖ: Ну что ж. **Равный** счет у нас с вами по сумме двух встреч, вторая идет. ММ: Очень быстро **подравнялись** команды.

(347) **ФУР2** ММ: Ну да, поэтому те, кто скажет, что ближний угол – вратарский. Да нет. Ну это **расстрел** просто. (пауза) ТЖ: **Стреляет** тем более Агуэро, а не кто-нибудь.

(348) **ФУР2** ТЖ: Он пытался убедить в обратном турецкую бригаду арбитров. Не получилось – **схватился за лицо.** ММ: **Есть отчего хвататься и не ему.** Давно не забивали голов в нашем матче – пятнадцатая минута.

(349) **ФУР2** ТЖ: **Здорово смотрится Тоттенхэм**, если бы он не жался к воротам эпизодически. ММ: **Да вообще отлично игра смотрится,** и Сити тоже хорош.

(350) **ВА2** RH: **It's been pretty horrific** for a lot of the riders **out there**. BS: **It's been a little bit grisly out there**.

В контекстах 346 и 347 сменяется часть речи опорного слова из реплики комментатора 1 (*равный → подравнялись*; *расстрел → стреляет*). В контексте 358 повторяется и упрощается синтаксическая структура первой реплики; при этом комментатор избирает синонимичное прилагательное для описания нелетных погодных условий (*horrific → grisly*).

Примеры 348 и 349 содержат любопытную перефразировку, в которой комментатор 2 делает некую «добавочную поправку». Он не столько не соглашается с коллегой, сколько показывает другую перспективу, другую сторону утверждения, заключенного в предыдущую реплику. Так например, в контексте 348 эмоция футболиста, денотированная комментатором 1, в речи комментатора 2 переносится на всех участников события, а в контексте 349 комплимент распространяется не только на одну команду, но и на весь матч. При этом используются те же глаголы: *хвататься* и *смотреться* – соответственно.

Наиболее оптимальная реплика расширения осуществляется за счет перехода одной реплики к другой (в рамках одного эпизода) с помощью референта, так как он является связующим звеном между пропозициями говорящих, формирующими единую макропропозицию:

(351) **ФОР2б** НФ: Это на руку **Себастьяну Феттелю…** АП: **Феттель** подъехал, крыло открыто у него тоже! Тройной зигзаг. Не проходит пока этот моме-е-ент, аж блокирует шины он, и Гасли тут как тут.

(352) **ФУР2** ТЖ: Да, сначала Тоттенхэм и за чемпионство боролся, так казалось, но потом серия **неудач**, и они теперь, дай Бог, останутся в лигачемпионской четверке. ММ: Причем какими были эти **неудачи**. Ты помнишь

тот отрезок: и поражение от Бернли, и поражение от Саутгемптона, там же поражение от Челси, ну, здесь уже конечно уже совсем другого уровня соперник.

(353) **ФУА2** DF: Flicked away **by Trippier**. JJ: It's good clearance in the end **from Kieran Trippier.** I think he's going wide, but he probably doesn't know that. In a better position this time.

(354) **ВА2** BS: She beat **Lepistö** and Kirsten Wild, so well done Hannah Barnes, the former British champion. RH: **Lotta Lepistö**, very-very good results over the last year, and Kirsten Wild has been one of the top sprinters in cycling for the last few years, hasn't she?

Таким образом комментатор 2 развивает тему относительно одного референта. Чаще всего он денотирует спортсмена или другого участника соревнования, но в качестве денотата могут выступать и неодушевленные предметы, например, *неудачи* в контексте 352.

Конструкции расширения также могут вносить информацию другого типа, не соотносящегося с фрагментом предшествующей реплики. Например, комментатор 1 может говорить о текущих событиях, а комментатор 2 – помещать тот или иной факт во фрагмент «Ретроспектива», добавляя исторический контекст сказанному:

(355) **ФОР2б** НФ: Это было бы очень интересно на последних кругах дистанции увидеть снова их борьбу. Но в Мерседесе вряд ли будут так рисковать. АП: **Едва не просчитались в Феррари, мы помним,** с (пауза) Феттелем, когда зазвали его буквально на-п-пе-за два круга, то есть первый из них был разгонный из боксов, то есть он не мог на нем естественно показать лучший круг.

(356) **ФУР2** ММ: …если бы матч состоялся на Уэмбли, вероятно, счет был бы совсем иным. Но это уже сослагательное наклонение, мы уже об этом никогда не узнаем. ТЖ: **Ну, твои, Миш, фантазии недалеки от истины, потому что, когда команды играли на Уэмбли совсем недавно в рамках чемпионата, там Сити праздновал победу один-ноль.**

(357) **ФУА2** JJ: Just what the Spurs do now. Y'know, he's come on and added in, but as I've mentioned in terms of the flow of the game, it's not really gone Spurs-way, but he's done the thing he's been sent on to do. And it might just, does in brush his forearm and then onto his hip, it's a really tough one, but the referee at this slowdown, he's had a look at it and he's obviously decided it doesn't hit his arm and then go in the net – it hits his hip afterwards, which caused the goal. DF: **Fernando Llorente's only come off the bench to score twice for Tottenham**, both in the Champions League this season.

Фразы, выделенные полужирным шрифтом в примерах выше, очевидно продолжают эпизод и сказанное комментатором 1, однако создают смежную пару дискурсивных фрагментов «Аналитика»-«Ретроспектива» или «Ход соревнования»-«Ретроспектива». Это может говорить о скрытом или заранее обговоренном разделении мыслительной нагрузки, где один из комментаторов

осведомлен в исторических сводках относительно события, в то время как второй называет события и размышляет. Эти функции особенно наблюдаются в русскоязычном футбольном комментировании ФУР2, где конструкции расширения с фрагментом «Ретроспектива» часто произносятся Тимуром Журавелем (ТЖ).

Конструкции расширения могут также означать форсированный переход права на коммуникативный ход:

(358) **ФОР2б** НФ: Мы видим, что здесь предыдущие, но не все, я так понимаю, уместились победы Льюиса, [потому что у него их пять…] АП: **[У него еще в восьмом году]** до этого была, **да**, в восьмом. А потом могла быть еще одна. Могла быть в прошлом году.

(359) **ФОР2б** АП: Министр транспорта, я так понимаю, государственный секретарь у них это называется, но это министр транспорта, вручает вот этот кубок. Несколько лет назад начали вручать было такие, знаете, совсем современные слабенькие, и именно Льюис был человеком, который очень сильно раскритиковал и сказал: «Ну что это такое, ребят? Такая историческая гонка, и вы вручаете непонятно что». [И… **да**.] НФ: **[Вот примерно]** так, то, что сейчас представителю команды Джеки Стюарт вручает.

В обоих случаях комментатор 1 готов продолжить свою реплику, но право на ход отнимается комментатором 2 с целью дополнить речь собеседника. При этом оба контекста содержат слово *да*. В контексте 358 оно произносится комментатором 2, одновременно означая согласие и благодарность коллеге за верное замечание и при этом забирая право хода, как если бы комментатор 1 не мог должным образом завершить эпизод. В примере 359 *да* выполняет обратную функцию: уступает право хода комментатору 2.

Интересно, что подобные акты речевого вмешательства комментатора 2 могут, помимо слова *да*, сопровождаться и повтором:

(360) **ФОР2б** НФ: Здесь кстати сумасшедшие совершенно цифры сегодня были озвучены: сто сорок одна тысяча человек на трибунах. Можете себе представить? Насколько я понимаю, только американские гонки периодически собирают такие толпы людей… АП: [**И Ле-Ман еще.** Двадцать четыре часа Ле-Мана.] НФ: […и то не всегда.] **Ну Ле-Ман, да, Ле-Ман** и раз в году бывает, а все-таки у Формулы-один двадцать одна гонка, и Сильверстоун бьет все рекорды еще и по посещаемости.

Комментатор 1 частично соглашается с промежуточной конструкцией расширения комментатора 2, но оставляет свой аргумент, считая его более верным.

Конструкции расширения могут идти серией, т. е. друг за другом, в особенности если оба комментатора избирают новое событие в качестве тематической опоры и постепенно узнают о нем все больше, проводя совместную аналитическую работу:

(361) **ФОР2б** АП: [И Квят прошел!] НФ: Даня сейчас в очковой зоне, наконец [попадает в десятку.] АП: [Причем близко от Албона!] Начал нагонять партнера по команде. [Здесь тоже возможна борьба.]НФ: [И это при том], что вы помните, как все начиналось, когда он застрял позади Рэйсинг Пойнта и ничего не мог поделать – это было все в районе семнадцатого места… АП: [Между прочим…]

Каждая последующая реплика расширения продолжает предыдущую, что придает эффект монологичности, как если бы этот отрывок был произнесен одним человеком. В моменты совместного последовательного размышления парное комментирование структурно напоминает дискурс комментирования индивидуального.

Менее частотны конструкции продолжения реплик, соблюдающие синтаксис высказывания комментатора 1. Например, они могут содержать предложную группу, примыкающую к завершенному высказыванию собеседника:

(362) **ФОР2б** АП: То есть Феррари решило ставить именно на мягкие шины с- осознанно. НФ: **В отличие от Мерседесов и Ред Буллов.** Посмотрим, может вмешаться дождь всегда, мы знаем, что здесь очень непредсказуемая британская погода.

(363) **BA2** BS: But look at the flags in the right-hand side there. RH: **Through the feed zone**, as well.

Комментатор 2 также может ввести первое или однородное сказуемое к подлежащему из высказывания комментатора 1:

(364) **ФОР2б** НФ: Причем разных лет. В основном, это золотая эпоха. Ну, шестидесятые, и плюс **они на Астон Мартине ди-пи-пять…** АП: **Проехали** [по трассе, да].

(365) **ФУР2** ТЖ: Как быстро **мяч** от Агуэро дошел уже до противоположной штрафной. ММ: И сейчас он **уже готов так же быстро вернуться туда обратно**, если б только передача получилась, а так Кристиан Эриксен.

Еще одной структурой для продолжения реплики может служить придаточное предложение, следующее за союзом *что*:

(366) **ФУР2** ММ: Ну, я думаю, что… я даже не думаю, я уверен, что Массимилиано Иррати как основной видео-ассистент арбитра Джунейту Чекиру в уши **сказал, что…** [ничего не было, все чисто.] ТЖ: [Все чисто, да.]

(367) **ФОР2б** АП: Если честно, это тот случай, где я бы… Я понимаю, что выглядит так, что взяли и вывели Ферстаппена, но и… но… я бы щас не судил. Особенно **учитывая то, что…** НФ: Сколько судейских прецедентов [у нас было по ходу сезона…]

Такие случаи встречаются в моменты, когда комментатор 1 затрудняется продолжить сложное предложение, поэтому во избежание тишины и потери времени комментатор 2 самостоятельно завершает реплику. В примере 366 задержанная фраза комментатора 1 и продолжение комментатора 2 накладываются друг на друга; в примере 367 происходит замена местоимения с *что* на *сколько*. Также наблюдаются случаи, когда комментатор 2 завершает реплику определительным придаточным со словом *который* (*which*):

(368) **ФУР2** ММ: А сейчас мы видимо увидим чистую расстановку с тремя центральными. ТЖ: **Которую прекрасно Тоттенхэм знает.** Ничего нового здесь не будет.

(369) **ФУА2** DF: The possession stats at the moment, we've got the UEFA stats screen in front of us here in the commentary position: sixty-eight percent possession for Manchester City. JJ: **Which is unbelievable.** Because I just spoke about players like David Silva, even Gündoğan. I feel like they've not really had a kick.

Неудивительно, что некоторые конструкции продолжения реплик содержат в себе повторы. Например, те же придаточные союзные конструкции, не получившие продолжения в реплике комментатора 1, могут быть снова произнесены комментатором 2:

(370) **ФОР2б** АП: …да, на ваших экранах. Потому что ноль-ноль-семь на машинах, э-э, Ред Булла, **потому что**… НФ: [**Потому что** это тысяча седьмая гонка…]

(371) **ФОР2б** АП: «Переведи-переводи в восьмую, э-э… в восьмую позицию». (пауза) Сбережения энергии батареи, скажем так, – «мы гонимся за Себом». Ну там на самом деле меньше двух секунд, **так что**… НФ: **Так что** они действительно гонятся за Себом и в том числе и за подиумом.

Конструкции продолжения реплик с повтором также могут выражены параллельными структурами, нацеленными на сравнение или противопоставление по отношению к реплике комментатора 1. В примере ниже одна из них оформляется с помощью союза *(равно) как*, а повторяется уже не связка, а ключевая именная группа:

(372) **ФУР2** ТЖ: Ну, настолько **безоговорочным фаворитом этой пары считали** именно Сити. ММ: Равно как **безоговорочным фаворитом пары** Ювентус-Аякс **считался** Ювентус.

Также может повторяться и сказуемое, лишенное дополнения в изначальной реплике:

(373) **ФУР2** ММ: Итак, сумасшедший первый тайм **принес нам…** ТЖ: … **принес нам** счет три-два.

Положительная реакция комментатора 1 на конструкцию продолжения реплики может также содержать повтор такой конструкции. Таким образом устанавливается согласие с завершающей конструкцией комментатора 2:

(374) **ФОР2б** НФ: Я вижу, что Даня Квят прошел Алекса Албона, за девятое место у них была борьба, и **впереди теперь…** АП: [**Кими**. На Альфе.] НФ: [**Кими Райкконен.** Но там] достаточно далеко. Э, секунда и семь десятых, но тем не менее у нас еще до финиша есть время и в случае если Даниил – мы знаем, что [когда он в…]

(375) **ВА2** BS: I think, very happy. It's just a little pity for some about the weather. The Germans **never got to see the...** RH: **The German win** yesterday. BS: **The German win, yeah**, with Tony Martin.

Появление конструкций продолжения в парном спортивном комментировании отражает стратегию совместного порождения дискурса не только на уровне семантики, но и на уровне синтаксиса. Способность завершать высказывания друг друга зачастую говорит о слаженной работе комментаторов, что требует от них не просто вслушиваться в речь коллеги, но и предугадывать возможный ход повествования, их коммуникативные интенции. Иногда комментаторы «понимают друг друга с полуслова»:

(376) **ФОР2б** НФ: Но сегодня для них не лучшим образом… АП: Да… НФ: …как начинался этот уикенд вот с этого скандала, **так закончился и… только…** АП: [**Столкновением между пилотами!**]

(377) **ФОР2б** Но проблема в том, что этот потолок сильно ударит по лидерам, но **некоторые слабые команды** [были бы рады, (смеется) **да, дотянуться до такого**.] НФ: [**Даже дотянуться до него не могут…**]

(378) **ФОР2б** АП: **Наталья Фабричнова.** НФ: **И Алексей Попов.** АП: До встречи, друзья.

В контексте 377 комментатор 1 не может завершить свою реплику, но комментатор 2 находит подходящее продолжение, с которым одновременно соглашается изначальный говорящий. А в контексте 378 представлено типичное прощание команды комментаторов со зрителями, когда они называют имена друг друга в единой реплике, тем самым выражая благодарность за работу.

Однако продолжения реплик не всегда совпадают с ожиданиями комментатора 1, как в примере ниже:

(379) **ФУР2** ММ: Это современный футбол, это ВАР. Как говорит Леонид Слуцкий, праздновать гол теперь можно только, **когда ты** [взял паузу…] ТЖ: [**Дома-дома?**] ММ: **Да, и дож-дождался** жеста арбитра. Ух.

Здесь комментаторы шутят по поводу того, что футбольной команде нельзя раньше времени радоваться забитому голу, пока взятие ворот не зафиксирует видеоарбитр. Комментатор 1, цитируя известного тренера, допускает хезитацию, которой шуточно пользуется комментатор 2. Однако комментатор 1 решает продолжить реплику, что приводит к наложению несовпадающих конструкций *взял паузу* и *дома*. Это вызывает лексический повтор со стороны ТЖ (*дома-дома*) и слоговой повтор со стороны ММ (*дож-дождался*). Таким образом, реплика комментатора 1 разбивается на две части, а шутка комментатора 2 не производит достаточного эффекта.

В речи британских комментаторов конструкций продолжения реплик почти не встречается. Они приглашают собеседников к коммуникативному ходу с помощью вопросов и специально не завершают свои структуры:

(380) **ВА2** RH: Like certainly capable. When you see the ability he has, but... BS: Yeah, capable when it is Tour de France. Whether Chris Froome has a stuff to separate, we'll have to wait and see, but I think he's definitely got the ability.

В данном параграфе еще не были детально рассмотрены случаи, когда комментатор забывает слово и (пусть и имплицитно) просит помощи коллеги, чтобы тот завершил его реплику соответствующим образом. В материале исследования был найден один такой любопытный контекст:

(381) **ФОР2б** НФ: Да, я просто закончу с цифрами: триста пятьдесят одна тысяча человек за уикенд. Вот можете себе представить эту цифру? Плюс многие же здесь прямо живут, **вот эти…** АП: **Кемпинги**, да… НФ: …**кемпинги**. АП: [**Огромные кемпинги** вокруг трассы.] НФ: [**Палаточные городки.**] Несмотря на погоду, люди здесь приезжают и уже там со среды, с четверга.

Данный пример выстраивается вокруг единицы *кемпинги*. Комментатор 1 не может вспомнить это слово; комментатор 2 называет его; комментатор 1 повторяет его, чтобы завершить свою реплику; комментатор 2 дополняет его определением *огромные*; комментатор 1 находит ему более привычное русскоязычному зрителю

определение *палаточные городки*. Этот отрывок содержит несколько конструкций продолжения и расширения реплик.

На данном этапе исследования нет необходимости подсчитывать конструкции расширения и продолжения реплик, так как велик статистический разброс между группами комментаторов, различающихся функционалом, численностью и составом. Однако есть смысл в том, чтобы продолжить анализ расшифровок с одними и теми же комментаторами в рамках небольшого исследования коммуникативной адаптации, начатого в параграфе 4.1.

Приводим статистику относительно конструкций расширения и продолжения реплик в расшифровках ФОР2а и ФОР2б от 2013 и 2019 гг. соответственно. В обоих случаях комментаторами работали Алексей Попов и Наталья Фабричнова. Напомним, что эфир 2013 г. был для Натальи дебютным, поэтому она еще не была уверенным собеседником в сравнении с более опытным комментатором. К 2019 г. ситуация могла измениться. В таблице 5 представлено соотношение искомых конструкций, изменившиеся с течением времени совместной работы:

Таблица 5. Конструкции расширения и продолжения реплик в парном спортивном комментировании

Тип конструкции	ФОР2а			ФОР2б		
	АП	НФ	вместе	АП	НФ	вместе
Конструкции расширения	33	35	68	52	33	85
Конструкции продолжения	8	19	27	13	20	33

Во-первых, стоит заметить, что АП на правах более опытного комментатора в первых совместных эфирах нечасто использовал конструкции продолжения. Тем самым он давал НФ простор для самостоятельного порождения текста.

Во-вторых, с течением времени в речи АП серьезно повысилось количество конструкций расширения. Мы предполагаем, что в 2013 г. АП сдерживал себя и намеренно не расширял конструкции НФ, чтобы не поставить под сомнение ее

компетентность. Если бы он постоянно дополнял ее реплики, зрителю могло бы показаться, что ее вклад в диалогическую речь недостаточно велик.

В-третьих, заметен прирост в использовании обеих конструкций в совместном порождении дискурса парного спортивного комментирования: 85 конструкций расширения (по сравнению с предыдущими 68) и 33 конструкции продолжения (по сравнению с предыдущими 27), и это при меньшем объеме расшифровки ФОР2б. Это изменение говорит о том, что чем дольше комментаторы работают друг с другом, тем охотнее продолжают речь друг друга, адаптируются, притираются при работе в паре, а их диалогическая речь структурно все более напоминает монологическую.

В данном параграфе была раскрыта необходимость в использовании конструкций расширения и продолжения в парном спортивном комментировании. Их стратегическая сила состоит в том, чтобы не только помочь собеседнику завершить сказанное, но и сделать дискурс полноценным, даже походящим на монологический. Было обнаружено, что данные конструкции звучат естественно в диалоге, сопровождаясь средствами повтора, перефразированием и референциальной опорой.

Было найдено очень мало примеров конструкций продолжения реплик в речи англоязычных комментаторов. Эта особенность не обусловлена языковыми особенностями английского – она имеет прагматическую и, возможно, лингвокультурологическую природу. Британские комментаторы вообще не продолжают реплики друг друга. Вместо этого они пользуются смежными парами «вопрос-ответ», причем вопросы могут быть альтернативными, т. е. вызывающими согласие или несогласие собеседника. Этим речевым актам посвящен следующий параграф.

4.3. Кооперативный принцип и речевые акты согласия и несогласия

Из предыдущего параграфа становится ясно, что парное спортивное комментирование, несмотря на необходимость в диалогизации речи между двумя собеседниками, отличается высокой степенью связности. Структура дискурса лишь изредка нарушается накладывающимися репликами или «чистым» диалогом между комментаторами. В остальном парное спортивное комментирование воспринимается как дискурс, созданный едва ли не одним говорящим.

Для этого эффекта комментаторы плавно переходят с одной темы на другую, оформляя сдвиг эпизодов средствами, аналогичными тем, что встречаются в индивидуальном комментировании. Точкой опоры для смены эпизода может являться как собственный отрывок, так и реплика собеседника. Помимо этого, комментаторы дополняют реплики друг друга, либо продолжая эпизод, либо завершая синтаксическую структуру предшествующего высказывания. В этом параграфе будет рассмотрена третья, не менее важная группа речевых актов, объединяющая диалогичность дискурса с приданием связности: конструкции согласия и несогласия с собеседником.

При работе в паре спортивные комментаторы должны соблюдать кооперативный принцип, заключающийся в том, что каждый собеседник делает значительный и достаточный вклад в разговор, не нарушая цель интеракции [Levinson 2008, p. 101]. Комментаторов объединяет одна главная дискурсивная цель – рассказать зрителям о событиях спортивного соревнования. Любое нарушение этого принципа ставит под угрозу успешность диалога. А, учитывая медийность разговора, это чревато разрушением не только взаимодействия двух людей в комментаторской кабине, но и команды комментаторов с большим количеством зрителей-наблюдателей происходящего диалога.

Так как спортивные комментаторы вводят релевантную информацию в дискурс, а их реплики и эпизоды не могут существовать в отдельности друг от

друга, в парном комментировании наблюдается большое количество и грамматическое разнообразие речевых актов согласия. Эти акты можно поделить на эксплицитно и имплицитно выраженные: в первом случае вербализуются языковые единицы (частицы, наречия и краткие фразы с глаголами или прилагательными с семой ‘согласие’), подтверждающие верность сообщения предыдущего говорящего; во втором – такие единицы отсутствуют, подробнее см.: [Архипова 2012, 2013].

В русскоязычном спортивном комментировании наиболее частотной единицей, выражающей согласие, является слово *да*. Однако ниже представлены и другие эксплицитные способы выражения согласия русскоязычными комментаторами:

(382) **ФОР2б** АП: Здесь Джеймс Бонд… НФ: **Ага**, Дэниел Крэйг, **да**… АП: …**да**, на ваших экранах.

(383) **ФУР2** ТЖ: Ммм… Да, [микроскопический офсайд.] ММ: [**Пожалуй, все-таки да**,] офсайд.

(384) **ФОР2б** НФ: [Ему сказали еще, что] много кругов до финиша – продолжай. АП: **В том-то и дело.**

(385) **ФОР2б** НФ: Мы видели на примере Кими Райкконена, когда он был на Рено, я помню, с пробоиной он закончил гонку. АП: **Эт-это правда.**

(386) **ФОР2б** АП: Двадцать очков – преимущество у Макларена. И представляете, для Рено… НФ: …и сейчас может оно увеличиться… АП: **Вот именно…**

(387) **ФОР2б** НФ: Ну я думаю, им сейчас главное сохранить подиум после всех приключений. АП: **Да не то слово.** (смеется) Сегодня у Феррари такая битва с Ред Буллом.

(388) **ФУР2** ТЖ: Ругают Льориса, что он лидер по результативным ошибкам среди вратарей Премьер-Лиги, если берем последние сезоны, но все-таки это не тот мяч, который мог вызвать какую-то нервозность у чемпиона мира. // ММ: Чекир добавляет три минуты. // **Да нет**, ну то, что Льорис – голкипер классный, то, что он входит в топ мирового футбола на этой позиции – **здесь сомнений нет.**

Интересная особенность русскоязычных актов согласия заключается в том, что его можно отложить до конца высказывания (контекст 388) или поместить слово *да* в середину высказывания:

(389) **ФОР2б** НФ: Может быть, порыв ветра, кстати, который [вмешивается у нас…] АП: [То, о чем мы часто] говорили, **да**…

(390) **ФОР2б** АП: [Вон там три Супер Марио], четыре Супер Марио бегут… НФ: (смеется) АП: Мы видели, в том числе… НФ: А ведь мы не в Японии! АП: (смеется) НФ: Где их очень много. АП: Прям в центре Токио, **да,** есть такой аттракцион, где дают на картах ехать по городу.

Что касается английского языка, эквивалентная единица *yes* с отчетливым звуком [s] на конце слова встречается очень редко в сравнении с другими эксплицитными выражениями согласия, указанными в примерах ниже:

(391) **BA2** RH: You really do expect them to be in the break most days, but today surely. At the team meeting this morning, they must have been sat down, said "you have to be in the break today, absolutely". JAF: **Exactly**. Everyone, but the thing about Tour de France is, we also see some big teams like Cannondale trying and Drapac to be on the breakaway.

(392) **BA2** RH: It's a big menu for some very hungry sprinters, but we've got a lot of sprinters here: we've got Greipel, we've got Cavendish, remember, thirty Tour de France stage wins, Marcel Kittel, Peter Sagan, Alexander Kristoff, Degenkolb, Demare, Swift, Bouhanni, Matthews, Groenewegen, Colbrelli, Mclay – the list goes on. JAF: **Yeah**, there're so many and many others I might anticipate as well...

(393) **BA2** BS: But I think he's relaxed now, he's enjoying cycling, and great to see him in the break. CK: **Yeah**, I think so. He's such a genuinely nice guy as well, to be fair.

(394) **BA2** RH: Yoann Offredo is there on the left-hand side, a good classics rider, a man who you know very well from riding at the front of races with. JAF: **I do, I do.**

(395) **BA2** RH: A wonderful thing, the first time it's been done in Great Britain since two thousand seven. And it's another commentary colleague but from the enemy this time, the other channel that won't be named. JAF: **OK**.

(396) **BA2** RH: Geraint Thomas. You know him quite well, Geraint Thomas, you've ridden with him for quite a while. This will be a very special day for him. JAF: **For sure.** He clearly deserved the victory already, and he could have won several Tour de France stages.

(397) **BA2** CK: …in fact, every stage is characterized by just one intermediate spring. Brian, and it's worth going for. BS: **Yeah, certainly it is.**

(398) **BA2** RH: Yeah, I have to admit that when I landed on Thursday in Düsseldorf and I had a first look around, I was a little disappointed, I was a bit, well... BS: **Yeah, same here, same here, yeah...** RH: ...bewildered as to the fact, I wondered if there was a bike race happening at all.

Речевые акты согласия английского языка включают в себя положительные наречия (391, 397); разговорные формы согласия *yeah* (392, 393, 397, 398) и *OK* (395); сокращенные формы согласия с помощью вспомогательного глагола или глагола-связки (394, 397); фразы, выражающие уверенность в сказанном (396, 397); фразы, фиксирующие схожесть ситуации (*same here* в 398).

Уже на уровне актов согласия наблюдаются идиостилевые особенности. Например, Хуан Антонио Флеча (JAF) предпочитает единицу *exactly*, что может быть вызвано частотностью ее эквивалента в родном для него испанском языке – *exactamente.* Сразу после этого слова Флеча расширяет реплики собеседника. В

примере ниже он не только соглашается с предыдущим высказыванием о том, что травмы, полученными спортсменами, могут сказаться впоследствии, но и говорит о возможных сценариях развития после соответствующих травм:

(399) **BA2** RH: …we'll have to watch, keep an eye on all those riders who crashed yesterday because, Juan, sometimes the extent of those injuries, as we've shown the Giro, doesn't come clear until a couple of days down the line. JAF: **Exactly**. Certain injuries, they kind of show up later and-and you start to feel more after a couple of days, but some of them, they heal quicker and you're ready shortly, and you're fine, and you're again racing.

В свою очередь Шон Келли (SK) почти каждую свою реплику начинает со слов *yes* или *yeah*. Есть предположение, что не каждая из этих единиц использована исключительно в качестве маркера согласия. В речи Шона Келли было обнаружено большое количество слов- и фраз-паразитов вроде *y'know*, и номинальные слова-согласия можно включить в эту же группу:

(400) **BA2** CK: And that was down to the rain, essentially, Sean. So, let's just hope that everyone stays safe today as well. SK: **Yes, of course**, really bad conditions and not much better today, ride through this stage of over two hundred kilometers and in the prologue time trial yesterday...

(401) **BA2** CK: The pace was up, the rain's coming down, and that's what you get. SK: **Yes, well,** I think that's, you could see that, y'know, that the, erm, the nervousness was in the peloton there, and there the ones who can, y'know, give you the relay there, they know it's, er, slippery out there and everybody, y'know, pushing on a little bit…

Стоит также упомянуть акты согласия с отрицательными частицами *нет* в русском или *no* в английском, использующихся в тех случаях, когда согласие направлено на утверждение с отрицательной формой:

(402) **ФУР2** ТЖ: Пока этот счет, я-мы вам напомним, устраивает именно Тоттенхэм. (пауза) Но невозможно поверить, что он так и останется на табло. [Просто невозможно…] ММ: [**Нет**, голы еще] непременно будут. **Здесь нет никаких сомнений.**

(403) **BA2** CK: Sean, the conditions seem to be worsening out there, and it's looking evermore like we may have some standing water. The rain's just started at the finish line as well, as this weather's assistance (?) starts to join us. It's not nice. SK: **No, it's certainly not nice** and we can see there, y'know, the peloton having a sixty kilometers per hour.

Перейдем к тем речевым актам согласия, которые могут быть использованы без эксплицитных единиц, несущих соответствующую сему. Первым приемом импликации является повтор:

(404) **ФУР2** ТЖ: Ну, режиссеры трансляции поиграли, а-а, лицами футболистов Сити. Действительно, это настоящий привоз от защитников и… ММ: **И один-один.** ТЖ: **И один-один.** Теперь, чтобы Сити шел дальше, им

нужно забивать как минимум два и не пропускать, но и это также означает, что сегодня мы не увидим дополнительного времени.

(405) **ФОР2б** АП: Ух, все, это **сход**. НФ: И Хаас, похоже, **сход**.

(406) **ВА2** RH: Those, like a lot of big riders, if you put those skin suits on, the helmet's on as well, a lot of people tend to look quite **similar**. JAF: **They are similar.** There are so many mistakes obviously when you see them.

(407) **ВА2** RH: Erm, Contador, Fuglsang, Chaves, Aru, Roglic, Bardet – what are your predictions for this Tour? **It's very early, Juan.** JAF: **It's very early.** I-I think Orica-Scott is Tour de France, got a lot to say on GC with Yates and Chaves.

(408) **ВА2** RH: …to be fair, the Gazzetta dello Sport and the transfer rumours there, **they are not often off with it.** JAF: **They are not**, and this is the time of the year when the market is up and there's a lot going on in that market…

(409) **ВА2** CK: …in fact of course they had, they were more handed almost at the French Championships, Sean, they had twenty-one on their roster to deliver Arnaud Demare and, of course, did so in front of Bouhanni. **Bouhanni wants revenge.** SK: Well, **he definitely wants revenge**, but, y'know, it's Demare who's the one who's sprinting better at the moment…

В контексте 404 Тимур Журавель не знает, как продолжить свою реплику после союза *и*. Михаил Моссаковский делает это за него с помощью языкового шаблона «счет», а первый комментатор вместо эксплицитного согласия *да* избирает повтор шаблона. В контексте 405 в обеих репликах отмечается, что один из болидов сошел с трассы, но реплика второго комментатора дополняет первую идентификацией референта, а именно команды «Хаас».

Англоязычные примеры 406-407 также содержат фразовые повторы с глагольными и именными сказуемыми. В контексте 406 согласие передается не дополнительной единицей, а интонацией, с помощью которой комментатор усиливает глагол-связку *are*. Контекст 407 интересен тем, что в первой реплике комментатор задает вопрос коллеге и сам отвечает на него, впоследствии называя собеседника и отдавая таким образом право на коммуникативный ход. Второму комментатору не остается ничего сделать, кроме как согласиться с ответом на вопрос, заданный ему, по подобию тому, что уже был высказан первым комментатором.

Однако даже имплицитное согласие посредством повтора может быть эксплицировано, так как ничто не мешает говорящему поддержать повторение слова или фразы соответствующей единицей, выражающей согласие:

(410) **ФУР2** ММ: **[Гимн], гимн клуба!** ТЖ: **Да, гимн клуба** и такая немножко в как раз повисшей в голубом цвете луна сейчас на нас посмотрела.

(411) **ФОР2б** НФ: [До **контакта**]… АП: [**Был контакт, да.**]

(412) **ФОР2б** НФ: Нет, **Боттас** все-таки **сохраняет** [позицию впереди…] АП: [**Да-а-а, Боттас сохраняет.**] Больше того, у него быстрые шины, вот пожалуйста.

(413) **ТР2** АК: Ну то есть **не довел** атаку **до конца** по сути. МС: **Не довел до конца, да.** То есть он не понял, чо надо делать с-с-с коротким мячом.

(414) **ВА2** RH: Thomas De Gendt and Tim Declercq at the front. **Lot of work** being done today by Lotto Soudal and Quick-Step Floors. (pause) JAF: **A lot of work, indeed**, but especially with Thomas De Gendt, you love that.

(415) **ВА2** CK: Yeah, um, it's a reflected injury, Sean, that almost like a-a repetitive stress injury. When you put your body under an unusual position like that, even if it's four or five kilometers, **it's gonna have an impact**, potentially? SK: **Well, of course, it's gonna have an impact**, and of course, y'know, the riders, they have a position on the bike and they ride so many kilometers every year, a year after year…

Чтобы не повторять за коллегой, спортивный комментатор может также прибегнуть к использованию перефразирования. Аналогично повтору, перефразировка может быть дополнена эксплицитной единицей:

(416) **ВА2** RH: You really think **the peloton just should be knocking it off** a bit? JAF: **They should stop for a break there**, and there's no need to keep the breakaway so close.

(417) **ФОР2б** АП: Ну смотрите, **он не сдался** по внешней траектории. НФ: **Да**, здесь **очень жестко они с партнером боролись.**

Одним из типов перефразирования также является смена грамматических признаков или части речи из изначальной реплики. В примере ниже комментатор 1 употребляет глагол *выматывает*, а комментатор 2 в своей реплике трансформирует его в существительное *выматывание*, тем самым соглашаясь со сказанным:

(418) **ФУР2** ММ: А это очень **выматывает**. ТЖ: Да, сейчас именно таким **выматыванием** занимается Сити.

Согласие также может быть выражено с помощью усилительных форм; например, наречий-интенсивов:

(419) **ФУР2** ТЖ: Ну, **много** голов здесь забивается традиционно, на стадионе Манчестер Сити. ММ: А будет **еще больше**. ТЖ: (С) Будет точно больше. Они вряд ли могут остановиться прямо сейчас.

(420) **ФУА2** DF: ...He can score goals, he can make goals, he's so explosive. JJ: Yeah, he **really** is.

(421) **ВА2** RH: So, **more than enough** control for the peloton at the moment, Juan. JAF: It is **too much**, but I think it's not about that they need more riders and more <one> to get involved with this chase.

В контексте 420 к пропозиции комментатора 1 добавляется усилитель *really*, который сам по себе не может выражать согласие – только в качестве модификатора глагола, прилагательного или наречия. В остальных двух случаях фигурируют наречия, выражающие количество, причем форма, избранная комментатором 2 увеличивает форму, избранную комментатором 1: *еще больше* вместо *много* и *too much* вместо *more than enough*. Похожая интенсификация происходит и с прилагательными, когда комментатор повышает степень признака:

(422) **ФУА2** DF: That's a **big** blow to them. JJ: **Huge**. It's a **huge** one should they get through.

(423) **ВА2** RH: He's a **big** guy. JAF: He is **massive**, a **very big** guy and, err, just it was impressive. Very cool man as well and very clever, too.

(424) **ВА2** RH: Come third place last year, didn't he? BS: Yeah, he did **tremendous**.

Выше были рассмотрены многочисленные варианты актов согласия с репликой собеседника. Однако достойны упоминания и структуры, предшествующие этим актам. В примерах выше комментатор 2 в основном соглашается с предположениями и высказываниями комментатора 1. Однако немалую часть найденных контекстов составляют разделительные вопросы, или, в разговорной традиции английской грамматики, «вопросы с хвостиком»:

(425) **ФУА2** DF: **His pace has caused a real problem so far, hasn't it**, Moura? JJ: **Yeah**, I think in terms of the gameplan that the Tottenham headed onto the pitch with Moura and Son has gone to perfection.

(426) **ВА2** RH: And I know you're a big student of marketing and business, um, **it makes commercial sense for the Tour to visit Germany, doesn't it?** JAF: **Yeah, of course.** I mean I haven't done any research about that in particular, but obviously the visual, I mean, the attraction that the Tour de France, err, brings to any customer is massive.

(427) **ВА2** RH: **Team Sky got it right yesterday, didn't they?** JAF: **They did!**

(428) **ВА2** CK: …you cannot help but be collected at the moment like that if riders go down in front of you, Sean, and **it's a big-big target to try and miss, isn't it?** SK: **Yes**, well, impossible for the riders who were in close proximity to avoid that crash…

(429) **ВА2** RH: Argh-argh-argh, if, it all depends, I suppose, if it's fractured, if it's shattered because there's also—**it-it's something that at his age could be very difficult to recover from, isn't it?** JAF: **Exactly**, and some different spectrum of people was racing, oh, that's the end of his career.

Комментаторам удобно использовать именно такой тип вопроса, так как он, грубо говоря, состоит из утверждения и заключающей части («хвостика») высказывания, апеллирующего к ответу собеседника. В первой части вопроса сохраняется порядок слов утвердительного предложения, так что говорящий может беспрепятственно превратить его в вопрос, не формулируя новое высказывание или исправлять порядок слов в текущем так, чтобы он соответствовал обычному вопросу. Таким образом, разделительный вопрос оставляет комментатору 2 решение согласиться или не согласиться с одним из альтернативных вариантов. В подавляющем большинстве случаев за разделительным вопросом следует речевой акт согласия, так как в вопросе заключается достаточно очевидное утверждение.

Наводящий вопрос также может быть выражен простым альтернативным вопросом с соответствующим порядком слов:

(430) **BA2** RH: **Do you think, Juan, that he can win a stage then?** JAF: **Definitely so.** He use all his speed, it's not just about the form, it's about so many things.

(431) **BA2** CK: **Does he want his original bike back? Is it as simple as that, Sean?** SK: **Yes**, I think, y'know, he did make a bike change, we can see there that the bike he's got at the moment is saddled way-way too low and, y'know, still twenty two point nine kilometers to go.

В одном из аномальных контекстов акт согласия следует за наводящим вопросом открытого типа:

(432) **BA2** CK: I'm not suggesting in any way that this race is even approaching over, but those are early-early knockbacks, Brian, and time you have to find deeper into this race and we're not really climbing again until stage five where these GC men might have a chance, but the way Froome's looking at the moment, **what chance have they?** BS: **Yeah**, I think everybody was anticipating all the GC riders not to take any risk whatsoever yesterday, and it's a long Tour de France and there's gonna be other opportunities…

Тактика наводящего вопроса почти не присутствует в традиции российского спортивного комментирования. Единственным исключением являются те трансляции, где вторым комментатором выступает непрофессионал – как правило, бывший игрок. Большое количество подобных наводящих вопросов было задано журналистом Александром Кузмаком при первом и единственном опыте

комментирования Маратом Сафиным, бывшим теннисным игроком, двукратным победителем турниров Большого шлема:

(433) **ТР2** АК: То есть, э-э, **мы сегодня будем болеть за Даниила Медведева** не просто в игре против одного из королей мирового тенниса, а как одного из претендентов на победу [в сегодняшнем матче]? МС: **[Да, я думаю], да.**

(434) **ТР2** АК: Зря резаным сыграл, да? МС: Ну такие вещи, ну конечно, такие вещи низя допускать, когда у тебя шанс, мя-, короткий мяч, надо атаковать, а не откидывать, откидывать на пол-, на хаф-корт и убегать за фон – это не… АК: **Сразу инициативу отдал, да?** МС: **Ну конечно**, зачем? Тебе и так подарили инициативу, зачем ты ее обратно отдаешь? Ну, я думаю, что Даниил сам не ожидал, что вот он так сыграет.

(435) **ТР2** АК: **То есть думает перед ударом, да**, в последний момент? МС: **Да, он думает, да**, у него еще пока (вдох) ни-ни-не прицелен…

Так как сам Сафин недостаточно компетентен в вопросах начинания эпизода, профессиональный комментатор помогает ему, подбирая искомую пропозицию, служащую опорой для ответного высказывания. В контексте 433 ответная реплика содержит только акт согласия, а в примере 435 – последующее высказывание о причине поведения спортсмена. Серия смежных пар «вопрос-ответ» в контексте 434 приводит к тому, что профессиональный комментатор задает очевидный вопрос, чем вызывает недоуменную реплику комментатора-эксперта с актом согласия, выраженным фразой *ну конечно*.

В комментировании автогонки «Формулы-1» Алексей Попов и Наталья Фабричнова обращаются друг к другу с вопросом исключительно для уточнения информации. Контексты в их речи и их англоязычные эквиваленты представлены ниже:

(436) **ФОР2б** НФ: **Это Магнуссен?** АП: **Да-а.**

(437) **ФОР2б** НФ: Ну что, **опять фальстарт?** АП: **Опять фальстарт, да.**

(438) **ФОР2б** НФ: [**То есть он позади Кубицы все-таки, да?**] АП: [Тогда как на альтернативе нет.] **Видимо, да.** В двух десятых позади.

(439) **ВА2** RH: They’ve got a new second sponsor. Cannondale-Drapac there, **looks like it could be Taylor Phinney underneath those glasses**, we’ll have to just check. JAF: **Yep, that’s Taylor**, and also the way he cycles the pedals...

(440) **ВА2** JAF: He’ll be fine, he’s, **I’m just curious to look at whether or not he chose disc brakes today or not** because, ar, it took a bit longer to replace the wheel... RH: **Yeah, he’s on discs!** JAF: **Yeah, he’s on discs.** That’s why it was taking so long to-to get that wheel changed.

Интересно, что вопросы-уточнения в английском комментировании оформляются в форме косвенного вопроса, т. е. структура высказывания сохраняет порядок слов утвердительного предложения: *looks like it could be Taylor Phinney underneath those glasses* (439); *I'm just curious to look at whether or not he chose disc brakes today or not* (440). В обоих примерах отвечающий подтверждает верность предположения, заключенного в уточняющий косвенный вопрос комментатора 1.

По результатам анализа речевых актов (не)согласия становится ясно, что в некоторых спортивных трансляциях два комментатора выполняют разные функции. Их кооперативный принцип заключается в том, что ведущий комментатор (как правило, профессиональный) рассказывает о ходе соревнования и, чтобы ввести собеседника в разговор, задает ему наводящие вопросы; этот собеседник не начинает собственные эпизоды и ждет, когда к нему перейдет право коммуникативного хода. Из этого следует, что ведомый комментатор (как правило, эксперт) гораздо чаще соглашается и задает меньше вопросов. Однако ведущие комментаторы также могут соглашаться с мнением собеседника. Примером такого журналиста является Карлтон Кирби, который соглашается с комментатором-экспертом уже после его реплики:

(441) **BA2** SK: …just under forty kilometers to go, it's difficult to see them holding on to the next cl-, mountain classification point. CK: **I think you're right.** And in fact the gap's come down to a minute and nineteen, and I think as the rain's started to intensify

(442) **BA2** BS: And I think that was that mentality, you just go out there, do your best, be cautious in the corners, and I think it was the fact that we went in there with absolutely no pressure and he was relaxed, he delivered the perfect performance. CK: **I think you're absolutely right.** We'll see what it is today.

Заметим, что согласие здесь не ограничивается краткой единицей, а представляет собой сложноподчиненное предложение с двумя клаузами: *I think* и *you're (absolutely) right.*

Еще одним типом согласия со стороны комментатора 1 являются акты согласия с поправкой, внесенной комментатором 2:

(443) **ФУР2** ТЖ: В Турине матч, я тебя поправлю. ММ: **Да, конечно**, в Турине первая игра была.

(444) **ФОР2б** АП: …и так его несколько раз не убрали, хотя того же Квята убрали в пять раз за меньшее, да? Там да, был, а-а, ошибка и от тарана в Сочи, но до этого был подиум в Китае, например… НФ: [Да нет, тогда ж все обсуждали, что это просто был по-повод, чтобы Макса Ферстаппена посадить.] АП: [**Вот именно. Да.** В то время как у Пьера] просто не было темпа, скажем прямо, на протяжении полсезона, и его отдержали в команде, поэтому сейчас, когда ему говорят прямым текстом «пусти», ну…

В качестве последнего специального параметра рассмотрим тот факт, что в некоторых смежных парах «высказывание-согласие» переход хода усиливается обращением к коллеге по имени. Функционал данного средства совпадает с функционалом разделительного вопроса, однако обращение может быть помещено не в конец предложения, что потребует мгновенного ответа комментатора 2, а задолго до завершения реплики комментатора 1:

(445) **ВА2** RH: I'll tell you what, **Brian**. I don't know what you thought about the Grand Depart so far, but the crowds have been far greater than I expected. BS: **Yeah**, they were good considering the weather yesterday up in Düsseldorf.

(446) **ВА2** CK: I'm not suggesting in any way that this race is even approaching over, but those are early-early knockbacks, **Brian**, and time you have to find deeper into this race and we're not really climbing again until stage five where these GC men might have a chance, but the way Froome's looking at the moment, what chance have they? BS: **Yeah**, I think everybody was anticipating all the GC riders not to take any risk whatsoever yesterday, and it's a long Tour de France and there's gonna be other opportunities...

(447) **ВА2** CK: Being the fastest though, **Sean**, is not necessarily the one who wins. It's the be-, it's the biggest advantage of course, but having a good leadout train and having the nerves, I think, really to guide yourself, and you also need a good deal of luck. SK: **Well, you certainly do** and earlier days of the Tour is going to be hectic…

Обращение дает сигнал менее опытному комментатору о том, что вскоре произойдет переход хода и что ему нужно внимательно слушать утверждение или вопрос, чтобы впоследствии согласиться или не согласиться, дать положительный или отрицательный ответ.

Эксплицитные акты несогласия как правило выражаются с помощью слова *нет*, противительных союзов вроде *но* или отрицательных форм:

(448) **ФОР2б** АП: А у Албона, вы знаете, может быть штраф тоже отложенный? Помните, у него было разбирательство тогда, [что у него было что-то] с Норрисом на пит-лейне? НФ: **[Но его же…] Но не наказали же**, написали, что не наказали. АП: **Ну не знаю…**

(449) **ФУР2** ММ: Удар по воротам и гол! Уже на четвертой минуте забивает Манчестер Сити! Ничего не предвещало! Рахим Стерлинг – один-ноль. ТЖ: **Но-о я могу поспорить**, потому что, когда мяч в ногах у Стерлинга, это всегда намек на гол.

(450) **ФУР2** ТЖ: Ничего себе начало. Еще десяти минут не прошло, у нас сценарий поменялся уже – сначала все хорошо для Сити, потом проблема, а теперь уже практически на грани, на грани чего? ММ: **Нет, не надо**, Сити – не надо пока, слишком рано.

(451) **ФУР2** ТЖ: Да, немножко прижимается Тоттенхэм, по крайней мере, вот в этих последних эпизодах. Понятно, что квалификация есть игроков, хотя мы Триппье уже составили, поставили сегодня под сомнение то, как он играет против Стерлинга на своем фланге. ММ: **Ну а ты поди не прижмись** к собственным воротам под давлением Манчестер Сити на Этихаде.

Как выяснилось, несогласие можно также выразить через повтор стартового утверждения в вопросительной форме:

(452) **ФОР2б** АП: Ну один пропустил по ходу гонки – мне кажется, второй раз это был бы уже перебор. НФ: **Для Ред Булла разве есть какой-то перебор? [Не уверена…]**

Теперь рассмотрим имплицитные способы несогласия в речи комментаторов:

(453) **ФОР2б** НФ: Что здесь было, реплей у Макса. А, Феттель к нему подошел. АП: Ну вот, слава Богу. Видите, вот. (пауза) «Не обижайся там. Ну вот, я виноват». «Окей». Видите? Прекрасно. Я считаю, что вот так должно быть, а не… (пауза) НФ: **[Ну…]** АП: [Даже когда] есть эмоции, то это гораздо [лучше, как тогда они…] НФ: **[Сам Макс обычно] поступает…** АП: Не так. Но это моло-молодой парень, может еще повзрослеет, может.

(454) **ФУР2** ТЖ: Ну а вот кстати накладка на руке, перелом руки получил Деле Алли как раз, мы уже сказали, в первом матче этих команд, пропустил игру с Хаддерсфилдом чемпионата, был на трибуне уже вот с этим подобием гипса, и выяснилось, что он не мешает ему играть в футбол. ММ: **Ну это лангетка, наверное, называется правильнее, да?**

(455) **ФУР2** ТЖ: Есть очевидный вариант, правда, молодой парень – пятьдесят второй номер Оливер Скипп, полузащитник. Вот он, кстати. Уже выходивший в стартовом составе, но пока еще очень не опытный, особенно на уровне… ММ: **Ну вот ты говоришь, что это очевидный вариант. Вот просто сейчас вдумайся, да**: Этихад, битва за полуфинал Лиги Чемпионов и Оливер Скипп, совсем молодой парень, сейчас должен появиться на поле вот в такой ситуации. ТЖ: **Если ты смотришь на состав запасных, там просто нет больше центрального полузащитника.** Дайер травмирован, два опорника и так играют – это Сиссоко и Ваньяма.

В контексте 453 комментаторы наблюдают за моментом, когда по окончании соревнования пилот Себастьян Феттель подошел к Максу Ферстаппену и принес ему извинения за столкновение на трассе. АП хвалит Феттеля за данный жест, считая, что именно такое поведение должно культивироваться среди гонщиков. НФ начинает свой акт несогласия с частицы *ну*, таким образом выражая, что хочет отреагировать на размышление АП, однако ей приходится ждать незаконченного

придаточного, чтобы вставить фразу *сам Макс обычно поступает…* Реплика подразумевает то, что если бы ситуация была обратная – действия Ферстаппена стали причиной аварии, – то он бы не извинился. Интересно, что АП использует конструкцию завершения реплики НФ *не так*, тем самым имплицитно соглашаясь с мыслью коллеги. Однако за ней следует акт несогласия с помощью союза *но*: АП считает, что Ферстаппен еще не дорос до взрослого поведения, показанного Феттелем.

В примере 454 ММ не соглашается с определением того, что закреплено на руке футболиста Деле Алли: вместо *гипса* он избирает слово *лангетка* и таким образом поправляет реплику ТЖ. Реплика состоит не только из наименования *лангетка* – она сформулирована в форме вопроса с «хвостиком» *да*; частицами *ну это*; маркер сомнения *наверное*; сравнительная форма прилагательного *правильный*.

Контекст 455 представляет собой сложный обмен двумя актами имплицитного несогласия. Во время матча футболист Мусса Сиссоко получил травму и был вынужден покинуть поле. Комментаторы обсуждают, кто может его заменить. ТЖ выдвигает кандидатуру Оливера Скиппа, называя этот вариант *очевидным*, однако указывая на неопытность футболиста. ММ не соглашается с ТЖ, отмечая, что это решение далеко не очевидно, и просит коллегу *вдуматься* в то, что он сказал. Несмотря на это, ТЖ защищает свою позицию и приводит уместный аргумент: его вариант очевиден, так как среди запасных команды «Тоттенхэм» нет других центральных полузащитников, помимо Скиппа. Таким образом, комментаторы совместно анализируют и взвешивают возможное решение главного тренера команды, что было бы невозможно в присутствии лишь одного комментатора (в данном случае – ТЖ), который бы обошелся только лишь наименованием кандидатуры на замену.

В одном из найденных контекстов было найдено дальнейшее подтверждение важности защиты своей позиции комментатором в ответ на реплику несогласия:

(456) **ФУР2** ММ: По-вратарски, ближней рукой, да? Владимир Никитович Маслаченко, мне кажется, оценил бы сейчас действия Льориса в рамке. Чудеса. ТЖ: **По-моему, удар отразился дальней рукой.** Ближняя была правая, а он отбивал левой. ММ: **По крайней мере, все по школе.** Все как по классике вратарского искусства.

Футбольные комментаторы наблюдают за видеоповтором того, как вратарь отбил мяч рукой. ММ решает сделать отсылку к знаменитому вратарю и затем комментатору В. Н. Маслаченко, который предположительно бы оценил, что футболист отбил мяч *ближней рукой*. Под *ближней* подразумевается рука вратаря, которая находится ближе к штанге, к которой направляется мяч. Однако ММ совершает фактическую ошибку, так как мяч отбивался дальней рукой (левой), о чем ТЖ сообщает в реплике несогласия. Вместо того чтобы согласиться с поправкой, ММ аннулирует ее, указывая фразой *по крайней мере*, что фактор «ближней руки» не так важен – главное, что описываемое действие вратаря было правильным и красивым (*по школе, по классике вратарского искусства*). Это странное, на первый взгляд, поведение, нарушающее кооперативный принцип, обусловлено тем, что при согласии с репликой-поправкой изначальное сообщение комментатора 1 теряет свой коммуникативный вес. Чтобы сохранить его, ММ отрицает заведомо верную реплику ТЖ и продолжает собственное виденье момента.

Другим имплицитным выражением несогласия является реплика сдерживания, когда комментатору 2 кажется, что комментатор 1 несколько торопится с выводами:

(457) **ФУР2** ММ: Все чисто. Мне кажется, что чисто. ТЖ: **Подожди-подожди.** Ну-ка еще раз, вот с этой точки. Нет.

(458) **ВА2** СК: Sean, we're about to take on our final climb of today. Lot more climbing tomorrow. We still got twenty k's to go; actually, until we are actually there**. Do you think the breakaway will make it to at least contest that?** SK: **Well, I'm doubtful that the breakaway will make it** because we can see there, there's a lot of the general classification men…

В контексте 457 комментатор предпочитает дождаться видеоповтора спорного момента, прежде чем соглашаться с мнением коллеги – происходит редупликация повелительной формы глагола *подожди*. В примере 458 комментатор 1 просит эксперта высказать мнение по поводу прогноза за двадцать километров до финишной черты. Эксперт сомневается в точности предложенной последовательности событий (прилагательное *doubtful*). Важно заметить, что предположение комментатора 1, заложенное после вопросительной структуры *do you think,* о том, что лидеры гонки смогут выиграть, очень смелое, так как в большинстве велогонок группу отрыва всегда догоняют на последних метрах дистанции. Складывается ощущение, что комментатор 1 своим вопросом намеренно вызывал речевой акт несогласия – он и был реализован, но в имплицитной форме.

Примеров выражения несогласия в английском комментировании было найдено очень мало. Это может быть связано с профессиональными чертами британских комментаторов, или культурологической особенностью дискурса, создаваемого ими, или вежливостью, т. е. нежеланием портить реплику собеседника. Поэтому в редких случаях, когда зарубежные спортивные комментаторы хотят разойтись во мнениях, они надстраивают эксплицитную форму смягчающими фразами и конструкциями:

(459) **ВА2** RH: And Romain Maes did it. Chances of it happening this year, Brian, pretty slim, you imagine? BS: **Erm...** RH: (смеется) Or not? BS: **I'm not sure. I'm not too sure.** I think Geraint is, is very capable of... RH: Like certainly capable. When you see the ability he has, but... BS: **Yeah, capable** when it is Tour de France. Whether Chris Froome has a stuff to separate, **we'll have to wait and see**, but **I think he's definitely got the ability**.

(460) **ФУА2** JJ: **Well, in a way, Fletch, I mean, don't get me wrong. As much, y'know, as I spoke about mistakes…** There are elements...

Контекст 459 содержит дискурсивный фрагмент «Аналитика», в котором комментаторы обсуждают шансы велогонщика Герэйнта Томаса на победу в «Тур де Франс». Комментатор 1 задает вопрос эксперту, сможет ли Томас выиграть, ни разу не потеряв желтую майку, т. е. лидерство в многодневной гонке. Несогласие

комментатора 2 начинается маркером сомнения *erm*, похожим на русскоязычное *ну* в примере 453. Далее BS эксплицитно дает отрицательный ответ *I'm not too sure* с отрицательной частицей *not*. Чтобы не заканчивать обмен репликами на разногласии, в конце отрывка комментаторы соглашаются с тем, что шансы гонщика не так велики, но его способности позволили бы ему достичь поставленной цели.

Самым ярким примером нежелания британского комментатора не соглашаться с коллегой является контекст 460. В данном случае несогласию предшествуют 7 различных форм:

- *well* – дискурсивный маркер при переходе коммуникативного хода, который в данном случае показывает уклонение комментатора от акта несогласия;
- *in a way* («в каком-то смысле») – конструкция, ограничивающая аргумент до узкого смысла или диапазона распространения;
- *Fletch* – эксплицитная краткая форма обращения к комментатору Даррену Флетчеру, используемая с целью смягчить продолжение сообщения;
- *I mean* – паразитическая структура, не добавляющая семантического значения;
- *don't get me wrong* («не пойми меня неправильно») – первая отрицательная структура, готовящая собеседника к акту несогласия;
- *as much… as I spoke* – придаточное противопоставление, в котором комментатор отрицает свою прошлую реплику («несмотря на то что я говорил [до этого], ...»);
- *y'know* – еще одна паразитическая структура без дополнительного значения, причем появляется она внутри союзной конструкции *as much… as*.

Эта сложная надстройка смягчает эффект от речевого акта несогласия, насколько это возможно. В речи британских комментаторов не приняты жесткие

языковые формы, вызывающие конфликт или ставящие под сомнение высказывание собеседника.

Более мягкой формой несогласия, часто встречающейся в дискурсе парного спортивного комментирования, является частичное согласие. В этом случае комментатор 2 соглашается с репликой комментатора 1, но продолжает ее противоположным аргументом:

(461) **ФУР2** ММ: Так, Бен Дэвис. ТЖ: Бен Дэвис, фланговый полузащитник. ММ: Защитник. ТЖ: **Защитник, да, но**, учитывая иногда схему с тремя центральными у Почеттино, Бен Дэвис закрывает в этом случае всю бровку.

(462) **ФУР2** ММ: И у Пепа Гвардиолы тоже с английскими командами, мягко говоря, не ладится. В еврокубках. ТЖ: **Да, но** это не такая богатая по фактуре история, **но тем не менее** она показательна.

(463) **BA2** RH: And can you believe it? He had to wait until he's mid-thirties to get that jersey. A really strong ruler like that he would have thought would have been made for a national championship scores at some point. JAF: **Sure, but if I'm not wrong,** I think Andre Greipel won it several times, and he's a massive champion and a great sprinter...

(464) **BA2** RH: You have been recalling some of the stages, haven't you, for us? JAF: **Yes, I've done, but not on the Pyrenees, unfortunately**, and we might do some sprints in (два слова, неразборчиво), in the coming days…

При частичном согласии чаще всего встречается формула *да… но* (*yes… but*). Интересно, что в контексте 462 за частичным согласием следует еще одна структура согласия с изначальной репликой комментатора 1 и несогласия с противоположным аргументом самого комментатора 2.

В данном параграфе были рассмотрены формы и способы выражения согласия и несогласия в речи спортивных комментаторов. Одно из главных различий парного комментирования от одиночного заключается в том, что в одиночном отсутствуют потенциальные точки конфликта. Работая индивидуально, комментатор ограничивается одной точкой зрения и не рассматривает альтернативные аргументы сказанному. При работе в паре спортивное комментирование получает дополнительную перспективу, усиливается степень аргументации и детальности нарратива.

Согласие и несогласие в речи спортивных комментаторов выражаются эксплицитно и имплицитно. Роль ведущих комментаторов видится в формулировке утверждений и наводящих вопросов для облегчения введения

реплики ведомым комментатором, зачастую являющимся экспертом в виде спорта, а не профессиональным комментатором. Если же статус комментаторов равен, они соглашаются друг с другом, чтобы сохранить кооперативный принцип диалога и сделать дискурс наиболее связным и фактически верным.

4.4. Прочие стратегии в диалогической речи спортивных комментаторов

В данном параграфе будут изложены дискурсивные стратегии парного/группового спортивного комментирования, не вошедшие в классификации из предыдущих разделов. Однако ими нельзя пренебречь в данном исследовании, так как они указывают на пусть и не самые частотные, но важные речевые механизмы, которые могут быть интересны в исследованиях других жанров устного спонтанного дискурса.

Например, в параграфе 4.3 уже была рассмотрена смежная пара «вопрос-ответ», типичная для дискурса спортивного комментирования, в котором отчетливо прослеживается разделение ролей на ведущего и ведомого – комментатора-профессионала и спортивного, аналитического эксперта. Не всегда ответ на вопросы комментатора 1 будет выражен в виде единицы согласия или несогласия. Комментатор 2 может ответить более пространно, если он недостаточно уверен в правильности одного из альтернативных ответов или если ему был задан открытый вопрос:

(465) **ФОР2б** НФ: Два пит-стопа для лидирующего Мерседеса, и сейчас Льюис Хэмильтон будет ли оставаться или кругом спустя его тоже позовут? АП: Вот **либо** такая же тактика с разницей в круге, **либо** такая же, как у Феттеля, может быть, попытка пойти на один-единственный пит-стоп.

(466) **ФУА2** DF: Spurs know what's on the cards for the next ninety minutes or however long it may take tonight. Jermaine Jenas alongside me. JJ, **what are you expecting?** JJ: **I'm expecting City to come flying out** of the traps.

В материалах исследования также присутствовали контексты, где комментатор 1 задает вопрос, но ответа не следует:

(467) **ВА2** RH: And if it's windy, **he's the man you expect to be up, there's a good classics rider and used to be a dead spit for Tom Boonen, didn't he?** When he had the same sort of kit on the helmet, the same facial hair. He's now

changed team. (pause) // Well, lots of fans on side of the roads. Some more colourful, some more active, more vocal than others.

(468) **BA2** RH: **It's, it's a difficult one, isn't it?** And I'm pretty sure that Sky being Sky will be sticking to plan A, will be sticking to thinking about Chris Froome and the plan. // And just out of curiosity, I've been looking down at the history books: only five riders in the history of the Tour de France have led the race from start to finish.

Интересно, что в обоих примерах выше адресатом вопросов Роба Хэтча является Брайан Смит, а бóльшую часть эфира Хэтч комментирует с Хуаном Антонио Флечей. Можно предположить, что Смит не самый разговорчивый эксперт, особенно в сравнении с Флечей, который отвечает на каждый вопрос и не участвует в неловких моментах, похожих на те, что указаны в примерах 467 и 468.

Как уже было выяснено в параграфе 4.3, вопросы комментатора 1 зачастую не заканчивают реплику, а продолжаются высказываниями, подготавливающими комментатора 2 к ответу. Возможно, Брайан Смит считает эти вопросы и высказывания внутренним диалогом Роба Хэтча и не воспроизводит реплику, ожидаемую коллегой.

Стоит обратить внимание на поведение Хэтча как комментатора, не получившего ответа от собеседника. В примере 467 он переводит внимание на другой аспект соревнования – на фанатов, окружающих дорогу, по которой едут велогонщики. Новый эпизод начинается с помощью дискурсивного маркера *well*, который можно воспринять и как слово, имплицитно означающее «я не получил ответа на свой вопрос – нужно заполнить неловкую тишину». Так как разговор о болельщиках не является результатом заблаговременной интенции Роба Хэтча, эпизод достаточно быстро прерывается из-за его нерелевантности. В примере 468 комментатор совершает более плавный сдвиг эпизода, начиная вместе с ним новый дискурсивный фрагмент «Ретроспектива».

Во избежание ситуаций «безответных вопросов» (467) в парах комментаторов, в первый раз или недавно работающих друг с другом, можно эксплицитно номинировать вопрос:

(469) **ТР2** АК: **А у меня пока вопрос…** МС: А… АК: **Марат, это наверняка, это многих очень интересует: там бананы у Медведева как раз щас вот в перерыве…** МС: (смеется) АК: **Чт-… вот эта еда, да? Нет, что едят теннисисты, кроме бананов? Там какие-то, как восстанавливать вот это вот все… энергию?** МС: Ну, на матче, как правило, пьют, э-э-э, витамины там, минералы, чтобы это, ну те же будет, через пот все выходит, поэтому нужно как-то, соли, минералы там, витамины, чо там… чо там у них, э-э, сейчас легально, чо нелегально. Ну чтобы держал, чтобы у тебя не падал уровень, потому что все зависит от концентрации, чтоб ноги не сводило, чтобы, ну, был в тонусе все время.

Добавим, что в трансляции ТР2 комментируют два человека, для которых эта коммуникативная ситуация является нестандартной. Теннис не является для Александра Кузмака профильным видом спорта для комментирования, а Марат Сафин впервые берет на себя роль комментатора. ТР2 – единственная из проанализированных расшифровок, где предположительно ведомый комментатор-эксперт говорит больше, чем ведущий профессиональный комментатор. Такая аномальная динамика обусловлена тем, что Кузмаку нечего сказать, а Марат Сафин, не имеющий опыта комментатора, искренне делится своим опытом и перекладывает его на повествование о текущем матче.

В данной работе уже была обозначена специфика обращений спортивных комментаторов к зрителям и к собеседнику. Вдобавок к этому в следующих контекстах приведены те случаи, когда собеседник комментатора в высказывании является референтом и/или членом предложения:

(470) **ФОР2б** АП: А вот в первой десятке, как **Наташа** и сказала, большинство, наоборот, на софте.

(471) **ФОР2б** НФ: Десятое место – Нико Хюлькенберг, **вы** уже сказали, в итоге хорошее достижение.

(472) **ТР2** АК: …Были шансы. Были. Не знаю вот, э… **Марат Сафин** только что сказал о том, что таких шансов – я так, немножко мягче, да, твою формулировку скажу – их будет немного. Вот этот шанс был, сейчас его Медведев не использовал… МС: Не использовал, да…

В этих трех контекстах говорящие упоминают своих собеседников тремя разными способами: полное имя (472), только имя (470) и личное местоимение *вы* (471). Если комментатор называет имя собеседника, значит высказывание, содержащее эту номинацию, направлено на аудиторию зрителей, в то время как местоимение *вы* (или *ты*) оставляет это высказывание в рамках диалога. Однако во всех трех примерах говорящие не только возвращаются к пропозициям,

высказанным ранее, но и указывают их авторство, не приписывают эти факты себе, таким образом обозначая коммуникативный вклад собеседника.

В остальных четырех примерах комментаторы номинируются в качестве активных участников трансляции и дискурса:

(473) **ФОР2б** АП: Вот мы видим там, Шарль Леклер с новым руководителем пресс-департамента, после того как Маттео Бончани ушел на пенсию, там сразу двое их. Нет, **Наташа** на меня смотрит, (смеется) нет, не на пенсию? НФ: Ну я насколько знаю, просто у него третий ребенок родился, и он решил, что [все, пора все-таки поменьше путешествовать.]

(474) **ФУР2** ММ: Вот моментище был у Гюндогана! Хватается за голову и сам футболист, и, конечно, Пеп Гвардиола, да полстадиона сейчас схватилось за голову. **Тимур Журавель** сейчас продолжает сидеть, схватившись за голову. Моментище!

(475) **ФУА2** DF: **Jermaine Jenas** had never seen a ninety minutes of football quite like that. JJ: It was unbelievable. That's the biggest night of Mauricio's managerial career.

(476) **ВА2** RH: For those of you watching for the first time maybe on the cycling this year, watching the Tour de France, yes, it is in the peloton and the sprinters' interest for a breakaway to go and stay away and, of course, you're listening to a former Team Sky rider, **Juan Antonio Flecha**, on Eurosport, the home of cycling.

В контексте 473 Алексей Попов, называя имя коллеги и описывая ее взгляд, дает понять, что она невербально не соглашается с ним. Он не дожидается ее реплики, тем самым самостоятельно признавая ложность своего высказывания. В примере 474 референт *Тимур Журавель* вводится, чтобы усилить степень удивления всех наблюдающих за матчем. Та же интенсификация прослеживается в контексте 475, однако здесь обращение также передает право на коммуникативный ход собеседнику, чье имя было произнесено. В примере 476 имя необходимо для репрезентации комментатора для аудитории по завершении его длительного эпизода об опыте участия в прошлых гонках «Тур де Франс». Таким образом, комментатор обращает внимание на то, что его собеседник – очень важная фигура в мире велоспорта, при этом он находится в студии и делится со зрителями эксклюзивной информацией, которую невозможно узнать где-либо еще.

В речи комментаторов также наблюдается стратегия вмешательства:

(477) **ФОР2б** НФ: Внутри секунды. Что нужно взвинтить темп, если он хочет сбросить его с хвоста. Тем более, Льюис сейчас лучший круг поставил. // АП: **Вот классно…** НФ: Еще приблизился. АП: …пилот вертолета и

оператор на вертолете поймали вот этот момент, как раз торможение после Веллингтон и вся связка Бруклэндс-Лаффилд-Вудкот, вся эта связка, и два лидера этой гонки, посмотрите, борются, сектор в сектор буквально то один, то другой отбирая друг у друга.

В данном примере НФ еще не завершила свой эпизод, а АП замечает смену плана трансляции и считает свою пропозицию о конфигурации трассы более значимой, чем информацию о темпе Льюиса Хэмильтона. АП вмшеивается в речь коллеги фразой *вот классно*; НФ приходится закончить свой эпизод неполным предложением *еще приблизился*; АП продолжает свою реплику, сохраняя ее синтаксическую форму.

Реплики вмешательства не всегда разрушают текущие эпизоды и ходы собеседника. Например, они вводятся для оценки события или действия спортсмена или другого краткого комментария:

(478) **ФОР2б** НФ: Так, Макса Ферстаппена, [похоже, тоже переобувают.] АП: [**Ну это тоже, это тоже справедливо.**] НФ: Соответственно, у него был, э, медиум, и теперь он от него избавляется, и теперь [можно ехать до финиша.]

(479) **ТР2** АК: …В общем, уже приходится попотеть Надалю в этом матче. МС: **Хороший сигнал.**

Также реплики вмешательства могут быть непродуктивными, в случае если комментатор, чья речь прерывается, игнорирует реплику вмешивающегося:

(480) **ФОР2б** АП: [Забавно будет, если…] НФ: **[Интересно, что там будет] между лидерами…** АП: …если Феттель еще подъедет к Ферстаппену. Потому что там он очень близко в принципе от этой зоны крыла и тогда может начаться здесь четверная борьба, но конечно это уже без Мерседесов…

(481) **ФОР2б** АП: Мы видели, он блокировал, потому что там очень длинный заезд, но там скорость не лимитирована, длинный выезд, но тоже скорость не лимитирована, только на самом пит-лейне вдоль [комплекса Крыло-восемьдесят.] НФ: [На желтые.] // АП: **Очередная попытка атаки.** // НФ: Ну что, тоже мидиум выбирают для Вальттери, значит будет еще одна остановка.

В контексте 481 НФ как бы не обращает внимание на комментарий АП о попытке обгона одного гонщика другим и продолжает свой эпизод о смене резины на болиде Вальттери Боттаса. Слова *желтые* и *мидиум* означают шины среднего по жесткости состава. В свою очередь реплика вмешательства АП порождает очень краткий эпизод, состоящий из трех слов и не получающий продолжения.

В иных случаях реплика вмешательства для инициации нового эпизода представляет собой эксплицитную просьбу в форме вопроса:

(482) **ФОР2б** НФ: Э, секунда и семь десятых, но тем не менее у нас еще до финиша есть время и в случае если Даниил – мы знаем, что [когда он в…] // АП: **[А еще] вы знаете что?** НФ: **Да**. АП: Вот видите эту борьбу впереди? Они так яро-яростно между собой борются, что… (пауза) кто знает? НФ: **Ну посмотрим.** Дэн Риккьардо наверняка понимает, что – или ему сообщили, – что он единственное Рено, оставшееся сейчас в десятке и что с Макларен как раз у них очень жесткая борьба в кубке конструкторов, и…

В данном примере текущий эпизод НФ прерывается на просьбу АП ввести новую пропозицию. Выслушав вопрос АП, НФ кратко отдает коммуникативный ход с помощью частицы *да*. Однако ее следующая реплика *ну посмотрим* отмечается интонацией, скрывающей за собой недовольство, вызванное необходимостью дополнять нежелательный говорящему эпизод. Если один комментатор перебивает другого, его интенция должна быть наиболее весомой, а описываемое событие или действие – обладать большей важностью по сравнению с тем, о котором идет речь в момент разговора, причем иногда эти перебивания сопровождаются междометиями и эксплицитным извинением:

(483) **ФОР2б** АП: Впервые выходит из одной тридцати по ходу сегодняшней гонки. Напомню, что [в прошлом году…] // НФ: **[Ой-ой-ой, Рено] там, извините**, да, Рено, на Албона еще одна атака. И это за девятую позицию. АП: Ух-х-х!.. НФ: И очень широко здесь Дэн… АП: И красиво. Красиво.

В примере выше момент атаки гораздо значимее для трансляции, нежели чем побочный дискурсивный фрагмент «Ретроспектива» относительно лучшего времени прохождения курса в прошлом году. Эту важность подчеркивает и АП, потерявший право хода: он также использует междометие для выражения восторга или удивления происходящим и дает положительную оценку этому действию – *красиво*.

Если же в паре комментаторов проведена более четкая грань между ролями ведущего и ведомого, первый может в любой момент перебить второго без соответствующих извинительных ремарок, а ведомый должен реагировать на новосформированный эпизод, не возвращаясь к собственному:

(484) **ФУА2** JJ: Yeah, I am… Like I said, I think it'd be… // DF: **That's a terrible corner from David Silva.** JJ: He's had a look at the corner flag like it was stuck in something, I think, there. I have to say, there was something stuck in there because he's usually too good to do anything like that.

В случае перебивания или одновременной артикуляции слов происходят наложения реплик, потенциально препятствующие точной обработки сказанного и приводящие к недопониманию между коммуникантами. В спортивном комментировании это недопонимание усугубляется, так как комментаторы могут и понять друг друга, например, невербально подтвердив это кивком головы, однако они не могут зафиксировать понимание со стороны аудитории. В таком случае при наложении реплик и перехода коммуникативного хода одному из говорящих комментатор совершает самоповтор, т. е. повторяет реплику уже без интерференции:

(485) **ФОР2б** АП: [Новый рекорд трассы у Льюиса.] НФ: **[Не дает расслабиться Макс.] Не дает расслабиться** и начал было, кстати, по радио жаловаться на тормоза, но это может быть такая же уловка, как с Боттасом тогда, мы помним, в Австрии.

(486) **ФОР2б** АП: [А он…] Нет, он не-не возвращался из боксов, там Перес возвращался из боксов, [может быть…] НФ: [Да нет, **это была борьба**], мне кажется, **это была чистой воды борьба**. Тем более там много ее мы не видим…

(487) **ФОР2б** НФ: Да, так и есть машина безопасности, потому что надо эвакуировать и чтобы [кран появился на трассе.] АП: **[И вот пожалуйста.] И вот пожалуйста.** Вроде бы, мы можем сказать, в Сильверстоуне стены достаточно далеко, да. (пауза)

В парном комментировании также наблюдаются согласия комментатора с самим собой:

(488) **ФОР2б** НФ: …И Роман его… **Может быть, его снесло на Кевина**. АП: Там же было… НФ: **Действительно, не намеренно было**.

В данном примере НФ сначала делает предположение, а затем подтверждает его, увидев момент на повторе с другого угла съемки. АП произносит неполную реплику вмешательства, но не может реализовать ее до конца, так как НФ продолжает логику своей мысли. Такие моменты порождают так называемые перекрестные реплики, когда комментаторы после своей реплики продолжают

свою предыдущую. Складывается ощущение, что они говорят исключительно сами с собой:

(489) **ФОР2б** НФ: Предупредили, что далеко… [насколько далеко Леклер…] АП: [Да, уже две и три секунды – Леклер], и переднее левое [похоже начинает уходить у него.] НФ: [На самом деле даже…] АП: Вот смотрите, [это кстати визуально даже видно…] НФ: [Леклер теряет время] относительно Ферстаппена даже. АП: …вот видите, переднее левое колесо ближе к внутренней кромке. Потому что здесь очень много скоростных правых поворотов – и Коупс, и Стоув, и половина Мегетс-Бекетс тоже естественно правая – и именно там нагрузка соответственно на левую часть машины, потому что…

(490) **ФОР2б** АП: Смотрите. НФ: …самый молодой у нас первый ряд был в истории. Вот здесь Шарль не сдался. АП: И объехал по внешней траектории затем… НФ: Этого Макс наверняка никак не ожидал.

(491) **ФУА2** JJ: Kieran Trippier has got a real problem against Raheem Sterling tonight. He really has. DF: Here comes Son again, he's on a hat-trick already, although this time Ederson out to use his head in a less than orthodox manner. JJ: Just going back to the point with Kieran Trippier and Sterling. He's gotta make a decision, I think, Kieran Trippier whether to just drop off and take away that space behind him or get tight onto his touch. Every time he gets on the ball it gets tight, but I think he's just shown there: when you get tight and he spins in behind, it's difficult. He needs some help over there from Sissoko. DF: There's Kevin De Bruyne. Looking to burst away from Danny Rose, but he's just run out of room there and he was hoping for the corner, but the decision has gone here to Tottenham. (pause)

В контексте 489 комментаторы говорят об одном и том же гонщике, но различаются темы их повествования: НФ говорит о темпе двух спортсменов и расстоянии между ними, а АП обращает внимание на состояние резины на болиде одного из них. В таких случаях зрителю нужно оперировать двумя макропропозициями одновременно и связать две идеи о том, что темп Шарля Леклера убывает в связи с износом шин на его машине.

Пример 491 вызван жестко установленными ролями комментатора, говорящего о событиях на поле, и комментатора-эксперта. Такой отрывок невозможен в парном комментировании, так как в индивидуальном комментировании эпизод, начатый Джермейном Джинасом (JJ) о трудностях, с которыми сталкивается футболист Киран Триппье, продолжился бы без промежуточной реплики о происходящем на поле.

В завершение параграфа приводятся нестандартные решения спортивных комментаторов, открывающиеся им во время работы в паре или группе. Во-

первых, это обмен личными историями в открытом диалоге между коллегами. Например, Роб Хэтч высказывает комплимент коллеге Джонатану Харрису-Бассу за интересное описание места проведения в рамках одноименного побочного дискурсивного фрагмента, говоря, что с его помощью мог бы получить более высокий балл в экзамене по истории:

(492) **BA2** RH: Thanks, Jonathan. I might wanna take my GCSE history again after listening to you for three weeks. Might get a better mark this time.

В англоязычном комментировании велогонки в рамках побочного дискурсивного фрагмента «Общение» также активировались необычные фрагменты, где тот же Харрис-Басс делится рецептами местных блюд, которые он приготовил сам при том, что на экране продолжается трансляция гонки:

(493) **BA2** RH: …and Jonathan Harris-Bass, it's also about discovering the cuisine, isn't it, of each and every country we go to. Today we go to Belgium. What do you have in store for us, Jon? Have you been cooking? JHB: I have been cooking, Rob. Um, I tried to be a bit more being, I've been heating things up and melting things, um, which sounds a little bit like an arsonist's playroom, but that's not what I've been doing at all. Um, I was gonna make waffles today, erm, but instead I decided to go with some truffles because that would have involved me having to buy a waffle iron and for the limited amount of time my family ended up eating waffles the year around, I thought let's just stick with crepe and pancakes, and we'll be all alright. So today's recipe is to make truffles, you can make them with alcohol or without alcohol, that's entirely up to you, they obviously last a little bit longer if you put a little bit of alcohol to them. It's very simple, you take the same amount of double creams you have, the same amount of chocolate, and then, so for example, two hundred milliliters of cream, two hundred grams of chocolate, and incrementally like that, depending on how many you want to make. I started with two hundred milliliters of cream, two hundred grams of chocolate, made about twenty-four to thirty truffles. Um, you boil your cream, as soon as it's boiled, you pour it in with the chocolate, which you've broken up into individual pieces, you stir it together, then if you gonna add your alcohol, you add it at this point and then stir it into it altogether, you put it into the fridge for a couple of hours, take it out, get a spoon, take out all nut-sized pieces of chocolate, roll them up in your hand into a nice, round shape and then you can roll them either in caster sugar or in-in some coco, that is entirely up to personal preference. I actually think the ones wrapped in coco have and tend to be a little bit tarter and slightly richer and, therefore, slightly more satisfying at the end of a meal, but you can't get the sweeter ones in the sugar, and-and there it is, and that is how simple it is to make your own truffles, so it'll amaze everybody at your dinner party or just coming round for a cup of tea in the afternoon, and-and you'll be able to say, yes, why, I rattled these off earlier. So there you are, that's the recipe for today, it's up on Twitter at Jono underscore HB or Carlton's retweeted it, I think, Rob, you retweeted it, as well, I'll send it over to Juan Antonio, I know how he loves a good, a good recipe during the Tour, and, um, and you'll be able to find it there. JAF: Please do. Please do. RH: Thanks, Jon. And just a quick question, I'll be getting on the Eurostar tonight because I can quite do with you bring me some of those to dinner if you will? JHB: I'm not, Rob,

unfortunately. However, I will have a platter, a platter for you when you next come over to England. RH: I'll look forward to it. Thanks, Jonathan Harris-Bass, we'll be hearing much more from Jon throughout the day and throughout this Tour, of course.

В данном отрывке присутствуют все параметры кулинарного шоу за исключением визуальной составляющей: приводятся ингредиенты и процесс приготовления. В конце своей продолжительной реплики Джонатан призывает зрителей и коллег посмотреть на результат его готовки в социальной сети. После чего следует полилог между тремя участниками, который не направлен в адрес аудитории, наблюдающей за трансляцией по телевидению.

В следующем отрывке комментатор Алексей Попов делится информацией о том, сколько у него детей, и шутливо высказывает предположение, что многодетность не является веской причиной для ухода в декрет, как это делает референт отрывка:

(494) **ФОР2б** НФ: Ну я насколько знаю, просто у него третий ребенок родился, и он решил, что [все, пора все-таки поменьше путешествовать.] АП: [(смеется) У меня уже десять лет назад] третий родился, одиннадцать – и ничего, [не ушел на пенсию еще.] НФ: [То есть это называется пенсия.]

Дискурс парного спортивного комментирования дает говорящим свободу шутить не только по поводу соревнования и спортивной индустрии, но и по поводу социокультурных и других актуальных для общества концептах. Например, в 2017 году британский комментатор шутит по поводу нежелания Великобритании оставаться в Евросоюзе:

(495) **BA2** RH: Now, heading for a really interesting region I've described a moment ago and I think Jonathan Harris-Bass has got a bit of a history lesson for us. JHB: I have, Rob. I can tell you a little bit of the history about the areas. We head towards Aix-la-Chapelle. This is the region or one of the main residing places of Charlemagne, the Charles the Great, the father of Europe in many people's eyes, which is possibly why we learn so little about him in Great Britain **because who would want to be part of an amazing conglomerate like Europe**. Anyway, enough of that. Charlemagne was the king of the Franks, he was the king of the Lombards…

В данном параграфе были рассмотрены стратегии спортивных комментаторов, работающих в паре, влияющие на построение последовательности реплик. Доказывается тот факт, что построение дискурса парного/группового комментирования гораздо более комплексно, чем индивидуальное, с точки зрения

его восприятия зрителем. Если бы комментаторы говорили исключительно друг за другом, не обмениваясь вопросами и ответами, репликами вмешательства и поправками, парная/групповая разновидность дискурса спортивного комментирования воспринималась бы точно так же, как индивидуальная. Однако временами разговор между комментаторами «живет собственной жизнью», т. е. основывается на интенциях, появляющихся из соображений внутреннего диалога, а не направленных на большую аудиторию, что несколько затрудняет обработку дискурса.

4.5. Сопоставительный анализ русско- и англоязычного дискурса парного/группового спортивного комментирования

Различия в совместном дискурсе спортивного комментирования на русском и британском телевидении обусловлены не столько количественным параметром, сколько качественными расхождениями в построении трансляции и распределении когнитивного и коммуникативного вклада в разговор носителями разных коммуникативных ролей. В данном параграфе будут кратко рассмотрены три характерные черты англоязычного спортивного комментирования, которые значительно отличают его от русскоязычного.

Англоязычные комментаторы стараются не перебивать друг друга. В проанализированных расшифровках было найдено минимальное количество накладывающихся реплик. Британские комментаторы говорят, четко соблюдая очередность реплик. У такого подхода есть два преимущества: (а) получающийся дискурс отличается связностью и непрерывностью, он следует одной структуре, соблюдаются коммуникативные ожидания его участников; (б) дискурс без наложений реплик и вызванных ими прерываний, самоповторов и переходов коммуникативного хода гораздо легче обрабатывается зрителями. Единственным исключением данного принципа служат следующие контексты из

комментирования велогонки. Прежде всего нужно отметить, что оба случая приходятся на вставку видеосюжетов в трансляцию и происходят ненамеренно:

(496) **BA2** CK: Jon. (сюжет с интервью трех немецких гонщиков) // **Just under five kilometers to go. [Oh...]** JHB: **[Hang on] one second, Carlton.** Just gonna hear from Andre Greipel here, of course, we will go for the statement today, of course, the first sprint is always chaotic, but it's true for us as a Belgian team, it's going to be an important stage there, many points that you can accrue for the green jersey during the Tour, but first of all the group at the front will be the group that I'll try and be in, to get as many points as possible, and that will be my main aim of today. // **Back to you, Carlton.** CK: **Thank you. Sorry about that.** Fifty... **Interrupting the Gorilla, you do that with great care, I think.**

(497) **BA2** JHB (переводит интервью): Yeah, I think it's going to be an amazing fight, I think it's going to be a real battle up towards the line, but I definitely feel ready for that and I feel on the right sort of form to do well. // **So, those are two of the [French sprinters…]** CK: **[Well, let's hope...] [Oh, sorry, Jon.]** JHB: **[...expected to be involved]** in the mix-up. **Back to you, Carlton.** CK: **Sorry, Jon. Treading on the turns there.**

В контексте 496 Карлтон Кирби (CK) отдает слово комментатору Джонатану Харрису-Бассу (JHB), называя его краткой формой его имени *Jon*. JHB не находится с ним в одной кабине, т. е. между ними нет никакого визуального контакта. Функционал JHB в данном эфире ограничивается началом и завершением трансляции, а также введением заготовок видеоматериалов, сюжетов и интервью в ход эфира. В одном из таких сюжетов содержится три интервью с тремя разными немецкими гонщиками. Первые двое отвечают на вопросы на английском языке, а третий, Андре Грайпель по прозвищу «Горилла», говорит на родном немецком. Естественно, для зрителей британского телеканала «Eurosport» требуется перевод на рабочий язык трансляции. Когда Андре Грайпель начинает говорить, JHB готовится перевести его слова на английский язык. Это решение, судя по всему, не известно CK, или он не видит происходящего на экране. При наложении реплик JHB просит его немного подождать, а после перевода произносит ключевую фразу перехода хода *back to you, Carlton*. CK благодарит коллегу и извиняется за встроенную реплику.

Интересно последующее поведение Кирби. Так как в английском комментировании не принято перебивать коллегу, создается неловкая ситуация. Чтобы избежать или загладить ее, Карлтон Кирби сначала избирает актуализацию

языкового шаблона «километры до финиша», начиная ее словом *fifty*. Однако в последний момент он решает разрядить обстановку шуточным высказыванием, которая эксплицитно указывает на то, что он на самом деле перебил кого-то, в данном случае предзаписанное интервью немецкого гонщика Андре Грайпеля: *interrupting the Gorilla, you do that with great care, I think.*

Та же ситуация повторяется в контексте 497, где JHB переводит интервью французского гонщика. Прежде чем передать слово коллеге фразой *back to you, Carlton*, он решает сделать дополнительный комментарий. Кирби не ожидает такого развития событий и снова вмешивается в ход сюжета. После ключевой фразы он вновь извиняется и вновь эксплицирует тот факт, что нарушил очередность реплик: фраза *treading on the turns* буквально означает, что он «наступает» на коммуникативный «ход» собеседника.

Эти два ярких примера в очередной раз доказывают, что английские комментаторы всячески избегают пересечения реплик. При этом говорящие, чью речь перебили, спокойно реагируют на этот небольшой коммуникативный конфликт. Этот принцип невмешательства в целом влияет на построение англоязычного дискурса парного/группового спортивного комментирования и отражается в следующих двух особенностях.

В соответствии с принципом, изложенным выше, в англоязычном материале исследования также было найдено очень мало конструкций продолжения реплик. Комментатор 2 не вмешивается в ход реплики, пока комментатор 1 не закончил ее самостоятельно. Как уже было выяснено в параграфе 4.2, этот принцип обусловлен манерами, а не ограничением синтаксиса английского языка, так как конструкции продолжения осуществимы в теории и на практике:

(363) **ВА2** BS: But look at the flags in the right-hand side there. RH: **Through the feed zone**, as well.

(369) **ФУА2** DF: The possession stats at the moment, we've got the UEFA stats screen in front of us here in the commentary position: sixty-eight percent possession for Manchester City. JJ: **Which is unbelievable.** Because I just spoke about players like David Silva, even Gündoğan. I feel like they've not really had a kick.

(375) **BA2** BS: I think, very happy. It's just a little pity for some about the weather. The Germans **never got to see the...** RH: **The German win** yesterday. BS: **The German win, yeah**, with Tony Martin.

В подавляющем количестве случаев британские комментаторы предпочитают дождаться точки перехода коммуникативного хода. Они компенсируют отсутствие конструкций расширения и продолжения реплик формулировкой наводящих вопросов и намеренным недоговариванием.

Третье и наиболее значимое различие англо- и русскоязычного спортивного комментирования наблюдается в использовании речевых актов согласия и несогласия. Для чистоты эксперимента были подсчитаны и сопоставлены случаи выражения согласия и несогласия в комментировании одного футбольного матча в русскоязычной расшифровке ФУР2 и англоязычной расшифровке ФУА2. Результаты исследования отражены в Таблице 6.

Таблица 6. Количество речевых актов согласия и несогласия в диалогической речи футбольных комментаторов

ФУР2				ФУА2			
согласие		несогласие		согласие		несогласие	
87		**39**		**62**		**3**	
экспл.	импл.	экспл.	импл.	экспл.	импл.	экспл.	импл.
64	23	22	17	42	18	1	2

Согласно полученным результатам, российские футбольные комментаторы не соглашаются с собеседником почти в каждом третьем контексте (31 %) с альтернативным выбором между двумя вариантами. В свою очередь англичане почти не прибегают к использованию речевых актов несогласия (5 %). А даже если имело место разногласие, оно имплицируется или смягчается, как это было представлено в примере из параграфа 4.3 с семью фразами, предваряющими акт несогласия:

(460) **ФУА2** JJ: **Well, in a way, Fletch, I mean, don't get me wrong. As much, y'know, as I spoke about mistakes…** There are elements...

Иными словами, англоязычные комментаторы беспрекословно соблюдают прагматические правила вежливости, что привело к жесткому формированию функций комментаторов: один из них говорит о ходе соревнования (Даррен Флетчер в ФУА2; Роб Хэтч и Карлтон Кирби в ВА2), второй – дополняет трансляцию экспертным мнением (Джермейн Джинас в ФУА2; Хуан Антонио Флеча, Брайан Смит, Шон Келли в ВА2). В связи с этой четкой установкой англоязычные комментаторы не перебивают друг друга, ждут своего коммуникативного хода, а в их речи минимально представлены перекрестные реплики и реплики вмешательства.

Британские комментаторы видят в вопросе или дискуссионном моменте право перехода коммуникативного хода, а российские – площадку для потенциального конфликта, противопоставления мнений, возможности потягаться в знаниях и компетенциях. Связано это с тем, что в русскоязычном комментировании функционал комментаторов более равноценный, что видно в примерах из расшифровок ФОР2а, ФОР2б и ФУР2.

Разница между парами комментаторов «Алексей Попов и Наталья Фабричнова» (гонка «Формулы-1») и «Михаил Моссаковский и Тимур Журавель» (футбольный матч) заключается лишь в том, насколько конфликтно заряжен их диалог. Например, Попов и Фабричнова редко прибегают к смежной паре «вопрос-ответ», так как полагаются на развитие дискурса посредством конструкций расширения и продолжения реплик. Исключение составляют смежные пары с уточняющими вопросами:

(436) **ФОР2б** НФ: **Это Магнуссен?** АП: **Да-а.**

(437) **ФОР2б** НФ: Ну что, **опять фальстарт?** АП: **Опять фальстарт, да.**

(438) **ФОР2б** НФ: [**То есть он позади Кубицы все-таки, да?**] АП: [Тогда как на альтернативе нет.] **Видимо, да.** В двух десятых позади.

В свою очередь диалог Моссаковского и Журавеля содержит акты несогласия, вызванные не вопросами, а утверждениями комментатора 1, с которыми хочет поспорить комментатор 2:

(498) **ФУР2** ТЖ: Он даже сейчас заткнул уши и не собирается подсказку видеоассистентов выслушивать, настолько он уверен в своем решении. ММ: **Ну здесь можно ушей не затыкать** – наушник выдернул, отбросил и побежал дальше.

(499) **ФУР2** ТЖ: [**Стоп-стоп-стоп.**] А не касается ли мяч игрока Сити, и [нет ли здесь офсайда?] ММ: **[Ну, не был,] Агуэро не был в положении вне игры**, поэтому и вопрос снимается. Передача на Рахима Стерлинга. Еще раз смотрим. Конечно, мяч касается ноги [Бернардо Сильвы…] ТЖ: **[Но по-моему] от Бернардо Сильва в положение вне игры летит мяч, разве нет?**

Мы не можем судить об эффективности британского и российского подхода к построению дискурса спортивного комментирования. С одной стороны, активный диалог комментаторов с наложенными репликами и репликами вмешательства создает некий конфликт, который нарушает связность дискурса «комментаторы-зритель», прерываясь на диалогическое единство «комментатор-комментатор». С другой стороны, смена темпа диалога может положительно сказаться на восприятие зрителем, нежели чем утомительное повествование с репликами, соответствующими коммуникативным ожиданиям как комментаторов, так и зрителей.

Выводы

Целью данной главы было изучить различные средства воплощения стратегий спортивных комментаторов при совместном производстве дискурса. Проведен конверсационный анализ реплик, коммуникативных ходов и речевых актов отдельных комментаторов в рамках общения со зрителями или внутреннего диалога с коллегой.

Когда комментаторы работают в паре или группе, порождение дискурса становится чуть труднее из-за необходимости адаптации к диалогической речи. Лексическая плотность сообщений при работе в паре уменьшается. Комментаторы

чаще говорят одновременно, а их речь становится похожей на монолог. Монологизация происходит благодаря конструкциям расширения и продолжения реплик. Польза такого приема формирующегося дискурса видится в создании плавного и связного (в бытовом понимании этого слова) текста, который воспринимается как монологический. Комментаторы расширяют реплики друг друга, чтобы дополнить эфир свежей и разнообразной информацией, и продолжают их во избежание хезитаций и для того, чтобы помочь коллеге с артикуляцией мыслей. Эти конструкции сопровождаются повторами или перефразировками и при этом не обижают собеседника.

Лонгитюдный анализ дискурса комментаторов с начала их совместной работы показал, что новый комментатор постепенно увеличивает свой лексико-семантический вклад в разговор и число реплик и чаще начинает эпизод. В то же время опытный комментатор, привыкший к работе в одиночку, поначалу ведет разговор, но редко дополняет речь коллеги. Со временем совместной работы соотношение их реплик и их функционал выравниваются, о чем говорят совместный перевод и разделение когнитивно-дискурсивной нагрузки.

Несмотря на диалогичность дискурса, речь комментаторов воспринимается как единая и связная за исключением накладывающихся реплик и разговора между комментаторами. В связи с быстро меняющимися событиями, которые могут быть упущены одним из комментаторов, они прибегают к стратегии вмешательства, перекрестным репликам и самоповторам при наложении реплик. Среди нестандартных решений спортивных комментаторов, возможных при работе в паре, были обнаружены обмен личными историями и шутки, относящиеся к диалогическому единству внутри дискурса спортивного комментирования, но не всегда актуальными для зрителя.

Во избежание коммуникативных конфликтов комментаторы часто соглашаются друг с другом. На англоязычном телевидении акты согласия очень

частотны, так как ведущий комментатор задает вопросы (разделительные, наводящие, альтернативные), на которые ведомому комментатору почти невозможно ответить отрицательно. В русскоязычном комментировании такие вопросы формулируются только в адрес непрофессионального комментатора или с целью уточнения. Акты несогласия в речи российских комментаторов встречаются чаще, но они не имплицируются, а как бы ставят под сомнение реплики собеседника.

Британские комментаторы регулярно соблюдают прагматическую вежливость, предпочитают не перебивать коллег, поэтому в их дискурсе очевидна разница между ведущим и ведомым комментаторами. Если русскоязычные комментаторы при построении дискурса полагаются на реплики расширения и продолжения, активно аргументируют свои утверждения и ставят под сомнение утверждения коллеги, англоязычные комментаторы продвигают нарратив с помощью наводящих вопросов и коммуникативно ожидаемых структур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации представлено исследование спортивного комментирования как вида устного спонтанного дискурса, сохраняющего семантическую и структурную связность за счет дискурсивных стратегий спортивных комментаторов.

В данной работе был впервые проведен анализ композиции «живого» спортивного репортажа на уровнях глобальной и локальной структуры дискурса и также впервые был учтен переход от индивидуального к парному/групповому спортивному комментированию. Результаты исследования имеют значение для изучения не только спонтанной речи и структуры и семантики нарратива, но и для теории коммуникативной адаптации и для решения вопросов совместного построения устного дискурса.

Спортивное комментирование является уникальным лингвистическим объектом с чертами монолога и диалога, композиционно сложным для производства и восприятия из-за когнитивных и временных ограничений, наложенных на говорящих, т. е. на спортивных комментаторов. Исходя из этого в основу проведенного исследования положено двоякое членение дискурса спортивного комментирования согласно его семантической связности (когерентности) и структурной связности (когезии).

Основой исследования послужило двоякое членение дискурса спортивного комментирования согласно его семантической связности (когерентности) и структурной связности (когезии). Анализируемые расшифровки были поделены на дискурсивные фрагменты и эпизоды соответственно.

Дискурсивные фрагменты спортивного комментирования делятся на главные и побочные, где главные представляют собой рассказ о ходе соревнования, а побочные – отступления от основной темы и дискурсивной цели комментаторов. Побочные фрагменты были распределены в шесть типов: «Аналитика», «Место проведения», «Общение», «Ретроспектива», «Техника», «Участник». Было

выяснено, что спортивные комментаторы активируют эти типы фрагментов чаще, чем главный дискурсивный фрагмент «Ход соревнования», чтобы повествование о спортивном соревновании не ограничивалось текущими действиями и событиями.

Деление на структурно связные эпизоды проводилось с опорой на дискурсивные маркеры – единицы, стратегически используемые спортивными комментаторами для указания на сдвиг эпизода и, соответственно, предупреждения аудитории о смене темы, референта, плана и других параметров описываемых событий. Дискурсивные маркеры обеспечивают связность, а также членимость дискурса на самостоятельные единицы, из которых выводятся одна или несколько макропропозиций. Наиболее частотным маркером эпизодов спортивного комментирования является смена референта. Зачастую одного маркированного слова недостаточно, чтобы перейти к новому эпизоду, поэтому комментаторами также используется смешанный тип маркеров, объединяющий в себе сразу несколько приемов смены фокуса внимания.

Далее в работе были представлены языковые шаблоны – конвенциональные единицы, сообщающие повторяющуюся информацию в повторяющихся языковых формах, без которых трудно представить дискурс спортивного комментирования. Футбольные комментаторы постоянно информируют зрителя о счете и времени матча, о микрособытиях, происходящих на поле, даже если зритель этой информацией обладает; комментаторы автогонок шаблонно объявляют о количестве пройденных или оставшихся кругов, расстоянии между двумя соперничающими гонщиками или самом быстром прохождении круга; комментаторы велогонок организуют свою речь вокруг сообщений о количестве километров до финиша, составе отрыва и его преимуществе над основной группой. Главным выводом относительно языковых шаблонов стало то, что достаточное число этих единиц (29 %) используются в качестве дискурсивных шаблонов, т. е. способствуют структурной связности дискурса спортивного

комментирования и служат своеобразным «перевалочным пунктом» для говорящих.

Определительные придаточные, референциальные и синтаксические повторы были определены как вспомогательные средства построения дискурса при мгновенной вербальной регистрации событий и выстраивании сложных повествовательных структур. Формы местоимений *мы* и *вы* способствуют формированию отношений и ролей комментатора и зрителя.

В Главе 4 были подробно проанализированы стратегии спортивных комментаторов, работающих в паре или группе. Формат дискурса, в котором участвует не один, а двое или более говорящих, несколько видоизменяет построение дискурса, так как оно теперь предполагает его со-построение. Коммуникативная адаптация комментаторов к работе в паре привела к изменениям в формировании дискурса на уровне эпизодов и реплик, что вызвало появление ролей ведущего и ведомого комментаторов. В их речи выделены конструкции расширения и продолжения реплик друг друга, периодически размывающие границы между диалогическим и монологическим дискурсом. Выявлены прочие реплики, появившиеся в парном/групповом спортивном комментировании: самоповтор, реплики вмешательства, перебивания, перекрестные реплики.

В работе уделено внимание речевым актам согласия и несогласия в речи комментаторов. Соглашаясь друг с другом, комментаторы позволяют дискурсу не прерываться на диалогические единства и обеспечивают дальнейшую его связность. Несогласие, в свою очередь, может стать барьером для дальнейшей генерации дискурса, но делает трансляцию более интересной и полноценной за счет другого мнения и взгляда на свершающиеся события соревнования.

Сопоставительное исследование русско- и англоязычного дискурса спортивного комментирования позволило сделать следующие выводы. Разновидности индивидуального спортивного комментирования на русском и

английском языках структурно не различаются и примерно одинаково следуют категориям когерентности и когезии. Единственным различием является то, что британские комментаторы реже отступают от темы, предпочитая дискурсивные фрагменты типа «Ход соревнования», и чаще пользуются языковыми шаблонами.

Основное различие было найдено на уровне прагматики: участники англоязычного дискурса спортивного комментирования строго следуют структуре разговора, не перебивают друг друга, ожидают точки перехода коммуникативного хода. Жесткость структуры англоязычного спортивного комментирования сформировалась из-за фиксированных ролей «ведущего» комментатора-профессионала и «ведомого» комментатора-эксперта: первый задает вопросы, второй отвечает на них и говорит только при эксплицитном обращении к нему. В свою очередь российские комментаторы часто не соглашаются друг с другом, готовы к небольшим спорам и защите своей точки зрения. Они продолжают мысли друг друга, создавая иллюзию или диалога со зрителем, или скрытого монолога, языковая структура которого является по сути диалогом между комментаторами.

Дальнейшие перспективы темы прослеживаются в использовании предложенной модели исследования при изучении других видов устной спонтанной речи и неподготовленных нарративов, в которых смена значительно влияет на порождение речи говорящим. Несмотря на обилие исследований идиостилевых речетворческих особенностей спортивного комментирования и других похожих видов дискурса, необходимо направлять анализ и на шаблонную речь, конвенциональные дискурсивные стратегии и практики говорящих.

Говоря о спортивном комментировании как о виде практической журналистской деятельности, можно также расширить данное поле исследования анкетированием зрителей, чтобы оценить работу комментаторов и выявить, существует ли корреляция между профессиональной успешностью комментаторов и связностью их дискурса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айвазашвили Э. О.* Коммуникативно-прагматическая парадигма в аспекте современного междисциплинарного пространства макропарадигм лингвистики Э. О. Айвазашвили // Иностранные языки в современном мире. – Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017. – С. 204–213.

2. *Алексеев Е. Г.* Жанровая стилистика звучащего дискурса спортивного репортажа / Е. Г. Алексеев, И. А. Анашкина // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ). Проблемы языкознания и педагогики. – 2018. – № 2. – С. 41–56.

3. *Алефиренко Н. Ф.* Современные проблемы науки о языке : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – 4-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 416 с.

4. *Алпатов В. М.* Парадигмы лингвистики XIX-XXI вв. / В. М. Алпатов // Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник научных статей к 70-летию В. З. Демьянкова / Отв. ред. В. В. Фещенко. Ред. колл. : И. В. Зыкова, О. В. Соколова, М. А. Тарасова. – М. : Культурная революция, 2018. – С. 14–34.

5. *Архипова Е. В.* Особенности функционирования речевого акта согласия/несогласия в различных типах эпизодов общения / Е. В. Архипова // Вопросы психолингвистики. 2012. № 16. С. 198–207.

6. *Архипова Е. В.* Свободно конструируемые высказывания как средство выражения согласия/несогласия / Е. В. Архипова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – № 1. – С. 9–11.

7. *Бабенко Л. Г.* Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций / Л. Г. Бабенко // Научный диалог. – 2020. – № 9. – С. 9–47.

8. *Баландина М. Р.* Коммуникативно-прагматические особенности аргументативного дискурса / М. Р. Баландина // Лингвистическое наследие Л. В. Щербы в свете современной науки о языке : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции в рамках V Международного фестиваля науки. – М. : Московский государственный областной университет, 2020. – С. 12–16.

9. *Барт Р.* Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 384–391.

10. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х г. / М. М. Бахтин. – Собр. соч. : в 7 т. – М. : «Русские словари», 1997. – 732 с.

11. *Беликов И. В.* Социолингвистика : учебник для бакалавриата и магистратуры / И. В. Беликов, Л. П. Крысин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Юрайт, 2016. – 337 с.

12. *Беневоленская Н. П.* Речевые стратегии и тактики медицинского дискурса в языке современных российских СМИ / Н. П. Беневоленская, Н. Л. Федотова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2019. – № 1 (9). – С. 21–27.

13. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика: введение в когнитивную лингвистику : курс лекций / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 236 с.

14. *Боровикова К. В.* Журналист как наблюдатель: когнитивно-дискурсивная деятельность спортивного комментатора / К. В. Боровикова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2007. – № 1. – С. 13–17.

15. *Будаев Э. В.* Недостающее звено дискурс-анализа: контекстуальные модели Т. ван Дейка / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. – 2009. – № 28. – С. 153–155.

16. *Булатова Е. И.* Сетевые коммуникативные стратегии: троллинг / Е. И. Булатова // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2017. – № 2 (31). – С. 75–78.

17. *Бурлак С. А.* Сравнительно-историческое языкознание : Учебник для студ. высш. учеб. заведений / С. А. Бурлак, С. А. Старостин. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 430 с.

18. *Бурцев В. А.* Дискурсивная формация как единица анализа дискурса / В. А. Бурцев // Вестник ТГУ. – 2008. – Вып. 10 (66). – С. 9–16.

19. *ван Дейк Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

20. *ван Дейк Т. А.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.

21. *Голышкина Л. А.* О методологическом вкладе лингвистики текста в практику дискурсивного анализа (на материале Нобелевской лекции И. Бродского) / Л. А. Голышкина // Экология языка и коммуникативная практика. – 2017. – № 2. – С. 66–76.

22. *Гренобль Л. А.* Синтаксис и совместное построение реплики в русском диалоге / Л. А. Гренобль // Вопросы языкознания. – 2008. – № 1. – С. 25–36.

23. *Гутцайт Р. Л.* Эмотивность и оценочность телевизионного футбольного комментария [Электронный ресурс] / Р. Л. Гутцайт // Электронный научный журнал «Медиаскоп». – 2011. – № 4. – Режим доступа http://www.mediascope.ru/node/951 (дата обращения: 23.08.2018).

24. *Гутцайт Р. Л.* Спортивное комментирование и его роль в телевизионной медиатизации (на примере спутниковой телекомпании "НТВ-Плюс") : автореф. дисс…. канд. филол. наук : 10.01.10 / Гутцайт Роман Леонидович. – М., 2012. – 18 с.

25. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.

26. *Демьянков В. З.* Когниция и понимание текста / В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – М. : Институт языкознания; Тамбов : Тамбовский гос. университет им. Г. Р. Державина, 2005. – № 3. – С. 5–10.

27. *Демьянков В. З.* Термин *парадигма* в «родном» и «чужом» ареалах / В. З. Демьянков // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол. : Кубрякова Е. С., Лузина Л. Г. (отв. ред.) и др. – М., 2008. – С. 15–39.

28. Диалогическая лингвистика : коллективная монография / под ред. Н. Н. Шпильной, М. В. Воронец, Н. И. Тюкаева. – Барнаул : АлтГПУ, 2019. – 320 с.

29. *Долсонова А. А.* К проблеме дискурсивных стратегий в художественном произведении / А. А. Долсонова // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2015. – № 11. – С. 30–34.

30. *Дрянгина Е. А.* Коммуникативные стратегии педагогического дискурса: обзор работ / Е. А. Дрянгина // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2017. – № 131. – С. 1462–1469.

31. *Егошкина В. А.* Речевые стратегии привлечения и удержания внимания адресата в развлекательном радийном дискурсе / В. А. Егошкина // Коммуникативные исследования. – 2018. – № 2 (16). – С. 115–126.

32. *Зильберт А. Б.* Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) / А. Б. Зильберт // Язык, сознание, коммуникация : Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 103–112.

33. *Зильберт Б. А.* Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи [Электронный ресурс] / Б. А. Зильберт, А. Б. Зильберт. – М., 2001. – Режим доступа http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_17_07zilbert.pdf (дата обращения: 23.08.2018).

34. *Зиянгиров Э. К.* Языковая структура спортивного комментария футбольного матча / Э. К. Зиянгиров // Вестник Башкирского университета. – 2017. – Т. 22. – № 2. – С. 462–466.

35. *Золотова Г.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г. Золотова, Н. Онипенко, М. Сидорова; Институт русского языка РАН им. В.В. Виноградова. – М., 2004. – 544 с.

36. *Исмаилова О. И.* Речевые стратегии и тактики манипулятивного воздействия в массмедиа на основе языковой игры (на примере английского и русского языков) / О. И. Исмаилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12–1 (78). – С. 95–98.

37. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи (5-е изд.) / О. С. Иссерс. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.

38. *Иссерс О. С.* Теоретическая и прикладная лингвистика : курс лекций / О. С. Иссерс. – Омск : Изд-во Омского государственного университета, 2017. – 312 с.

39. *Калашникова Е. А.* Фоностилистическая вариативность комментирования в немецком спортивном репортаже / Е. А. Калашникова, В. М. Глушак // Филологические науки в МГИМО. – 2019. – № 4 (20). – С. 16–21.

40. *Калиниченко М. О.* Структура эпизодов и дискурсивные маркеры в спортивном комментировании / М. О. Калиниченко, М. Ю. Мухин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 5–14.

41. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

42. *Караулов Ю. Н.* От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Язык. Познание. Коммуникация / ван Дейк Т. А. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – С. 5–11.

43. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

44. *Кибрик А. А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Кибрик Андрей Александрович. – М. : Институт языкознания РАН, 2003. – 90 с.

45. *Кибрик А. А.* Референциальный выбор как многофакторный вероятностный процесс / А. А. Кибрик, Г. Б. Добров, Д. А. Залманов, А. С. Линник, Н. В. Лукашевич // Материалы международной конференции «Диалог». – 2010. – С. 173–180.

46. *Кленова Е. А.* Коммуникативно-прагматические характеристики англоязычных отзывов о компьютерных играх / Е. А. Кленова // Язык и культура в эпоху глобализации : сборник научных статей по материалам Первой всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием / под ред. И. В. Кононовой. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. – С. 46–50.

47. *Коваль О. П.* Особенности телевизионного репортажа с теннисного турнира как жанра спортивного масс-медийного дискурса / О. П. Коваль // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2014. – № 32. – С. 74–83.

48. *Комарова З. И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учебное пособие / З. И. Комарова. – Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с.

49. *Косякин И. В.* Психолингвистическая типология современного спортивного телевизионного комментатора / И. В. Косякин // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. – 2013. – № 2. – С. 159–161.

50. *Кошкарова Н. Н.* Лингвопрагматические и жанрово-стилистические особенности репрезентации чемпионата мира по футболу 2018 г. в британском медиадискурсе / Н. Н. Кошкарова // Russian Journal of Linguistics. – 2019. – Т. 23. – № 3. – С. 802–819.

51. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : «Гнозис», 2003. – 375 с.

52. *Кубрякова Е. С.* Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус / Е. С. Кубрякова // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. – 1994. – Т. 53. – № 2. – С. 3–15.

53. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка и познания мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.

54. *Кубрякова Е. С.* Понятие «парадигма» в лингвистике: Введение / Е. С. Кубрякова // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол. : Кубрякова Е. С., Лузина Л. Г. (отв. ред.) и др. – М., 2008. – С. 4–14.

55. *Кун Т.* Структура научных революций / Т. Кун. – М. : АСТ : АСТ Москва, 2009. – 317, [3] с.

56. *Кухаренко В. А.* Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.

57. *Лату М. Н.* Коммуникативные стратегии и тактики в статических поликодовых текстах, посвященных массовой самоизоляции / М. Н. Лату, Ю. Р. Тагильцева // Политическая лингвистика. – 2021. – № 1 (85). – С. 50–71.

58. *Лотман Ю. М.* Текст и структура аудитории / Ю. М. Лотман // Избранные статьи в трех томах. Т. 1. – Таллинн : Александра, 1992. – С. 161–166.

59. *Лузина Л. Г.* О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания / Л. Г. Лузина // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол. : Кубрякова Е. С., Лузина Л. Г. (отв. ред.) и др. – М., 2008. – С. 40–48.

60. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

61. *Малышева Е. Г.* Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование : монография / Е. Г. Малышева. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2011. – 370 с.

62. *Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие (3-е изд., испр.-е) / В. А. Маслова. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 296 с.

63. *Массалина И. П.* Дискурсивные маркеры / И. П. Массалина // Известия КГТУ. – 2009. – № 15. – С. 211–217.

64. *Муравлева В. Р.* Антропоцентрическая парадигма современного языкознания и понятие «коммуникативная ситуация» / В. Р. Муравлева // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2020. – № 4. – С. 111–115.

65. *Мухин М. Ю.* Проект создания китайско-русского параллельного корпуса официально-деловых текстов с дискурсивно-структурной разметкой // М. Ю. Мухин, И Ян // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 13. – № 4. – С. 23–31.

66. *Норман Б. Ю.* Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций / Б. Ю. Норман. – Минск, 2009. – 183 с.

67. *Пак Л. Е.* Сопоставление дискурсивной личности российских и американских спортивных комментаторов / Л. Е. Пак // Успехи современной науки и образования. – 2016. – № 12(6). – С. 171–177.

68. *Пак Л. Е.* Речежанровая специфика спортивных комментариев США и России / Л. Е. Пак // Вестник ТГПУ. – 2017. – № 6 (183). – С. 117–122.

69. *Пак Л. Е.* Лексические средства в речи спортивных комментаторов США и России / Л. Е. Пак // Научный диалог. – 2018. – № 2. – С. 135–148.

70. *Попова Н. Б.* Коммуникативные и речевые стратегии репортажа как жанра спортивного дискурса СМИ / Н. Б. Попова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – № 12 (408). – Филологические науки. – Вып. 110. – С. 159–165.

71. *Прокошенкова Л. П.* Дискурсивный анализ и его роль в современной лингвистике / Л. П. Прокошенкова, И. Б. Гецкина // Вестник ЧГУ. – 2006. – № 4. – С. 451–456.

72. *Пром Н. А.* Современный газетный спортивный репортаж: жанрово-стилистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Пром. – Волгоград, 2011. – 23 с.

73. *Пяткова П. Ю.* Лингвостилистический анализ речи спортивных комментаторов / П. Ю. Пяткова, Е. А. Шушмарченко // Studia Humanitatis. – 2019. – № 2. – 16 с.

74. *Раренко М. Б.* Лингвистика текста и теория ментальных пространств / М. Б. Раренко // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол. : Кубрякова Е. С., Лузина Л. Г. (отв. ред.) и др. – М., 2008. – С. 142–157.

75. *Ремчукова Е. Н.* Креативный потенциал русской грамматики : монография / Е. Н. Ремчукова. – М. : Из-во Рос. ун-та дружбы народов, 2005. – 328, [1] с.

76. *Рогалева О. С.* Автоспортивный телевизионный репортаж: композиционно-содержательные и стилистико-речевые особенности (на примере репортажей с «Формулы-1» Алексея Попова) / О. С. Рогалева // Известия Смоленского государственного университета. – 2018. – № 1 (41). – С. 97–111.

77. *Розенталь Д. Э.* Справочник по правописанию и литературной правке / Д. Э. Розенталь; под ред. И. Б. Голуб. – 16-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2012. – 368 с.

78. *Руженцева Н. Б.* Политические и коммуникативные стратегии в печатных предвыборных материалах 2018 г. / Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2018. – № 2. – С. 18–28.

79. *Рыжикова М. Д.* Спортивный комментарий как жанр спонтанного дискурса (на материале английского языка) / М. Д. Рыжикова // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2018. – Вып. 114. – № 10(420). – С. 208–214.

80. *Сарна А. Я.* Дискурс-анализ / Гуманитарный портал: Концепты [Электронный ресурс] / А. Я. Сарна // Центр гуманитарных технологий, 2002–2021 (последняя редакция: 20.10.2021). – Режим доступа https://gtmarket.ru/concepts/7232 (дата обращения: 21.10.2021).

81. *Семенова А. В.* Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / А. В. Семенова, М. В. Корсунская; под ред. В. А. Мансурова. – М. : Институт социологии РАН, 2010. – 324 с.

82. *Серебренникова Е. Ф.* Тенсивность дискурса: к проблеме реконструкции динамической реальности дискурса / Е. Ф. Серебренникова // Magister Dixit. – 2014. – № 1 (13). – С. 81–92.

83. *Серио П.* Почему Бахтин – не Пешё? Об одном большом недоразумении по поводу анализа дискурса / П. Серио // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2012. – № 10. – С. 8–21.

84. *Снятков К. В.* Телевизионный спортивный дискурс: аспекты коммуникативно-прагматического анализа / К. В. Снятков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. – СПб., 2007. – № 14(37). – С. 189–194.

85. *Снятков К. В.* Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса : автореф. дисс…. канд. филол. наук : 10.02.01 [Электронный ресурс] / К. В. Снятков. – Вологда, 2008а. – Режим доступа http://cheloveknauka.com/v/264030/a (дата обращения: 15.06.2021).

86. *Снятков К. В.* Речевое поведение спортивного телекомментатора в аспекте монологичности/диалогичности (на материале комментариев Алексея Попова) / К. В. Снятков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008б. – № 73–1. – С. 420–426.

87. *Стеблецова А. О.* Интердискурсивность медиатекстов медицинской профилактики / А. О. Стеблецова, И. А. Стернин // Коммуникативные исследования. – 2019. – № 3 (6). – С. 794–809.

88. *Степанов Ю. С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века : Сб. статей. – М. : РГГУ, 1995. – С. 35–73.

89. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. – 2-е изд., стереотип. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 696 с.

90. *Тельпов Р. Е.* Типология общих мест, выступающих средством драматизации в жанре спортивного репортажа (на материале общих мест из репортажей В. И. Гендлина) / Р. Е. Тельпов // Сб. материалов III международной научно-практической конференции «Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития». – Чебоксары, 2016. – С. 99–103.

91. *Темнова Е. В.* Современные подходы к изучению дискурса / Е. В. Темнова // Язык, сознание, коммуникация : Сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – С. 24–32.

92. *Трошина Н. Н.* Когнитивная парадигма в лингвостилистике / Н. Н. Трошина // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол. : Кубрякова Е. С., Лузина Л. Г. (отв. ред.) и др. – М., 2008. – С. 104–121.

93. *Усманова Е. Ф.* Коммуникативно-речевые стратегии и тактики в процедуре медиации / Е. Ф. Усманова, Е. В. Логанова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 11–2. – С. 136–138.

94. *Халеева С. А.* Типологические и конкретно-языковые черты в просодии спортивного радиокомментария (экспериментально-фонетическое исследование на материале британских, американских и русских футбольных репортажей): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / С. А. Халеева. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2006. – 20 с.

95. *Хурматуллин А. К.* Понятие дискурса в современной лингвистике / А. К. Хурматуллин // Ученые записки Казанского гос. ун-та. – 2009. – Т. 151, кн. 6. – С. 31–37.

96. *Цурикова Л. В.* Естественность дискурса как когнитивно-прагматический феномен / Л. В. Цурикова // С любовью к языку / В. А. Виноградов (отв. ред.). – М. ; Воронеж : ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. – С. 419–429.

97. *Юдкин-Рипун И. Н.* Предикатная иерархия в целостном анализе поэтического текста: «На смерть Комиссаржевской» А. Блока / И. Н. Юдкин-Рипун // Научный журнал. – 2017. – № 1. – С. 57–63.

98. Язык средств массовой информации : учебное пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. – М. : Академический Проект; Альма Матер, 2008. – 760 с.

99. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

100. *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 384 с.

101. *Abrosimova L. S.* Jargon in sport discourse: formation and functioning / L. S. Abrosimova, M. A. Bogdanova // Сетевой журнал «Научный результат». Сер. «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». – 2015. – Т. 1. – № 4(6). – С. 12–17.

102. *Abu-Akel A.* Episodic boundaries in conversational narratives / A. Abu-Akel // Discourse Studies. – 1999. – No. 4 (1). – P. 437–453.

103. *Ahrens S.* How to take smart notes: one simple technique to boost writing, learning and thinking–for students, academics and nonfiction book writers / S. Ahrens. – North Charleston, SC : CreateSpace, 2017. – 170 p.

104. *Aijmer K.* Pragmatic markers / K. Aijmer, A.-M. Simon-Vandenbergen // Discursive pragmatics / J. Zienkowski, J.-O. Östman, J. Verschueren (eds.). – Vol. 8. – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2011. – P. 223–247.

105. *Archibald J.* Second language acquisition / J. Archibald // Contemporary Linguistic Analysis: An Introduction / W. O'Grady, J. Archibald (eds.). – Toronto : Pearson, 2016. – P. 361–390.

106. *Austin J. L.* How to do things with words / J. L. Austin. – Oxford University Press, 1962. – 174 p.

107. *Baker P.* Using corpora in discourse analysis / P. Baker. – London ; New York : Continuum, 2006. – 198 p.

108. *Balzer-Siber M.* Functional and Stylistic Features of Sports Announce Talk: A Discourse Analysis of the Register of Major League Soccer Television Broadcasts (MA Thesis) / M. Balzer-Siber. – Johnson City, 2015. – 66 p.

109. *Barker C.* Cultural Studies and Discourse Analysis: A Dialogue on Language and Identity / C. Barker, D. Galasiński. – London : SAGE Publ., 2001. – 192 p.

110. *Bartkova K.* How to be a Discourse Particle? / K. Bartkova, A. Bastien, M. Dargnat // Speech Prosody. – Boston, 31 May – 3 Jun 2016. – P. 859–863.

111. *Baxter J.* Discourse-Analytic Approaches to Text and Talk / J. Baxter // Research Methods in Linguistics / L. Litosseliti (ed.). – London : Bloomsbury Publ., 2010. – P. 117–137.

112. *Becker M.* A prominence-based account of temporal discourse structure / M. Becker, J. Egetenmeyer // Lingua. – 2018. – Vol. 214. – P. 28–58.

113. *Bestgen Y.* Segmentation markers as trace and signal of discourse structure / Y. Bestgen // Journal of Pragmatics. – 1998. – Vol. 29. – No. 6. – P. 753–763.

114. *Bhatia A.* Interdiscursive performance in digital professions: The case of YouTube tutorials / A. Bhatia // Journal of Pragmatics. – 2018. – No. 124. – P. 106–120.

115. *Blommaert J.* Discourse / J. Blommaert. – N. Y. : Cambridge University Press, 2005. – 299 p.

116. *Botha R. P.* The generative garden game: challenging Chomsky at conceptual combat / R. P. Botha // Stellenbosch Papers in Linguistics Plus. – 1987. – Vol. 11. – 287 p.

117. *Bryant J.* Drama in Sports Commentary / J. Bryant, P. Comisky, D. Zillmann // Journal of Communication. – 1977. – Vol. 27, Issue 3. – P. 140–149.

118. *Bryant J.* Sports and Spectators: Commentary and Appreciation / J. Bryant, D. Brown, P. W. Comisky, D. Zillmann // Journal of Communication. – 1982. – Vol. 27, Issue 3. – P. 109–119.

119. *Carnie A.* Syntax: a generative introduction (3rd ed.) / A. Carnie. – Hoboken, New Jersey : Wiley-Blackwell, 2013. – 526 p.

120. *Carter R.* Spoken Grammar: Where Are We and Where Are We Going? / R. Carter, M. McCarthy // Applied Linguistics. – 2017. – Vol. 38. – No. 1. – P. 1–20.

121. *Charolles M.* Discourse topics and digressive markers // Journal of Pragmatics. – 2020. – No. 161. – P. 57–77.

122. *Chen M.* Discriminatory discursive strategies in online comments on YouTube videos on the Hong Kong Umbrella Movement by Mainland and Hong Kong Chinese / M. Chen, J. Flowerdew // Discourse & Society. – 2019. – Vol. 30(6). – P. 549–572.

123. *Chomsky N.* Current Issues in Linguistic Theory / N. Chomsky. – Mouton, 1964. – 119 p.

124. *Chomsky N.* Aspects of the Theory of Syntax (14th ed.) / N. Chomsky. – The MIT Press, 1985. –251 p.

125. *Chomsky N.* Knowledge of language : its nature, origin, and use / N. Chomsky. – New York : Praeger, 1986. – 341 p.

126. *Chomsky N.* The minimalist program (20th Anniversary Edition) / N. Chomsky. – Cambridge, Massachusetts ; London, England : The MIT Press, 2015. – 393 p.

127. *Chovanec J.* "The battle fever's on": Phrasal routines and multilingual play in sports commentary / J. Chovanec // Le corps et la langue du footballeur : match interdisciplinaire. Actes des journées d'études d'Innsbruck (2016) et de Reims (2018). – Innsbruck : Innsbruck University Press, 2020. – 18 p.

128. *Comisky P.* Commentary as a Substitute for Action / P. Comisky, J. Bryany, D. Zillmann // Journal of Communication. – 1977. – Vol. 27, Issue 3. – P. 150–153.

129. *de Beaugrande R.* The Story of Discourse Analysis / R. de Beaugrande // Discourse as Structure and Process / T. A. van Dijk (ed.). – Sage, 1997. – P. 36–62.

130. *de Beaugrande R.* Text linguistics / R. de Beaugrande // Discursive pragmatics / J. Zienkowski, J.-O. Östman, J. Verschueren (eds.). – Vol. 8. – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2011. – P. 286–296.

131. *Do M. L.* Cognitive and pragmatic factors in language production: Evidence from source-goal motion events / M. L. Do, A. Papafragou, J. Trueswell // Cognition. – 2020. – Vol. 205. – 15 p.

132. *Drew P.* The interface between pragmatics and conversation analysis / P. Drew // Pragmatics & Beyond New Series / C. Ilie, N. R. Norrick (eds.). – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2018. – P. 59–84.

133. *Evans V.* Cognitive linguistics: an introduction (Repr.) / V. Evans, M. Green. – Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 2009. – 830 p.

134. *Fairclough N.* Analysing Discourse: Textual analysis for social research / N. Fairclough. – London; N. Y. : Routledge, 2003. – 270 p.

135. *Fairclough N.* Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language / N. Faiclough. – Oxon : Routledge, 2013. – 591 p.

136. *Ferguson C. A.* Sports announcer talk: Syntactic aspects of register variation / C. A. Ferguson // Language in Society. – 1983. – Vol. 12. – No. 2. – P. 153–172.

137. *File K. A.* The strategic enactment of media identity by professional team sports players / K. A. File // Discourse & Communication. – 2015. – Vol. 9(4). – P. 441–464.

138. *Fitch W. T.* The Evolution of the Language Faculty: Clarifications and Implications / W. T. Fitch, M. D. Hauser, N. Chomsky // Cognition. – No. 97(2). – P. 179–210.

139. *Foucault M.* The archaeology of knowledge / M. Foucault. – New York, NY : Pantheon Books, 1982. – 245 p.

140. *Gardner R.* Conversation Analysis / R. Gardner // The Handbook of Applied Linguistics / A. Davies, C. Elder (eds.). – Malden; Oxford; Carlton : Blackwell Publ, 2004. – P. 262–284.

141. *Gee J. P.* Discourse analysis of games / J. P. Gee // Discourse and Digital Practices: Doing Discourse Analysis in the Digital Age / R. H. Jones, A. Chik, C. A. Hafner (eds.). – London; N. Y. : Routledge, 2015. – P. 18–27.

142. *Gee J. P.* Introducing discourse analysis: from grammar to society / J. P. Gee. – London ; New York : Routledge/Taylor & Francis Group, 2018. – 170 p.

143. *Georgalou M.* Scoring a hat trick: Nation, football, and critical discourse analysis / M. Georgalou // Rice Working Papers in Linguistics. – 2009. – Vol. 1. – P. 108–141.

144. *Gilbert G. N.* Opening Pandora's Box: A Sociological Analysis of Scientists' Discourse / G. N. Gilbert, M. J. Mulkay. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – 202, [viii] p.

145. *Goldschmied N.* Appraising Loftus and Palmer (1974) post-event information versus concurrent commentary in the context of sport / N. Goldschmied, M. Sheptock, K. Kim, Y. Galily // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. – 2017. – No. 70(11). – P. 2347–2356.

146. *Grosz B. J.* Attention, Intentions, and the Structure of Discourse / B. J. Grosz, C. L. Sidner // Computational Linguistics. – 1986. – No. 3 (12). – P. 175–204.

147. *Harris Z. S.* Discourse Analysis / Z. S. Harris // Language. – 1952. – No. 1 (28). – P. 1–30.

148. *Hauser M. D.* The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? / M. D. Hauser, N. Chomsky, W. T. Fitch // Science. – No. 298(1569). – P. 1569–1579.

149. *Huang L.-F.* Discourse Markers in Spoken English: A Corpus Study of Native Speakers and Chinese Non-native Speakers (PhD Thesis) / L.-F. Huang. – The University of Birmingham, 2011. – 384 p.

150. *Hwang S. J. J.* Recursion in the paragraph as a unit of discourse development / S. J. J. Hwang // Discourse Processes. 1989. No. 4 (12). P. 461–477.

151. *Hyland K.* Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing / K. Hyland. – London; N. Y. : Continuum, 2005. – 230 p.

152. *Johnstone B.* Discourse analysis (2nd ed.) / B. Johnstone. – Malden, MA : Blackwell Pub, 2008. – 311 p.

153. *Kijratanakoson N.* Digital media's discursive strategies against anabolic-androgenic steroids: A corpus-assisted discourse analysis / N. Kijratanakoson // Discourse Studies. – 2020. – Vol. 22(3). – P. 339–355.

154. *Kuiper K.* On the linguistic properties of formulaic speech / K. Kuiper // Oral Tradition. – 2000. – No. 2 (15). – P. 279–305.

155. *Kuiper K.* Initial vs. non-initial placement of agent constructions in spoken clauses: A corpus-based study of language production under time pressure / K. Kuiper, N. Bimesl, G. Kempen, M. Ogino // Language Sciences. – 2017. – No. 64. – P. 16–33.

156. *Kuiper K.* Jan Chovanec, The discourse of online sportscasting: Constructing meaning and interaction in live text commentary. Amsterdam : John Benjamins, 2018. Pp. 303. Hb. €100. / K. Kuiper // Language in Society. – 2020. – No. 5 (49). – P. 778–781.

157. *Lai C.* Integrating lexical and prosodic features for automatic paragraph segmentation / C. Lai, M. Farrús, J. D. Moore // Speech Communication. – 2020. – Vol. 121. – P. 44–57.

158. Language Files: Materials for an Introduction to Language and Linguistics (12th ed.) / H. C. Dawson, M. Phelan (eds.). – Columbus : The Ohio State University Press, 2016. – 1159 p.

159. *Levinson S. C.* Pragmatics (19th ed.) / S. C. Levinson. – Cambridge [Cambridgeshire] ; New York : Cambridge University Press, 2008. – 420 p.

160. *Linell P.* Approaching Dialogue: Talk, interaction and contexts in dialogical perspectives / P. Linell // IMPACT : Studies in Language and Society. Vol. 3. Approaching Dialogue. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1998. – 330 p.

161. *Llamas C.* Sociolinguistics / C. Llamas, P. Stockwell // An Introduction to Applied Linguistics (3rd ed.) / N. Schmitt, M. P. H. Rogers (eds.). – Oxon : Routledge, 2020. – P. 146–177.

162. *Lytra V.* Multilingualism and multimodality / V. Lytra // The Routledge Handbook of Multilingualism / M. Martin-Jones, A. Blackledge, A. Creese (eds.). – London; New York : Routledge, 2012. – P. 521–537.

163. *Maschler Y.* Discourse Markers / Y. Maschler, D. Schiffrin // The Handbook of Discourse Analysis / D. Tannen, H. E. Hamilton, D. Schiffrin (eds.). – Malden, MA; Chichester, West Sussex, 2015. – P. 189–221.

164. *Mazzarella D.* Saying, presupposing and implicating: How pragmatics modulates commitment / D. Mazzarella, R. Reinecke, I. Noveck, H. Mercier // Journal of Pragmatics. – 2018. – Vol. 133. – P. 15–27.

165. *McCarthy M.* Discourse analysis / M. McCarthy, C. Matthiesen, D. Slade // An Introduction to Applied Linguistics (3rd ed.) / N. Schmitt, M. P. H. Rogers (eds.). – Oxon : Routledge, 2020. – P. 55–71.

166. *McKeown J.* Exploring the metadiscursive realisation of incivility in TV news discourse / J. McKeown, H. J. Ladegaard // Discourse, Context & Media. – 2020. – No. 33. – 9 p.

167. *Mithun M.* Discourse and Grammar / M. Mithun // The Handbook of Discourse Analysis (2nd ed.) / D. Tannen, H. E. Hamilton, D. Schiffrin (eds.). – Malden, MA; Chichester, West Sussex, 2015. – P. 11–41.

168. *Mondada L.* Contemporary issues in conversation analysis: Embodiment and materiality, multimodality and multisensoriality in social interaction / L. Mondada // Journal of Pragmatics. – 2019. – Vol. 145. – P. 47–62.

169. *Nevin B.* Noam and Zellig / B. Nevin // Chomskyan (R)evolutions / D. A. Kibbee (ed.). John Benjamins Publishing Company, 2010. P. 103-168.

170. *Nowson S.* Being John Motson: Toward a Computational Model of Football Commentary / S. Nowson. – Edinburgh : University of Edinburgh, 2001. – 171 p.

171. *Oates T. P.* Sports Journalism as Moral and Ethical Discourse / T. P. Oates, J. Pauly // Journal of Mass Media Ethics. – 2007. – No. 22(4). – P. 332–347.

172. *Ochs E.* Planned and unplanned discourse / E. Ochs // Syntax and Semantics, XII: Discourse and Syntax (ed. by T. Givón). – New York : Academic Press, 1979. – P. 51–80.

173. *O'Grady W.* First language acquisition / W. O'Grady, S. W. Cho // Contemporary Linguistic Analysis: An Introduction / W. O'Grady, J. Archibald. – Toronto : Pearson, 2016. – P. 323–360.

174. *Östman J.-O.* Text and discourse linguistics / J.-O. Östman, T. Virtanen // Discursive pragmatics / J. Zienkowski, J.-O. Östman, J. Verschueren (eds.). – Vol. 8. – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2011. – P. 266–285.

175. *Paltridge B.* Discourse Analysis: An Introduction / B. Paltridge. – London, N. Y. : Bloomsbury Academic, 2012. – 282 p.

176. *Pan P.-L.* A dispositional approach to hostility toward sports commentators in online areas / P.-L. Pan // Computers in Human Behavior. – 2013. – No. 29. – P. 1725–1732.

177. *Radford A.* Minimalist Syntax Revisited / A. Radford. – 2006. – 318 p.

178. *Rainville R. E.* Extent of Covert Racial Prejudice in Pro Footballers Announcers' Speech / R. E. Rainville, E. McCormick // Journalism Quarterly. – 1977. – Vol. 54, Issue 1. – P. 20–26.

179. *Reaser J.* A Quantitative Approach to (Sub)Registers: The Case of ‘Sports Announcer Talk’ / J. Reaser // Discourse Studies. – 2003. – No. 5. – P. 303–321.

180. *Reisigl M.* The discourse-historical approach / M. Reisigl, R. Wodak // Methods of Critical Discourse Studies. – London : Sage, 2016. – P. 23–61.

181. *Ross A. S.* “Froome with His SKY Bodyguards, Layers of Armour”: The ‘Sport is War’ Conceptual Metaphor in Grand Tour Cycling Commentary / A. S. Ross, D. J. Rivers // Communication & Sport. – 2018. – Vol. 20, Issue 10. – 22 p.

182. *Sacks H.* A simplest systematics for the organisation of turn-taking for conversation / H. Sacks, E. A. Schegloff, G. Jefferson // Language. – 1974. – No. 50. – P. 696–735.

183. *Saidian S.* “Mayhem! Absolute Mayhem!” Exploring the promotional metadiscursive features in the sportscasts of the 2014 FIFA World Cup semifinal between Brazil and Germany / S. Saidian, A. Jalilfar // Discourse, Context and Media. – 2016. – No. 16. – P. 9–17.

184. *Salkie R.* Text and Discourse Analysis / R. Salkie. – London; N. Y. : Routledge, 1995. – 115 p.

185. *Schmitt N.* An overview of applied linguistics / N. Schmitt, M. Celce-Murcia // An Introduction to Applied Linguistics (3rd ed.) / N. Schmitt, M. P. H. Rodgers (eds.). – Oxon : Routledge, 2020. – P. 1–16.

186. *Segrave J. O.* A Matter of Life and Death: Some Thoughts on the Language of Sport / J. O Segrave // Journal of Sport & Social Issues. – 1997. – Vol. 21. – No. 2. – P. 211–220.

187. *Sherzer J.* Discourse-centered approach to language and culture / J. Sherzer // American Anthropologist. – 1987. – Vol. 89. – No. 2. – P. 295–309.

188. *Sinclair J.* Priorities in discourse analysis / J. Sinclair // Advances in Spoken Discourse Analysis / ed. by M. Coulthard. – London; N. Y. : Routledge, 1992. – P. 79–88.

189. *Snyder J.* Image-Enabled Discourse: Investigating the Creation of Visual Information as Communicative Practice (PhD Dissertation) / J. Snyder. – School of Information Studies, 2012. – 322 p.

190. *Stivers T.* How We Manage Social Relationships Through Answers to Questions: The Case of Interjections / T. Stivers // Discourse Processes. – 2019. – Vol. 56. – P. 191–209.

191. *Strodt-Lopez B.* Tying it all in: Asides in university lectures / B. Strodt-Lopez // Applied Linguistics. – 1991. – No. 2 (12). – P. 117–140.

192. The Routledge Handbook of Critical Discourse Analysis / J. Flowerdew, J. E. Richardson (eds.). – Oxon : Routledge, 2018. – 637 p.

193. The Routledge Handbook of Multilingualism / M. Martin-Jones, A. Blackledge, A. Creese (eds.). – London; New York : Routledge, 2012. – 562 p.

194. *Tincheva N.* Text and/versus Discourse / N. Tincheva // Text Structure: A Window into Discourse, Context and Mind. – Sofia : POLIS Publ., 2015. – P. 12–37.

195. *Trappes-Lomax H.* Discourse Analysis / H. Trappes-Lomax // The Handbook of Applied Linguistics / A. Davies, C. Elder (eds.). – Malden; Oxford; Carlton : Blackwell Publ, 2004. – P. 133–164.

196. *Tsoy E.* Functions of Russian verb-derived discourse markers slušaj and smotri from the perspective of information management and interpersonal regulation / E. Tsoy // Journal of Pragmatics. – 2022. – No. 193. – P. 105–121.

197. *van Dijk T. A.* Text and Context: Explorations in the semantics and pragmatics of discourse / T. A. van Dijk. – N. Y. : Longman, 1977. – 261 p.

198. *van Dijk T. A.* Episodes as Units of Discourse Analysis / T. A. van Dijk // Analyzing Discourse: Text and Talk / D. Tannen (ed.). – Georgetown, 1982. – P. 177–195.

199. *van Dijk T. A.* Chapter 6. Macrostrategies / T. A. van Dijk, W. Kintsch // Strategies of Discourse Comprehension. – New York : Academic Press, 1983. – P. 189–206.

200. *van Dijk T. A.* Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-Discipline / T. A. van Dijk // Handbook of Discourse Analysis, Vol. 1: Disciplines of Discourse / T. A. van Dijk (ed.) . – Orlando, FL : Academic, 1985. – P. 1–10.

201. *van Dijk T. A.* The Study of Discourse / T. A. van Dijk // Discourse as Structure and Process / T. A. van Dijk (ed.). – Sage, 1997. – P. 1–34.

202. *van Dijk T. A.* Socio-cognitive discourse studies / T. A. van Dijk // The Routledge Handbook of Critical Discourse Analysis / J. Flowerdew, J. E. Richardson (eds.). – Oxon : Routledge, 2018. – P. 26–43.

203. *Van Sterkenburg J.* Race, ethnicity, and content analysis of the sports media: a critical reflection / J. Van Sterkenburg, A. Knoppers, S. De Leeuw // Media, Culture & Society. – 2010. – Vol. 32, Issue 5. – P. 819–839.

204. *Van Sterkenburg J.* Constructing Racial/Ethnic Difference in and Through Dutch Televised Soccer Commentary / J. Van Sterkenburg, A. Knoppers, S. de Leeuw // Journal of Sport and Social Issues. – 2012. – Vol. 36, Issue 4. – P. 422–442.

205. *Wolfe M. B.* Beliefs and Discourse Processing / M. B. Wolfe, T. D. Griffin // The Routledge Handbook of Discourse Processes / M. F. Schober, D. N. Rapp, M. A. Britt (eds.). – N. Y. : Routledge, 2018. – P. 295–314.

206. *Wooffitt R.* Conversation analysis and discourse analysis: a comparative and critical introduction / R. Wooffitt. – London ; Thousand Oaks, CA : SAGE, 2005. – 234 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Кодировка расшифровок, составляющих материал исследования

Таблица 7. Кодировка расшифровок, составляющих материал исследования

Код	Вид спорта	Язык	Количество комментаторов (один – 1, два и больше – 2)	Соревнование	Комментатор(ы)
ВА2	велоспорт	английский	2	второй этап «Тур де Франс»-2017	JHB = Джонатан Харрис-Басс RH = Роб Хэтч JAF = Хуан Антонио Флеча BS = Брайан Смит CK = Карлтон Кирби SK = Шон Келли
ВР1	велоспорт	русский	1		СК = Сергей Курдюков
ТР2	теннис	русский	2	финал «US Open»-2019 в мужском разряде	АК = Александр Кузмак МС = Марат Сафин
ФОР1	Формула-1	русский	1	гонка Гран-при Великобритании 2012	АП = Алексей Попов
ФОР2а	Формула-1	русский	2	гонка Гран-при Великобритании 2013	АП = Алексей Попов НФ = Наталья Фабричнова
ФОР2б	Формула-1	русский	2	гонка Гран-при Великобритании 2019	АП = Алексей Попов НФ = Наталья Фабричнова
ФУА2	футбол	английский	2	ответный матч четвертьфинала Лиги Чемпионов 2018 между «Манчестер Сити» и «Тоттенхэм»	DF = Даррен Флетчер JJ = Джермейн Джинас PW = Питер Уолтон
ФУР2	футбол	русский	2		ММ = Михаил Моссаковский ТЖ = Тимур Журавель